

*Т. А. Тубаханова*

*Кавказская война*

**В РУССКОЙ  
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ  
КУЛЬТУРЕ**

**(XIX – начало XX века)**



Р.А. Губаханова

---

**«КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА»  
В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ  
КУЛЬТУРЕ  
(XIX – начало XX века)**



**instituteofhistory.ru**

Махачкала 2008

ББК 63.3(2Р-6Д)  
УДК 94(467.47)  
Г-93

**Р.А. Губаханова.** Кавказская война в русской художественной культуре (XIX – начало XX века). – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2008. – 150 с. с ил.

Рекомендовано к изданию Ученым Советом Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН.

В работе рассматривается творчество представителей русской и западноевропейской художественной культуры, отдавших частицу своего таланта одному из важнейших событий в истории Дагестана – народно-освободительному движению горцев Дагестана и Чечни в 20-50 гг. XIX века. Обращение к кавказскому материалу способствовало сближению и взаимопониманию народов.

Книга рассчитана на специалистов, а также на широкий круг читателей.

© Губаханова Р.А., 2008

# Введение

---

**Проблема историографии.** Народно-освободительное движение на Северном Кавказе в первой половине XIX века было не только важнейшим событием региональной истории, повлиявшим на развитие национального самосознания горцев и их дальнейшую судьбу. Оно сыграло немаловажную роль в истории России, вынудив царизм сосредоточить на борьбе с горцами значительные ресурсы, и явилось наряду с Крымской войной и другими событиями, показателем того, что феодально-крепостническая система себя полностью исчерпала. И, наконец, многолетняя борьба народов Северного Кавказа способствовала истощению сил царизма, как жандарма Европы, объективно оказывала помощь мировому революционному движению и имела сильный международный резонанс.

Естественно, события Кавказской войны изучались и изучаются не только в России, но и зарубежными учеными в XIX, XX и в XXI веках. И на современном этапе развития исторической науки, они привлекают к себе внимание многих ученых. Объективное, независимое от конъюнктуры политических воззрений, изучение истории Кавказской войны и по сей день является чрезвычайно актуальной задачей.

Известный французский писатель и публицист Поль Вальери писал о том, что за последние 300 лет история как наука перестала существовать, она стала «прислужницей политики». С этим столь категорическим суждением нельзя не согласиться, ознакомившись с историографией этого вопроса. Вместе с тем, бросается в глаза одна особенность в изучении движения горцев, а именно методологическая основа подхода за последние 80 лет (начиная с 1917 г.) не менялась. Источниковедческая база, в основной своей массе также не менялась (она лишь несколько



возросла и отчасти углубила анализ). И, несмотря, на это оценка движения горцев дважды претерпела серьезные изменения.

Дагестанский историк, специалист в деле изучения этой проблемы профессор Расул Магомедович Магомедов раздел советской историографии этого вопроса делит на 3 периода<sup>1</sup>.

1. С 20-х до середины 40-х годов XX века;
2. С конца 40-х до середины 50-х годов XX века;
3. С середины 50-х до начала 80-х годов XX века;

Период послереволюционный – это отдельный период. В свете ленинской установки о прогрессивности национально-освободительных движений, направленных против колониальной политики царизма, естественным было появление книги профессора М.И. Покровского – «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии». В главе «Завоевание Кавказа» автор считает движение горцев антиколониальной борьбой за независимость против реакционной николаевской империи. А известный военачальник тех лет М.В. Фрунзе в своей книге «Европейские цивилизаторы и Марокко» проводит сравнение между алжирским лидером Абдель-Кадером и имамом Шамилем. Он пишет: «По своим военным дарованиям неукротимой энергией, железной волей и влиянию на массы он (Абдель-Кадер) смело может стать рядом со своим современником и борцом за те же цели – кавказским Шамилем»<sup>2</sup>.

В 30-е годы возрос интерес к гражданской истории, сформировались кадры новой советской интеллигенции. Крупнейшие ученые-востоковеды – академик В.В. Бартольд, академик И.Ю. Крачковский, профессор В.В. Церетели, профессор А.И. Генко, приступили к работе над выявлением и изданием письменных источников по движению горцев. Появились статьи Н.И. Покровского, Б.В. Скитского, А.В. Фадеева.

Все исследователи придавали большое историческое значение движению горцев. Академик В.В. Бартольд публикует в

---

<sup>1</sup> Магомедов Р.М. *Народно-освободительная борьба горцев под руководством Шамиля в советской историографии // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–30-х гг. XIX в. Из материалов всесоюзной конференции. Махачкала, 1994. С. 7.*

<sup>2</sup> Там же. С. 8.

международном издании, вышедшем в Лондоне на трех языках свою статью. В нескольких учебниках тех лет движение кавказских горцев рассматривалось в одном ряду с крестьянскими войнами и национально-освободительным движением народов СССР.

В эти годы появились монографии на эту тему, готовилась к изданию хроника Мухаммед-Тахира-ал Карахи.

Дагестанскому институту истории, языка и литературы было поручено подготовить серию популярных брошюр по всем периодам истории Дагестана. А личность имама Шамиля рассматривалась в одном ряду с такими деятелями как И. Болотников, С. Разин, К. Булавин, Е. Пугачев и др. Эта оценка сохранилась и в годы Великой Отечественной войны.

На рубеже 40-х–50-х годов оценка движения горцев под руководством Шамиля резко изменилась. Движение горцев было признано реакционным, а имам Шамиль английским шпионом. Профессор М.Н. Покровский был подвергнут резкой критике. Вред культа личности нашел свое отражение в исторической науке. При непосредственном вмешательстве И.В. Сталина была запрещена статья Ф. Энгельса «Внешняя политика русского царизма». Нежелательной оказалась реакционность и агрессивность царской политики. По личной санкции И.В. Сталина и была опубликована злополучная статья Багирова. Началась травля ученых, ведущие академики – Н.М. Дружинин, А.М. Панкратова, М.В. Нечкина обвинялись в извращении «исторической действительности», «идеализации инспирированного Турцией и Англией мюридизма». Выводы выглядели как возвращение к оценкам дворянско-монархических историков, искусственно соединяя термины с марксистско-ленинскими выводами. Поворотным пунктом стал XX съезд КПСС, открыто осудивший культ личности. Для дальнейшего развития общественных наук в нашей стране этот съезд сыграл большую роль.

Состоявшиеся в 1956 году научные сессии пришли к однозначному выводу – движение северокавказских горцев под руководством Шамиля было массовым, народным, антиколониальным и не могло быть инспирировано из-за рубежа.

На оживление исследовательской работы указывало появление кроме большого количества статей, брошюр, монографий

Н.А. Смирнова, А.В. Фадеева, В.Г. Гаджиева, Е.Н. Кушевой.  
Был издан специальный сборник материалов и источников.

Но с конца 60-х годов заметен постепенный спад исследовательской работы по проблеме движения горцев, что напрямую связано с периодом застоя.

Положение стало меняться с начала перестройки. В центральной и местной периодике появилось ряд статей и книг о борьбе горцев. В них рассматривается историографический вопрос о соотношении народного, антиколониального характера движения горцев и прогрессивного значения присоединения Дагестана к России.

В наши дни в российской науке складываются условия для продолжения успешной разработки различных аспектов движения горцев.

Большое значение в деле дальнейшего исследования проблем Кавказской войны имела прошедшая в июне 1989 года Всесоюзная научная конференция «Национально-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х годах XIX века». Конференция вызвала большой интерес общественности. В итоге работы ею были составлены рекомендации, в которых, прежде всего, отмечено, что «революционная эпоха, переживаемая нашей страной, процесс национального роста гласности и демократии с особой остротой ставит вопрос об отношении к историческому прошлому и духовному наследию, когда возросшее национальное самосознание породило новые духовные запросы общества, повышенный интерес к изучению и переосмыслению многих актуальных и животрепещущих вопросов истории и культуры народов».

Конференция отмечает, что борьба горцев выражала интересы всех народов Дагестана, Чечни и Северо-Восточного Кавказа, находила общенародную поддержку, носила освободительный, антифеодальный, антиколониальный характер. Она возникла на местной социально-экономической почве как следствие захватническо-колониальной политики царизма и усиления феодального гнета.

В движении принимали участие различные социальные потоки, но основу его составило горское крестьянство, боровшееся как против феодальной власти, так и против грабитель-

ской политики царизма. Все это определило характер и размах движения, героизм и беспредельное мужество широких масс населения, вынесшего все тяготы и лишения затянувшейся на десятилетия Кавказской войны. Мужественная борьба горских народов имела огромное значение для всего Кавказа, она была созвучна национально-освободительным движениям Европы и Востока, вызывала восхищение у передовых прогрессивных деятелей России, революционных демократов. Поэтому не следует ни в коей мере отождествлять царизм с русским народом. Напротив, в борьбе русского народа против крепостничества и абсолютизма и в борьбе горцев за национальную независимость и самоуправление рождалось сознание единства интересов народов. Признаки общественно-прогрессивного значения присоединение Дагестана и Чечни так и всего Северного Кавказа, в целом к России – одно из главных положений проблемы русско-северокавказских отношений.

Идеология кавказского мюридизма, ставшая в силу сложившихся причин знаменем движения, участие в нем представителей духовенства не дают основания представить движение мюридистским.

В объединительной и мобилизующей роли этой идеологии в конкретно-исторических условиях борьбы сказались ее известные патриотические функции.

В рекомендациях конференции было особо указано на необходимость издания обобщающих монографий на заданную тему, которые вобрали в себя проблемы историографии источниковедения, коллективных трудов по изучению зарубежной историографии движения.

Последующие годы ознаменованы более тщательным вниманием к проблеме Кавказской войны. Празднуются юбилеи видных деятелей движения горцев, появляются популярные и научные издания, пишутся пьесы на эту тему.

Как совершенно справедливо отмечают историки неблагоприятно сегодня сместить социальную природу движения горцев на плоскость национальной, религиозной, чуть ли не генетической несовместимости русского и горских народов, представить антиколониальную борьбу как националистическую, антирусскую. Все «это не укладывается в рамки народного и

научного восприятия беспримерной борьбы горцев как уникального проявления духа и энергии человеческого свободолюбия и национального достоинства, как исполинского подвига. Это стало предметом восхищения и преклонения передовых слоев своей эпохи и последующих поколений на Востоке и на Западе»<sup>1</sup>, — пишет академик Г.Г. Гамзатов.

Демократизация общества создала благоприятные условия для преодоления субъективистских волюнтаристских наслоений многих проблем истории народов СССР, в том числе и такой актуальной как историческое прошлое Кавказа. Вместе с тем необходимо отметить признание всеми учеными того, что проблема глубокого, научно обоснованного, правдивого и честного освещения Кавказской войны исторических, социальных и идейных корней движения горцев Северо-Восточного Кавказа предполагает признание сложности и противоречивости этого явления, затрагивает важнейшие аспекты межнациональных отношений. Ученым необходимо избежать идеализации в освещении событий войны, так же как и негативного отношения, объективно оценить роль личности и народных масс в освободительной борьбе. Так, к примеру, позитивная по своему содержанию и значению объединительная, мобилизующая, а также патриотическая миссия мюридизма не может избавить эту идеологию от осуждения ее консервативных сторон.

Нельзя отрицать и тот факт, что особенно характерно в начале движения шариатские нормы общественной жизни порой насаждались насильственными мерами. Многие большие горские аулы приходилось мюридам Шамиля брать приступом, естественно, не обходилось без жертв среди мирного населения. Кроме того, излишняя жестокость, с которой насаждался шариат, не всегда была оправданной.

Несомненно, со временем эти и другие вопросы найдут отражение в трудах исследователей в последующие годы.

\* \* \*

---

<sup>1</sup> Гамзатов Г.Г. Воссоздать правдивую историю Кавказской войны. Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х гг. XIX в. Махачкала, 1990. С. 54.

**Русское общество и Кавказская война.** Четыре часа полета отделяют Кавказ от центра Европы. Но события последних лет взбудоражили умы не только Европы, но и всей планеты. Война в Чечне, непродуманная национальная политика руководства России, начиная с 90-х годов XX века заставила всех здравомыслящих людей обратиться к истории XIX века, вновь и вновь поднимать архивные документы, разобраться в различных общественно-политических течениях русского общества XIX века.

Геополитическое значение Кавказа и Дагестана, в частности, в планах России не раз подчеркивали царские чиновники. В середине XIX века командующий Кавказской Армией генерал Г. Орбелиани писал: «Потерять Дагестан – это все равно, что потерять весь Закавказский край»<sup>1</sup>. Представитель ОБСЕ Хайди Тальявини в наши дни пишет о том же: «Кавказ – это земля древней культуры и богатых традиций так часто претерпевающая насилие в своей истории»<sup>2</sup>.

Недооценено и стратегическое значение Кавказа в зоне напряженных противоречий между многими политическими и экономическими интересами. «Не только нефть Каспийского моря – само географическое положение превращает Кавказ в узел внешних геополитических интересов»<sup>3</sup>.

Русское общество середины XIX века уже тогда понимало, что Кавказ, помимо его военно-стратегической роли, уникальная область на земле. Тут сформировалась неповторимая, нигде более не воспроизведенная, социально-биологическая структура: на крошечном пятачке земли уживаются десятки народов и полсотни языков. Английский писатель Майкл Гленни в поисках поэтического а налога нашел у Шекспира такое живое определение: «Кавказ – это раскаленный уголек на твердой ладони земли». Даже в далекие годы из туманного Альбиона Кавказ представляется местом не очень спокойным<sup>4</sup>. Тем более это понимали в столице России – Петербурге. Император Александр I, как известно в сво-

<sup>1</sup> Зиссерман Я.А. Фельдмаршал кн. А.Н. Барятинский. М., 1888. III. I. С. 350.

<sup>2</sup> Тальявини Хайди. Шрудно быть посредником // Защита будущего. Кавказ в поисках мира. Изд. ОБСЕ. М., 2000. С. 14.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Приставкин А. Кавказская линия // Защита будущего. Кавказ в поисках мира. М., 2000. С. 264.

ей охране держал кавказцев. А генералу Ермолову, о жестокости которого доходили слухи до северной столицы, он писал: «Верно ты слишком любишь отечество, чтобы желать войны. Нам нужен мир для преобразования и улучшений». А генералу Ртищеву еще в 1813 году он советует: «Старайся водворить спокойствие дружелюбием и снисходительностью»<sup>1</sup>.

При характеристике общественно-политических взглядов русского общества в XIX веке следует четко дифференцировать два направления в национально-колониальной политике правительства – это реакционное и либеральное. Здесь, безусловно, речь идет о правительственной политике, т.е. об официозе, в противовес которому революционно-демократическое крыло общественно-политической жизни в лице революционных демократов (Добролюбов, Чернышевский, Герцен) выступало за полную автономию национальных окраин, сопровождающуюся отсутствием любых насильственных мер.

В начале XX века в некоторых публицистических изданиях появились труды с явно выраженным чувством вины у прогрессивной интеллигенции за насильственные методы завоевания Кавказа.

Замечательный мыслитель России Георгий Федотов писал: «Мы любим Кавказ, но смотрим на его покорение сквозь романтические поэмы Пушкина и Лермонтова. Но даже Пушкин обронил жесткое слово о Цицианове, который «губил, ничтожил племена». Мы заучили с детства о мирном присоединении Грузин, но мало кто знает, каким вероломством и каким унижением для Грузин Россия оплатила за ее добровольное присоединение. Мало кто знает и то, что после сдачи Шамиля до полумиллионов черкесов эмигрировали в Турцию. Это все дела недавних дней. Кавказ никогда не был замирен окончательно»<sup>2</sup>.

И все же все познается в сравнении, и в связи с этим историк Федотов далее пишет: «На Востоке, при всей грубости русского управления культурная миссия России была бесспорна... В странах Ислама привыкших к деспотизму местных ханов и эмиров, русские самодуры и взяточники не были страшны. В России никого не сажали на кол, как сажали в Хиве и Бухаре. У русских не было того высокомерного сознания высшей расы, которое гу-

---

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> Цит по: Приставкин. Кавказская линия... С. 265.



било плоды просвещенной и гуманной английской администрации в Индии. Русские не только легко общались, но и сливались кровью со своими подданными, открывали их аристократии доступ к военной и административной карьере»<sup>1</sup>.

Один из великих уроков русской художественной культуры терпимость, понимание, выражаясь современным языком – толерантность, явилась отражением либеральных веяний русского общества.

Среда высших военных чинов, воевавших против горцев, начиная с Ермолова, царизм олицетворял в основном, за небольшим исключением, реакционные и шовинистические воззрения, доказывая это при каждом удобном случае. Так, генерал Мелентий Ольшевский, много лет воевавший на Кавказе, писал: «Чеченцев как своих врагов мы старались всеми мерами унижать и даже их достоинства обращать в недостатки. Мы считали их народом до крайности непостоянным, легковерным, коварным и вероломным, потому, что они не хотели исполнять наших требований, не сообразных с их понятиями, нравами, обычаями и образом жизни. Мы их так порочили только потому, что они не хотели плясать по нашей дудке, звуки которой были для них слишком жестки и оглушительны.

Чеченцы обвинялись нами в легковерии и непостоянстве за то, что они отрекались от своих обещаний и даже изменяли нам»<sup>2</sup>. Но при всех своих реакционных взглядах генерал Ольшевский не склонен переносить все отрицательное на весь чеченский народ. Он пишет: «Но имели ли мы право укорять целый народ за действия, о которых мы трактовали не со всем чеченским населением, а с десятком чеченцев не бывших ни представителями, ни депутатами»<sup>3</sup>.

Таким образом, по мнению генерала, мы сталкиваемся здесь с принципиально важным явлением. С одной стороны убеждаемся, что Кавказ силой оружия должен стать частью империи, в чем он ни на минуту не сомневается. С другой стороны – понимание различных подходов к российской кавказской войне, при-

---

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> Цит по: Гордину Я. «Самое начало было неправильное // Защита будущего. Кавказ в поисках мира. М., 2000. С. 243.

<sup>3</sup> Там же.

знание им прав горцев на свою правду, которая не совпадала с правдой империи.

Очень важно отметить, что на этой же позиции стояли русские поэты А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов, писатели Достоевский и молодой Л.Н. Толстой. Принимая геополитическую доктрину России они исходили из правомочности различных мировосприятий, вероятно осознавая, что именно эта разница и лежала в основе трагедии.

О «природной агрессивности» горцев Кавказа писал и генерал Вельяминов – начальник Штаба Кавказского корпуса при Ермолове и фактически командующий войсками в 1830 году. В составленном им проекте об управлении Кавказом он писал: «Обычай укоренившиеся веками делают успехи в военных предприятиях для горца необходимостью. Без них не найдет он между соотечественниками своими ни дружбы, ни доверенности, ни уважения, он делается предметом насмешек и презрения для самих женщин – ни одна из них не захочет соединять с ним судьбы своей. Сии нравственные побуждения достаточны, чтобы во времена года, удобные для набегов, заставить горца почти отказаться от дома своего»<sup>1</sup>.

Идея ген. Вельяминова о «набеговой» сущности горского менталитета очень созвучна с постулатами современного историка М. Блиева, от которой отрекся даже его единомышленник Дегоев, подчеркивая в последних своих трудах о «самодостаточности» горских вольных обществ, в которых не было острой необходимости набега и грабежа.

Но, пожалуй, всех превзошел по жестокости на Кавказе генерал П.И. Пестель, который считал, что для полного «замирения» Кавказа одного оружия недостаточно». По его мнению следовало идти по пути полного изгнания или уничтожения горского населения.

В полной ненависти к горским народам отличился и командующий войсками на Кавказе с 1802 по 1806 год кн. П.Д. Цицианов. В период недолгого пребывания на Кавказе он исповедовал лишь одну доктрину – «Азиатский народ требует, чтобы ему во всяком случае оказывать особое пренебрежение». Демонстрируя стиль азиатского деспота, он писал закатальцам: «Невероятные мерзавцы! Дождетесь вы моего посещения и тогда не

---

<sup>1</sup> Цит. по: Гордину Я. Самое начало было неправильное. М., 2000. С. 242.

дома я вам сожгу, вас сожгу, из детей ваших и жен утробы выну». Кабардинам он послал следующее послание – «Ждите говорю вам, по-моему правилу штыков, ядер и пролития крови вашей реками, не мутная вода потечет в реках, протекающих ваших землях, а красная, ваших семейств кровью выкрашенная»<sup>1</sup>.

Противоречие в деятельности Цицианова заключалось в том, что на деле его программа носила либеральный характер. Так, в 1805 году, напутствуя генерала Дель-Поццо, который отправился в ту же Кабарду в качестве губернатора, он писал ему о необходимости изменить политику, проводимую ген. Ермоловым: «Оставя сию систему, основать новую, на трех главнейших предметах основанную:

1. на перемене их (горцев) воспитания,
2. на введении в Кабарду роскоши,
3. на сближение оной с российскими нравами покровительствуя наружно их веру и умножая случаи к сообщению с российской.

По разуму сих трех номинальных предметов, по представлению моему Высочайше утверждаю: 1. Чтобы в Георгиевске и Екатеринограде заведены были училища для обучения детей кабардинских владельцев и узденей, каковы воспитанники после перемещения были бы из училищ в кадетские корпуса; 2. Чтобы учредить беспошлинный впуск в те места, куда за нужное признано будет, кабардинских домашних произведений и изделий, особливо в торговые дни. 3. Чтобы в Георгиевске и Екатеринограде и Константиногорске построить казенным коштом мечети и иметь горцам муллу для отправления богослужений; и, наконец, 4. Чтобы сформировать кабардинский гвардейский эскадрон»<sup>2</sup>.

Далее Цицианов поручил генералу Дель-Поццо найти приемлемую для горцев форму судопроизводства, ибо попытки русских властей утвердить в крае суды европейского или близкого к тому образца вызывали яростное неприятие местного населения.

Предложение Цицианова особенно в экономической своей части совладали с проектом одного из наиболее значительных русских либералов того времени адмирала Н.С. Мордвинова. Напутствуя Ермолова перед отъездом на Кавказ адмирал советовал ему «умягчать суровую нравственность их нашим роскошеством,

---

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> Там же.

сблизить их с нашими понятиями, вкусами, нуждами и требованием от нас домашней утвари». Он считал, что экономическое сближение эффективнее штыков и ядер.

На протяжении всей Кавказской войны делались попытки совместить два подхода – угроза оружием и убеждение возможными миром. Но поскольку эти попытки были непоследовательными, то в результате решающим аргументом оставалась сила.

К концу пятидесятих годов XIX века в «Военном сборнике» была напечатана статья С. Иванова «О сближении горцев с русскими на Кавказе. Он писал: «Кавказский горец способен скоро образоваться и улучшить свой быт, он не ленив от природы, его жизнь, исполненная ежеминутных тревог войны, постоянно возбуждает и поддерживает энергию духа. Но эта же самая жизнь заставляла его каждый день опасаться за своей убежище, не развивая в нем охоты к улучшению своего быта... Устранить это равнодушие к своему быту, порожденное обстоятельствами..., займите ум горца способный к уважению, дайте направление его энергической деятельности и благотворные последствия не замедлят высказаться в своей силе. В видах исполнения этой идеи, общественные и торговые сближения горцев с русскими могут много содействовать смягчению характера первых и, высказывая им выгоды цивилизованной жизни выставить русских не как грозных победителей, жаждущих войны, ищущих кровопролития, но как нацию, заботящуюся об улучшении их состояния».

Таким образом, налицо два направления в общественно-политической жизни русского общества в тот период. И здесь речь не идет о принципе – присоединение Кавказа, это считалось неизбежным и необходимым. Речь шла о методах, о средствах и последствиях применения этих средств.

Декабрист Андрей Розен, отправленный из Сибири на Кавказ и проведший там немало времени, глубоко размышлявший о происходящих событиях на Кавказе, в своих воспоминаниях писал: «Кажется, что самое начало было неправильное». Он имел в виду первые серьезные контакты Российской империи с горцами во время Персидского похода Петра, когда раздраженный строптивостью дагестанцев, царь обрушил на них многотысячные карательные экспедиции, вместо того, чтобы попытаться согласовать интересы – что было тогда возможно. «Принесли мы на Кав-

---

<sup>1</sup> Там же.

казе только оружие и страх, сделали врагов еще более дикими и воинственными, вместо того, чтобы приманить их в завоеванные равнины и к берегам рек различными выгодами, цветущими поселениями»<sup>1</sup>.

Если рассматривать отвлеченно от русской публицистики общественно-политическую мысль России в XIX веке, то следует признать, что наряду с признанием прогрессивности присоединения к России – с одной стороны, было и осуждение Кавказской войны с ее колониальной сущностью. Революционная демократия обратила дагестанскую и кавказскую тему против шовинистической идеологии официального патриотизма. Ее подход к проблеме был диалектическим. В.Г. Белинский писал: «Эта страна прочно утверждает за русским владычеством, с одной стороны силой оружия, с другой оружием цивилизации»<sup>2</sup>. Революционные демократы проводят четкую грань между двумя Россиями – великодержавной, колонизаторской, реакционной и передовой, демократической, гуманистической.

Передовые представители России выступали за сближение русского народа с горскими народами Кавказа.

Прогрессивная роль передовой русской культуры в истории народов Дагестана, да и всего Кавказа, носит исторически объективный характер и признание этого исторического факта обусловлено общественными и социальными потребностями познания действительности и не имеет ничего общего с соображениями конъюнктурного порядка<sup>3</sup>.

Мы анализируем общественно-политические взгляды и течения в XIX века, так как они повлияли на формирование того или иного отношения представителей художественной культуры к событиям Кавказской войны.

Вслед за либералами, такими как Мордвинов и Иванов наиболее резко против колониального завоевания Кавказа выступили революционные демократы России.

Не только события Кавказской войны, но и вся история Кавказа сыграла большую роль в формировании общественно-политического мировоззрения России и особенно велико было

---

<sup>1</sup> Тордин Я. Указ. соч. С. 246.

<sup>2</sup> Белинский В.Г. Полн. собр. соч. III. X. М., 1956. С. 58.

<sup>3</sup> Тамзатов Г.Т. Формирование многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1978. С. 143

влияние Кавказа на ее художественную культуру. Между культурой передовой России и лучшими сторонами культуры народов Кавказа было взаимовлияние. Присоединение кавказских народов в состав России наложило неповторимый отпечаток на русскую литературу, искусство.

Вопреки оголтелым шовинистическим взглядам на Кавказ, которые были продиктованы колониальной природой мышления, где Кавказ рассматривался как «неисчерпаемый источник обогащения»<sup>1</sup>, русская литература, следуя гуманистическим традициям, представляла горцев в самом романтическом, радужном цвете.

Социально-политическая реальность Кавказа, образ жизни горских народов, события войн на Кавказе предстали перед русскими передовыми людьми (ссылными декабристами, писателями и художниками) на фоне величественной и мятежной природы – громад снежных гор бездонных ущелий, бурных потоков, могучих скал и тяжких обвалов. Под воздействием тревожно-романтического осознания действительности, а затем и реалистического направления в литературе и искусстве кавказские события находили отражение не только в официальных военных и канцелярских реляциях правительству. Бурные события на Кавказе вносили мощную струю в образ мысли и художественное творчество передовых русских людей, обогащали новыми впечатлениями освободительные стремления русских писателей и сосланных декабристов, производили неизгладимые впечатления на А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого и других выдающихся людей России.

Кавказ был связан в творчестве и сознании А.С. Пушкина с испытанием мужественности – воинственные горцы демонстрировали чудеса смелости и находчивости, вызывая рыцарское восхищение со стороны поэта<sup>2</sup>.

\* \* \*

Роль искусства в профессиональной деятельности историков велика. Здесь интересна присущая исследователям прошлого специфика восприятия исторических явлений у тех и других.

---

<sup>1</sup> Евреинов Т.А. *Национальные вопросы на ипородческих окраинах России.* СПб., 1993. С. 101.

<sup>2</sup> Иванова Н. *Кавказский акцент в русской литературе. // Защита будущего Кавказа в поисках мира.* М., 2000. С. 248.

Историк, филолог, художник могут видеть одни и те же явления в несовпадающих ракурсах. В работе историка его внимание порой сильнее притягивает *периферия* художественного произведения. В силу своей профессии историк склонен к приземленному реальному, основанному на достоверном документальном материале восприятию даже шедевров произведения искусства.

Всякий историк предстает в непрерывном течении времени как деятель, свидетель, очевидец, исследователь. В свою очередь художник в истории с еще большим основанием выступает в этом тройном амплуа достойном внимания тех, кто профессионально занимается прошлым.

Недаром видный советский историк Владимир Тереньев Пашуто (1918–1983 гг.) свою последнюю работу назвал весьма знаменательно – «Научный историзм и содружество муз». Констатируя растущий интерес к истории со стороны детской литературы и искусства, он образно отмечал – «Все музы и древние и современные – простирают к историкам свои трепетные руки»<sup>1</sup>.

Из чего складывается этот союз. Бесспорно как литературы, так и художники должны опираться на новейшие достижения исторической науки. Ничего не будет хорошего, если литератор или художник будут проповедовать идеи, отброшенные наукой как противоречащие историческим фактам. Художественные произведения должны быть, основаны на достоверных фактах, в соответствии с требованием историзма и отвечать духу времени.

Порой глубина и точность психологических характеристик, образов реальных исторических героев, их верность исторической действительности зависят не только от таланта писателя и художника, но и от уровня разработки тех или иных проблем истории в целом, верности трактовки роли исторических деятелей в исследовательских работах, возможностей документального обеспечения точных оценок.

Принципам историзма отвечают художественные полотна баталистов второй половины XIX века. Они исторически правдивы, так глубоко и сильно дают почувствовать аромат эпохи, дух времени.

---

<sup>1</sup> Поляков Ю.А. *Историк и художник*. Ж. «Отечественная история». М., 2002. №1. С. 4.



Историки нуждаются в художниках, литераторах. Просмотр художественных картин не может дать ясного и последовательного представления об историческом процессе. Значит, и историческая наука и художественно-живописные полотна должны действовать вместе, добиваясь повышения исторической грамотности у народа.

В данном случае батальная, историческая живопись второй половины XIX века является ценным источником для изучения истории Кавказской войны.

В нашу задачу, задачу историков входит не только описание тех или иных битв и сражений, а исследовать степень реальности изображаемых художником событий, основываясь на документальном материале, которым так богата история Кавказской войны. Необходимо определить не только достоверность того или иного исторического события, но и рассмотреть гражданскую позицию того или иного художника, был ли он консерватором или придерживался прогрессивных общественно-демократических взглядов. Историк должен исходить из того, что в ткань художественного произведения вложены формы социального общения.

Художественное произведение, независимо от волн автора отражает морально-этические нормы того времени – XIX века.

В искусстве много аспектов, связанных с чувственным, эмоциональным, и даже мистическим восприятием действительности.

Историческая реальность у художников порой деформируется в зависимости от художественных школ и направлений

Необходима целая цепь опосредованных звеньев, делающих искусство источником для исторических построений и отметающих художественные условности. Вмешательство историка вносит порядок в осмысление исторической действительности. Задача историка показать соответствие или несоответствие субъективного восприятия историческим обстоятельствам.

Художественными полотнами, своим искусством художники выражали свое отношение к происходящим событиям. Они или просто осуждали войну, или сочувствовали справедливой, антиколониальной борьбе, или просто декоративно и «красочно», с предельным безразличием изображали кровопролитные сражения. Происходил резкий водораздел не только академиче-

ской и реалистической школы внутри Академии художников, была налицо политическая дифференциация среди художников.

В.Г. Белинский писал в своей статье, посвященной М.Ю. Лермонтову: «Странное дело! Кавказу как будто суждено быть колыбелью наших поэтических талантов, вдохновителем и песнотворцем их музыки, поэтической их родиной»<sup>1</sup>.

Произведения художников XIX – начала XX века, посвященные событиям Кавказской войны, сегодня представляют собой ценный источник для изучения истории того периода, они наглядно, лучше любых слов воссоздают картину страшных битв, гибели людей, заставляют нас быть непосредственными участниками тех героических дней.

В своем фундаментальном труде «Русские художники-баталисты XVIII–XIX веков известный русский искусствовед М.В. Садовень пишет: «Воздействие своеобразной обстановки и характера этой войны на русское изобразительное искусство, так же и на русскую художественную культуру и поэзию, было многосторонним и плодотворным, она внесла множество сюжетов, типов, характеров, драматических положений, картин дикой природы, фольклорного материала – легенд, песен и т.п.»<sup>2</sup>. Следует отметить, что до сегодняшнего дня нет обобщающих трудов на эту тему, несмотря на то, что художественными полотнами, посвященными Кавказской войне, располагает как музей изобразительных искусств, так и объединенный краеведческий музей. Появляются небольшие статьи, в которых информация идет от одной к другой. Одной из первых, кто обратился к этому материалу, был сотрудник тогда еще краеведческого музея Н.П. Воронкина. С небольшими информационными статьями выступили скульптор Х-Б. Аскар-Сарыджа, журналист Д. Трунов. Небольшие статьи на тему Кавказской войны были изданы сотрудниками отдела искусствознания ИЯЛ ДНЦ З.Х. Гейбатовой-Шолохова и М. Чалабовой<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Белинский В.Г. Статьи о Пушкине, Лермонтове, Гоголе. М., 1983. С.21.

<sup>2</sup> Садовень И.В. Русские – художники-баталисты XVIII–XIX вв. М., 1955. С. 91.

<sup>3</sup> Воронкина Н.П. Изобразительное искусство Советского Дагестана. 1917–1941 гг. М., Наука. 1987. С.33; Кутенцов П. Ошибка В. Рубо. Газ. Комсомолец Дагестана. 1963. 18 декабря; Трунов Д. Ошибка Кутенцова. Газ. «Комсомолец Дагестана», 1964. 8 января; Гейбатова-Шолохова З.А. – Батальные полотна. Ф. Рубо в Дагестанских музеях; Чалабова М. – Дагестанская тематика в

К сожалению, эти статьи не содержат новой информации, кроме биографических данных художников, которые приведены в фундаментальном труде В.В. Садовеня, а также в работе искусствоведа А. Савинова, посвященной жизни и творчеству Г.Г. Гагарина<sup>1</sup>.

Сегодня, к большому сожалению ни одна библиотека г. Махачкалы не обладает этими изданиями, к счастью, в свое время нам удалось ознакомиться с работами В. Садовеня и А. Савинова.

Следует отметить, что большой по объему и содержанию фактического материала труд В. Садовеня довольно подробно приводит данные, как биографий, так и творчества таких известных художников как Г. Гагарина, Ф. Горшельта, Ф. Рубо, А. Грузинского, Тимма и многих других, побывавших на Кавказе и в Дагестане и посвятивших свои замечательные работы событиям Кавказской войны. Интересен раздел, в котором автор подробно рассматривает академическую школу живописи в России, становление в противовес реалистической, демократической школе в лице художников-передвижников. Подобный водораздел происходит и в среде художников-баталистов. Интересен раздел монографии, посвященный творчеству художника Зауервельда, ученика Брюллова, который был наиболее ярким представителем академической школы живописи. Работы Зауервельда представлены в Дагестанском Музее изобразительных искусств. Сцены военной жизни им представлены в красивых, ярких красках, изящных позах кавказских всадников. Все здесь красиво и кони и люди, и погибают они в театральных позах, таких далеких от реальной жизни.

К сожалению, работа В. Садовеня написана в период культа личности, в годы шельмования, как личности самого Шамиля, так и всего национально-освободительного движения. Поэтому оценка автором событий Кавказской войны весьма сдержанна или она отсутствует вообще.

Работа А.Савинова содержит интересные данные о жизни и творчестве художника князя Г. Гагарина. Но события Кавказ-

---

*творчестве русских художников XIX в. Сб. ст. Художественная культура Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1989.*

<sup>1</sup> Садовень И.В. Русские художники-баталисты XVIII–XIX вв. М., 1955; Савинов А. Григорий Григорьевич Гагарин. М., 1956.

ской войны и отношение к ним самого художника автор предпочитает не комментировать. Здесь также сказалось влияние времени.

Несмотря на эту одностороннюю оценку событий эти труды бесценны, т.к. предоставляют нам ценный фактический материал. По интересующей нас теме наиболее ценные исследования проведены Хаджи-Мурадом Доного (Коркмасовым)<sup>1</sup>. Он один из инициаторов создания в Дагестане фонда Шамиля и является его ответственным секретарем. Ему принадлежат многочисленные публицистические издания на тему Кавказской войны. Но наиболее, на мой взгляд, интересная его работа – это исследования о знаках отличия в период Кавказской войны. При этом автор широко пользуется художественными произведениями, картинами, отражающими знаки отличия в период существования, имамата. В работе приведен ценный архивный материал из ЦГВИА, Архива, Республики Дагестан.

При написании данной работы нами были использованы труды искусствоведов, посвященные творчеству того или иного художника<sup>2</sup>.

К сожалению, большинство работ, посвященных художникам-баталистам написаны в период культа личности или в период застоя. Этим объясняется негативная оценка авторами многих событий этого периода.

Ввиду того, что одной из основных задач данной работы является изучение достоверности изображаемых художниками событий, я использовала в работе обширную литературу по Кавказской войне. Это, прежде всего хроники по истории Кавказской войны – Хроника Мухаммед-Тахира-ал-Карахи, М.-Л.,

---

<sup>1</sup> Доного Х.М. *Кавказский художник князь Т. Тагарин. Махачкала, 1993; Его же. Ордена Шамиля. Махачкала, 1995; Его же. Портреты Шамиля в Европе. Махачкала, 1990; Его же статьи «К иконографии портретов Шамиля в Европе» – в сб. Художественная культура Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1998 г. Его же. Ст. Изобразительное искусство как источник изучения движения горцев». – Материалы конференции «Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х гг. XIX в. 1994.*

<sup>2</sup> Халаминский Ю. Франц Алексеевич Рубо. 1856–1929. М., 1994. Искусство, 1952; Петропавловский В.П. Искусство панорам и диорам. Киев, 1965; Садовень В.В. В.В. Верещагин. М., 1950; Подобедова О.И. Евгений Евгеньевич Лансере. М., 1961.

1990. Это издание подготовлено Айтберовым в 2-х частях. Мы использовали издание хроники Мухаммед-Тахира ал-Карахи, вышедшее в 1998 г.; Гаджи-Али Сказание очевидца о Шамиле; Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, сборник документов – «Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е гг. XIX в.»; документы Центрального Архива Грузии, Центрального архива Республики Дагестан.

Использованы история Дагестана т. II, История народов Северного Кавказа, «Записки Руновского о Шамиле», «Шамиль на Кавказе и в России», работы грузинских историков, мемуарная литература А. Зиссермана<sup>1</sup>. Целью исследования данной темы воспроизвести историю Кавказской войны, установить достоверность изображаемых на картинах событий, проследив при этом социально-политическую ориентацию того или иного автора. Работа подтверждает тот факт, что изобразительное искусство является источником для изучения движения горцев в 20-х–50-х гг. XIX века.

Фотографическое дело находилось в те годы в зачаточном состоянии, и в связи с этим распространилась практика прикомандирования официальными властями в действующую армию специальных художников в виде летописцев.

На примере творчества русских художников нам следует проследить отдельные наиболее интересные эпизоды Кавказской войны.

---

<sup>1</sup> Хроника Мухаммед-Тахира-ал-Карахи. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах. Махачкала, 1990; О дагестанских войнах в период Шамиля. Махачкала, 1998; Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. Махачкала, 1990; Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х годах XIX века. Махачкала, 1959; История Дагестана. III, II, М., 1965; История народов Северного Кавказа. М., 1988; Руновский А. Записки о Шамиле. М., 1989; Шамиль на Кавказе и в России. С-П., 1889 г.; Каландадзе Ц.П. Участие грузин в культурной и общественной жизни России. Тбилиси, 1984.; Зиссерман А.А. Двадцать пять лет, на Кавказе. С-П., 1879; Фельдмаршал кн. А.И.Бярутинский. СПб. III. I–II. 1888–1891.



# *Глава 1. Кавказская война в творчестве русских художников*

---

## *§ 1. События Кавказской войны в творчестве М.Ю. Лермонтова и Г.Г. Гагарина*

Известно, что достижения русских художников различны по масштабу. Некоторые из них постоянно и целенаправленно приезжали с целью изучения природы, этнографии, обычаев этого края. Другие подолгу жили и работали, отдавая частицу своего таланта воспитанию и обучению горцев новым формам изобразительного творчества. Треть, по воле случая оказавшись здесь, оставили свои впечатления в виде пластических или живописных этюдов с натуры, быстрых рисунков, тонких акварелей или живописных полотен. Только в XIX веке 160 русских художников побывали на Кавказе, а более 60 в Дагестане. Их обращение к кавказскому материалу способствовало сближению и взаимопониманию народов.

Но начавшаяся в Дагестане война требовала от художников не просто мастерства, а мастерства в батальном жанре.

В первое время русские академические баталлисты были мало подготовлены к выполнению поставленной перед ними художественно-исторической задачи. В своей художественной практике они почти не сталкивались с сочинением больших картин, связанных с, изображением современных или исторических

событий, тем более, что такая задача по замыслам самодержавно-крепостнической власти превращала их в своего рода официальных военных историографов и летописцев.

Батальная живопись является одним из сложнейших видов живописи. От баталиста требуется умение создавать большие многофигурные композиции с широкой перспективой, разместить человеческие группы в пейзаже, знание военного дела, стратегии и тактики, военной техники, вооружения, форм обмундирования армий разных стран в различные эпохи, наконец, знание анатомии лошади, всех ее движений и повадок. Кроме того, баталист должен выступать и как портретист, умеющий изображать с портретным сходством монархов, полководцев и прочих «исторических лиц, участников сражений и походов. У русских же баталистов в начале XIX века вследствие слабого развития батальной живописи в предшествующем веке, не было достаточного опыта и профессиональной выучки, на который они могли бы опереться. Поэтому немногочисленные русские баталисты начала XX века только нащупывают почву, делают первые опыты создания батальной картины, которая отвечала бы современным требованиям.

Как уже мы отметили во введении русская академическая школа в лице А. Зауервельда, А. Коцебу, В. Виллевальде прочно встает на ноги. Кстати, в нашем дагестанском музее изобразительных искусств есть небольшие полотна этих художников на тему Кавказской войны.

Характерной чертой этих работ является высокий профессионализм, мастерство и документальная точность. Но война изображалась ими, прежде всего, как эффектное, красивое зрелище, которое должно услаждать взор и будить чувство «классового патриотизма».

Парадность батальных полотен академистов не в том, что бы они верно изображали зрелищно красивые черты сражений своего времени, а в том, что их авторы уделяли преимущественное внимание лицевой стороне войны, затушевывая ее «изнанку», ее суровую правду, ее тяготы и жертвы, ложившиеся, в первую очередь на плечи солдатской массы. Неподвижные «распластанные фигурки» убитых и раненых играют обычно здесь



самую незначительную роль, хотя на самом деле в сражениях того периода распластанные фигуры занимают большое место.

Тяжкую правду войны академисты изображали идеализированно. «Яростность» и кровопролитность сражении они передали большей частью изображением красивых стремительных кавалерийских атак с вздыбленными конями и запрокинувшимися назад ранеными всадниками. Убитые и раненые изображались в красивых, эффектных позах, более всего ценилась точность, главным образом внешняя, касавшаяся вида и формы войск и отвечающая официальному представлению о войне<sup>1</sup>.

Вполне понятным становится и оправданным творчество большинства художников-академистов, которые, не вдаваясь в противоречия, отражали события Кавказской войны. Воздействие обстановки и характер Кавказской войны сказались на развитии русской графики, которая вообще шла впереди живописи по пути реализма.

Батальная графика, рисунок и акварель нашли на Кавказе обильный материал, и уже к 40-м годам XIX века получили благодатную возможность сочетать наряду с реалистическими зарисовками с натуры в реалистических композициях романтическую приподнятость и жизненную правду.

Особенно ярко проявилось это в творчестве М.Ю. Лермонтова. Как представитель передовой русской интеллигенции он воспекает в своих произведениях свободолюбие, храбрость, непреклонность горцев.

«Люблю я цвет их желтых лиц  
Подобный цвету наговиц  
Их шапки, рукава худые  
Их темный и лукавый взор  
И их гортанный разговор», – писал он.

Еще в детские и юношеские годы, когда Лермонтов бывал на Кавказе, он видел горцев вблизи, наблюдал их жизнь быт и нравы, слушал песни, предания, легенды. Уже ранние его стихи проникнуты любовью к Кавказу.

«Как сладкую песню Отчизны моей

<sup>1</sup> Военная энциклопедия. Т. 6. СПб., 1912 г. Статьи о Б.Л. Виллевалде.

«Люблю я Кавказ», – писал в те годы поэт Ненависть к царизму и деспотии, так ярко проявившая у поэта в стихотворении «На смерть поэта» не могла не сказаться и на отношении поэта к событиям Кавказской войны.

И когда в «Московском Телеграфе» публикуется повесть Бестужева-Марлинского «Аммалат-бек» М.Ю. Лермонтов рисует иллюстрации к этой повести. Искусствоведы высоко оценивают художественные работы М.Ю. Лермонтова. Так, искусствовед В. Садовень пишет о нем: «Он был не только поэтом, но и прекрасным художником»<sup>1</sup>. Биограф Лермонтова Н.А. Висковатов, пользовавшийся материалами, полученными непосредственно от родственников и друзей поэта, пишет: «Михаил Юрьевич имел дарование к музыке и большой талант к живописи, когда он колебался между живописью и поэзией»<sup>2</sup>.

Действительно, поэт в живописи не был дилетантом-самоучкой. В юности он брал уроки рисования у художника Солодницкого в Москве, а позже в Петербурге у художника П.Е. Заболотского.

И хотя некоторые искусствоведы считают рисунки Лермонтова «культурным баловством» советский искусствовед В. Бековский справедливо отмечает, что его рисунки «...дышат тем неукротимым жизненным темпераментом, экспансивностью и эмоциональной напряженностью, что и его стихи. Но этим не ограничивается их художественное значение. Рисунки Лермонтова интересны и, как и яркое выражение передовых художественных писаний 30-х годов прошлого столетия».

Другой искусствовед А.Пахомов говорит, что рисунки поэта «овеяны гениальностью Лермонтова»<sup>3</sup>. М.Ю. Лермонтов был очевидцем Кавказской войны. На Кавказ он приехал в 1837 году, т.к. был сослан за известное стихотворение «Смерть поэта». Служил в Нижегородском полку. В истории Кавказской войны это был период, когда «в силу сложившейся внешнеполитической обстановки ранее разрозненные, враждовавшие между собой горские племена, слились как ручейки в могучий поток

---

<sup>1</sup> Садовень В. Указ. соч. С. 30.

<sup>2</sup> Врангель А. «Лермонтов-художник». СПб., 1913. С. 15.

<sup>3</sup> Там же.

*М. П. Сергеевич.*

*"Воспоминания о Кавказе"*





**instituteofhistory.ru**

объединились под знаменем независимости выступили во главе с Шамилем против царизма».

В период 1837–1838 годы имам Шамиль со своим войском одержал блестящую победу над генералом Клюки-фон-Клюкенау<sup>1</sup>. М.Ю. Лермонтов слышит много рассказов о боях против мюридов Шамиля. В своем письме к С.А. Раевскому он пишет: «С тех пор, как я выехал из России, поверишь ли, я находился до сих пор в непрерывном странствовании, изъездил линию вдоль от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии, одетый по-черкесски с ружьем за плечами.

Здесь кроме войны службы нету, я приехал в отряд слишком поздно, ибо государь нынче не велел делать вторую экспедицию, и я слышал только два-три выстрела, зато два раза в моих путешествиях отстреливался»<sup>2</sup>.

Был ли Лермонтов в 1837 году в Дагестане точно неизвестно. В своей статье «Лермонтов в Дагестане» журналист Д. Трунов полагает, что М.Ю. Лермонтов был в Дагестане, а именно в гг. Темир-Хан-Шуре и Дербенте<sup>3</sup>.

Первые впечатления о Дагестане у Лермонтова легли в основу замысла картины «Перестрелка в горах Дагестана» (Эта картина хранится в г. Пятигорске, в доме-музее поэта). Картина небольшая, написана маслом. В 90-х гг. эта картина принадлежала В. Александренко, который ее описывает так – «Картина наша изображает бой русских с чеченцами, скрытыми в завалах гор. Постепенно с левой стороны подвигаются подступающие русские колонны, и бой становится рукопашным. Вдали на горизонте блестят вершины гор, а внизу сверкает ручеек – немой свидетель жаркой битвы»<sup>4</sup>.

Композиция этой картины Лермонтова необычна. Зритель как бы находится в стане горцев, так как горцы помещены на первом плане, а русское войско на втором. Это, конечно противоречило традиционной композиции академистов и вызвало в

<sup>1</sup> *История Дагестана. III. II. М., 1965. С. 93.*

<sup>2</sup> *Лермонтов М.Ю. Письма С.А. Раевскому. Декабрь 1887 г. ПСС. III. IV. С. 440.*

<sup>3</sup> *Трунов Д. Свет из России. Махачкала, 1956. С. 40.*

<sup>4</sup> *Цит. по: В.В. Садовень. Указ. соч. С. 142.*

их среде бурю негодования. Наверное, автор картины хотел этим подчеркнуть свою симпатию к борющимся горцам.

Д. Трунов писал, что «эту картину можно признать как документ, подтверждающий пребывание поэта в 1837 году в Дагестане»<sup>1</sup>.

Большой интерес вызывают рисунки и акварели, выполненные Лермонтовым в период его пребывания на Кавказе в 1840 году. За дуэль с де Барантом он был сослан и переведен в Тенгинский полк.

«Прощай немытая Россия  
Страна рабов, страна господ  
И вы, мундиры голубые,  
И ты, послушный им народ.  
Быть может за хребтом Кавказа  
Укроюсь от твоих царей  
От их всевидящего глаза  
От их всеслышащих ушей».

Так писал поэт, отправляясь на Кавказ, скрываясь от призора царизма и в надежде в свободолюбивом Кавказе почерпнуть источник для вдохновения.

Тенгинский полк, куда был отправлен Лермонтов, был на черноморском побережье Кавказа, где шли непрерывные бои с черкесами. Однако Генерал Граббе, в распоряжение которого прибыл Лермонтов, не направил его в Тенгинский полк, а командировал его в отряд Галафеева, на левый фланг Кавказской линии. 1840 год был отмечен усилением движения горцев под руководством Шамиля. Он собрал целую армию. В его распоряжении находилось до 10 тысяч человек. Расположившись после поражения в Ахульго в 1839 году в Чечне, Шамиль нашел сочувствие среди местного населения. Из чеченского населения Шамиль сформировал три отряда. Один из них с штаб-квартирой находился в сел. Гехи. О том, что отряд горцев в 1840 году находился в сел. Гехи подтверждают документы. Так, рапорт кап. Пушкина начальнику штаба войск Кавказской линии и

---

<sup>1</sup> Трунов Д. Указ. соч.

Черномории к полковнику Траскину о военных действиях в Чечне подтверждает это<sup>1</sup>.

В июне 1840 года Лермонтов прибыл в крепость Грозную, в отряд Галафеева. Отряд этот был сформирован для действия против восставших горцев. С этим отрядом поручик Лермонтов участвовал в сражении под Гехами (на небольшой речке Валерик). Из Гехов отряд следует в Дагестан, т.к. Шамиль в горах Дагестана набирал армию для новых наступлений. Отряд следует в Герзель-аул и в различные направления Кумыкской плоскости (между кр. Внезапной, Умахан-юртом и Герзель аулом, а также в Темир-Хан-Шуру).

О боях в Чечне генерал Галафеев доносил:

«Успеху этому бою я обязан распорядительности и мужеству полковых командиров офицерами генерального штаба, а Тенгинского пехотного полка поручику Лермонтову...»<sup>2</sup>.

В сентябре 1840 года отряд Галафеева двинулся опять в Чечню, к Аргуни, где была организована сильная позиция. В мае отряд вновь отправили в гор. Темир-Хан-Шуру.

В это время царское командование готовило большой поход на селение Чиркей. Лермонтов писал Карамзиной: «В тот момент, когда вы будете его (письмо) читать я буду штурмовать Чиркей»<sup>3</sup>.

На пути из Петербурга в Темир-Хан-Шуру Лермонтов в 1841 г. заехал в Пятигорск, где и был убит на дуэли.

В период пребывания на Кавказе и участия в военных действиях в 1840 году Лермонтовым сделано много рисунков и акварелей на тему Кавказской войны. Общее, что характеризует эти рисунки – это уважение к противнику, и даже преклонение перед их мужеством и отвагой. И при этом его шокировала гибель, как горцев, так и русских солдат. Эту мысль он выразил в стихотворении «Валерик»:

«И с грустью тайной и сердечной

---

<sup>1</sup> Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX века. Сборник документов. Махачкала, 1959. С. 247.

<sup>2</sup> Эсадзе С. Штурм Туниба и пленение Шамиля. Тифлис, 1909. С. 113.

<sup>3</sup> Дагестан в русской литературе. Махачкала, 1960. С. 450.



Я думал: жалкий человек...  
Чего он хочет? Небо ясно,  
Под небом места много всем,  
Но беспрестанно и напрасно  
Один враждует он... Зачем?»

Бой у аула Гехи на реке Валерик отражен в трех работах Лермонтова-художника. В рисунке карандашом «Сражение при Валерике. Начало боя. Генерал Галафеев» (1840). (Этот рисунок хранится в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Петербурге).

Вторая акварель «Эпизод из сражения при Валерике», выполненная совместно с художником Г.Г. Гагариным хранится в Русском музее.

Третья акварель – «При Валерике 12 июля 1840 г. Похороны убитых». Все эти три работы представляют как бы единую повествовательную сюиту, последовательно изображающую начало боя, сам бой и похороны убитых на другой день после боя.

Искусствоведы считают, что по своим художественным качествам они неравноценны.

Рисунок, изображающий начало боя очень живо передает общую картину боя, акварель изображающая сам бой передает не только общую картину боя, но она необычна для своего времени по правдивости. Акварель изображающая похороны убитых условна и очень маловыразительна.

«Эпизод сражения при Валерике» изображает жаркую рукопашную схватку между русскими и горцами на каменистом холме, на фоне горного пейзажа.

На первом плане у ствола срубленного дерева лежат тела двух убитых горцев. Позы убитых поразительны по своей правдивости и, несомненно, наблюдаены самим Лермонтовым, а не сочинены им произвольно. Один из них лежит ничком, запрокинувшись через ствол головой, а в руке он держит кинжал острием вверх. В центре небольшие группы горцев отражают штыковую атаку русской пехоты, чтобы дать возможность двум горцам вынести из боя смертельного раненого товарища. Один из защищавшихся горцев протягивает вперед ладонь правой руки, как бы стремясь этим жестом остановить хоть на несколько

мгновений неудержимый натиск русских. Надвигающиеся слева плотные ряды русских солдат в белых рубахах и фуражках оставляют впечатление грозной, уверенной в себе силы, контрастируя с тревожной взволнованностью горцев, справа видны отступающие в лес горцы.

Все построения этой акварели, ее композиция очень резко противоречат академическим канонам. Она подкупает своей жизненной правдивостью. Эта акварель как бы созвучна с основной темой стихотворения «Валерик», являясь глубоко правдивым, подлинно реалистическим изображением войны.

Текст этого стихотворения – лучшее отношения поэта к войне.

«...В приклады первые пошла резня,  
И два часа в струях потока  
Бой длился, резались жестоко  
Как звери, молча, с грудью в грудь.

Ручей телами запрудили  
Хотел воды я зачерпнуть  
– И зной и битва утомили  
Меня, но мутная волна  
Была тепла была красна».

На этой акварели стоит карандашом надпись художника Гагарина Г.Г. на французском языке. («Рисунок Лермонтова, раскрашенный мною во время моего выздоровления в Кисловодске»).

Во время военных походов Лермонтов сделал замечательные рисунки карандашом. На одном из таких рисунков изображены двое горцев, уносящих с поля боя погибшего товарища. Слегка замечен каменистый пригорок, а на втором плане – отстреливающийся горец. Здесь поэт показал себя знатоком местных обычаев Кавказа, когда, даже рискуя своей жизнью, горец обязан был вынести тело с поля боя. Совместно с художником Г.Г. Гагариным М.Ю. Лермонтов выполнил и другой замечательный рисунок «Стычка в горах» или «Эпизод Кавказской войны». На первом плане, всадник горец на сером коне замахивается прикладом ружья на пешего казака, схватившего коня под узды.

Справа, на помощь товарищу спешит другой казак. Дальше виднеются скачущие всадники и пламя степного пожара.

В ожидании справа на кургане – группы, наблюдающие за сражением русских офицеров и солдат. Один из близких друзей Лермонтова Столыпин-Монго, рассказывает о том, что Лермонтов был свидетелем этой сцены.

У поэта есть множество других рисунков на тему Кавказской войны. Они хранятся или в домике-музее Лермонтова в Пятигорске или в родовом имении поэта, в Тарханах.

В заключении, хотелось бы, чтобы рисунки поэта, посвященные теме Кавказской войны, хранились в нашем дагестанском музее изобразительных искусств, хотя бы копии, но этого, к сожалению, нет.

С событиями Кавказской войны непосредственно связано творчество известного художника **Г.Г. Гагарина**.

Князь Григорий Григорьевич родился в Петербурге, в семье известного дипломата и когда отцу художника поступило назначение – работать при Ватикане, вся семья переехала с ним в Италию. Дом Гагариных в Риме притягивал к себе русских художников, музыкантов, поэтов, проживающих в Италии.

Г. Гагарин не получил специального академического образования, обучался дома и учителями его были в те годы известные итальянские художники. Но самое большое влияние на формирование личности художника оказало его знакомство с прославленным художником Карлом Брюлловым. Многому научился начинающий художник у своего знаменитого учителя, умению передавать на бумаге увиденное, наблюдательности. И хотя К. Брюллов был поклонником романтизма, Г. Гагарин сумел стать художником-реалистом. Наряду с творческой деятельностью, художник проявил себя на дипломатическом поприще, проработал 4 года в Париже. За это время он прошел в Сорбонне во Франции общеобразовательный курс лекций по искусству.

В 1832 году семья вернулась в Россию. Знаменательным фактом в жизни Гагарина является его знакомство с А.С. Пушкиным, который просил художника оформить его сборник стихов. В 1833–1834 гг. Гагарин приступил к этой работе и создал ряд композиций к стихотворениям «Утопленник», «Гусар», «Руслан и Людмила», «Сказка о царе Солтане», «Ангел», «Пиковая дама».

С 1839–40 гг. начинается новый период творчества Гагарина. Художник знакомится М.Ю. Лермонтовым, становится одним из членов так называемого «кружка шестнадцати». Кружок этот состоял из молодых людей, друзей и близких Лермонтова. Шестнадцать представителей столичной молодежи: К. Браницкий, А. Васильчиков, А. Долгоруков, А. Столыпин, С. Трубецкой и другие неблагожелательно относились к царскому режиму, а когда Лермонтов был сослан на Кавказ, друзья последовали за ним. Гагарин присоединился к ним, устроил себе командировку «для участия в проведении реформы гражданского управления в Закавказье». С этого времени и почти до 1850-х гг. с некоторыми перерывами Гагарин жил, активно работал на Кавказе. Поступив на военную службу, он принимал участие в военных походах и сражениях.

Как уже выше было указано, им совместно с Лермонтовым были исполнены 2 композиции – «Эпизод Кавказской войны» и «Эпизод из сражения при Валерике».

Первым серьезным военным испытанием для Гагарина явились действия в районе реки Сулак, а точнее поход на аул Чиркей в мае 1841 года. Царская армия с трудом продвигалась к Чиркею, сильно укрепленному аулу.

Преградой оказалась река Сулак, почти вышедшая из берегов после весенних дождей. Поэтому было решено продвигаться окружным путем через аулы Ахатли, Миатли. Подойдя к Чиркею, после тяжелого сражения царские войска взяли аул приступом. Гагарин, находясь «прикомандированные в составе царской армии» не раз подвергал свою жизнь опасности.

На протяжении всей дороги Гагарин делал зарисовки. Просмотрев рисунки того времени, можно проследить маршрут художника вместе с войском: «Крепость Темир-Хан-Шура» «Ахатли 10 мая», «Вид Сулака под Миатлами», «Переправа через Сулак», «Вступление в Чиркей».

За поход в Чиркей художник Г.Гагарин получил орден «награду личной храбрости и хладнокровного мужества».

В конце 1841 года он возвращается в Петербург и обрабатывает накопленный материал. На основе зарисовок он пишет несколько картин батального жанра – «Белый ключ. Главная квартира Мингрельского полка», «Карагач. Главная квартира

Нижегородского полка», «Переправа горцев через реку», «Сражение при Ахатли».

Искусствовед, исследователь творчества Г.Г. Гагарина, А. Савинов так описывает эти полотна: «Это сражение было одним из боевых эпизодов похода на аул Чиркей в мае 1841 года, в котором участвовал сам Гагарин. Трактовка суеты сражения резко отличается от того, что насаждалось живописи многочисленными художниками-баталистами, пользовавшимися поощрением Николая Первого»<sup>1</sup>. В картине нет шовинистического духа, как и высокомерия по отношению к горцам. Картина не является, как было принято в первой половине XIX века апофеозом какого-либо царского генерала. Художник отошел от общепринятого в живописи штампа, он изобразил горцев на первом плане; русские солдаты показаны вдали на склоне горы, деловито занятые проводимой ими операцией. «Сцена была передана без преувеличения, без внешних эффектных моментов, обороняющиеся горцы изображены Гагариным с чувством уважения к их спокойному мужеству. Огромное пространство, уходящие ввысь горы, бурлящая далеко внизу студеной река и утомленные, ожесточенные люди переданы правдиво художником, который в своем реализме стал новатором в трудной области батальной живописи. «Сражение при Ахатли» является одним из первых подлинно правдивых изображений военных действий в русской живописи»<sup>2</sup>.

Искусствовед В.В. Садовень, посвятивший художнику немало статей приводит интересный факт из его боевой жизни. Во время одной из стычек, находясь на передовой цели а, увлекшись рисованием, Гагарин не заметил, что русские части отошли, и опомнился лишь увидев бегущего прямо на него противника. Он едва успел сложить свой альбом, взяться за оружие»<sup>3</sup>.

К большому сожалению в наших музеях нет репродукций с этих трех картин и даже их фотокопии. Имеется фотокопия с эскиза к картине «Сражение при Ахатли». Есть также фотокопия с картины «Переправа». В альбоме литографий Гагарина есть рисунок – «Сражение в Сулакском ущелье». По своему композици-

<sup>1</sup> Савинов А. Тригорий Тригорьевич Гагарин. М., 1956. С. 25.

<sup>2</sup> Савинов А. Указ. соч. С. 25.

<sup>3</sup> Садовень В.В. Указ. соч. С. 155.

онному построению он очень напоминает картину «Сражение при Ахатли» и видимо является эскизом к этой картине.

На обороте этого рисунка, на французском языке написан самим художником комментарий к происходящему. Вот этот перевод: – «Война на Кавказе – вот основной сюжет. В то время нет сюжета более насыщенного контрастами, более подвижного и различного в своих деталях. На Кавказе столько же различных войн, как и провинций. Можно видеть войну в виде вторжения или грабежа, войну в горах и скалах, войну рукопашную или войну на море. Опыт и местные особенности произвели специальные различия для каждого района, смотря по природе местности или рассудку сражающегося народа. Из всех этих видов войн наиболее трудная и наиболее ужасная война в лесах. Но картина, которую мы видим, воспроизводит эпизод из войны в горах которую мы выделяем как исключение. Война в горах в различных районах Кавказа, Адыгеи, Абхазии не представляется такой характерной, как в Дагестане.

Естественно, воинственные, ожесточенные племена Дагестана получали от Шамиля и его приемников правильную организацию и направление в их действиях. Пастбища редки в этой стране, а кавалерия очень многочисленна. Сражались, естественно, пешком на многочисленных участках земли. В открытых долинах и на обширных плато, лезгины всегда имели возможность встретиться в рукопашную с русскими. Если они сражались серьезно, то последние отрезали обычно их от моста. Часто горцы защищали проход реки, а это очень трудная вещь в Дагестане, где поток воды очень бурный, стремительный в глубине лощины, которая представляет мрачную трещину. Когда колонна, которая достигла Чиркея продвигалась вперед, чтобы пройти к Сулаку, она не заметила горцев в скалах, в то время как русские заметили вспаханные участки земли на склоне гор»<sup>1</sup>. Этот не совсем удачный перевод еще раз подтверждает отношение художника к борьбе горцев. Он довольно откровенно выражает свое восхищение военной организацией в среде горцев.

---

<sup>1</sup> Тагарин Т.Т. Надпись на литографии «Сражение в Сулакском ущелье» (на франц. языке).

И 40-е годы написана Г.Г. Гагариным замечательная картина – «Переход горцев через реку». Автор изображает один из отрядов конницы Шамиля во время переправы через реку. Причудливые утесы, стремительное течение реки, смелые, мужественные люди, контрасты света и тени все это романтическая картина просто великолепно и выполнена в синеватых, коричневатых тонах.

Летом 1842 года Г.Г. Гагарин участвовал в экспедиции отряда генерала Клюке-фон-Клюкенау. В 1849 году Гагарин пишет картину «Свидание генерала Клюкке фон Клюкенау у Шамилем», которая хранится в Третьяковской галерее в Москве.

В картине отражен эпизод события 1837 года. Художник же прибыл в Дагестан в 1840 году и, естественно, он не мог присутствовать при этой встрече, хотя А. Савинов в своей работе утверждает, что Гагарин был очевидцем этой сцены. В. Садовень в своем труде дает описание картины и утверждает, что Гагарин писал картину по рассказам самого генерала Клюкенау<sup>1</sup>.

На обороте картины стоит надпись самого Гагарина, подтверждающая это. («Свидание генерала Клюкке-фон-Клюкенау с Шамилем» написана в 1849 году в царских походах, по указанию генерала. Адьютант генерала Евдокимов, в последствие генерал и граф») (на франц. языке).

На картине изображен момент переговоров генерала с Шамилем, расположившихся на скалистом выступе. Более всего обращает на себя внимание наиб Ахберды-Магома, в голубой черкеске гордо восседающий между имамом и генералом. Сам эпизод этого свидания хорошо описан С. Эсадзе – «Штурм Гуниба и пленение Шамиля». Генерал должен был убедить Шамиля сдаться. Когда Клюкенау приблизился к Шамилю, то для приветствия протянул руку, но тот не принял ее. Поместившись рядом с имамом на разостланной бурке, Клюкенау убеждал его поехать на встречу к государю, который окажет ему полное внимание и милости, но имам упорно отказывался, высказывался, что во всех этих предложениях видит посягательство на его особу. «Я решил, – сказал имам, – не отправляться на свидание, потому что я многократно видел от вас измену, которая всем известна». Убедив-

---

<sup>1</sup> Савинов А. Указ. соч. С. 30.

Т.Т.Тарарин.

Сбывание реверанса Кирокке - фон - Кирокеная с Уламулеи”







**instituteofhistory.ru**

шись в бесполезности дальнейшей беседы, Клюкенау встал как раз в то время, когда Ахберды-Магома, окруженный мюридами, певшими песнь газавата, остановился вблизи и стал подходить к Шамилю. Обстоятельство это удивило, но не испугало Клюкенау. Он сказал, обращаясь к дяде Шамиля – Барты-хану – «Что любезный друг, кажется, я попал к вам в руки?».

– А как вы думаете, – ответил, улыбаясь Барты-хан.

– Неужели вы намерены поступить предательски?

– Нет. – Спокойно ответил Барты-хан.

При прощании Клюкенау вторично протянул Шамилю руку и он, по совету Барти-хана, готов был ее принять, как Ахберды-Магома встал дерзко между ними и заметил, что имаму грешно прикасаться к руке неверного»<sup>1</sup>.

Следует отметить, что Барты-хан был дядя Шамиля по материнской линии, он заменил ему отца, всегда был ему добрым советчиком и наставником. Погиб Барты-хан в 1839 году, при штурме Ахульго.

Шамиль сидит на этой картине сгорбившись, он в ярко красной черкеске и белой чалме, что маловероятно. Тем более в те годы Шамиль был еще молод и подтянут, его осанкой восхищались даже в 60-е годы. А вот генерал на картине вытянут как струна, лицо его бледно, явно нервничает. Картина передает напряжение, как описывает ее Х.-М. Доного. «Нестройная живописная группа горцев, строгий отряд русских солдат и сама дикая природа застыла в напряжении, ожидая ответа Шамиля, т.е. все внимание сконцентрировано на имаме и этим художник подчеркнул его главенствующую роль»<sup>2</sup>.

В. Садовень пишет: «Шамиль сидит с притворным смирением», что совершенно невероятно. Для нас сегодня интерес представляют личности набов Шамиля. У них не оказалось фотографий и большинство так и не известны нам на лицо. Поэтому нам интересны портретные работы художников, посвященные набам Шамиле.

<sup>1</sup> Эсадзе С. *Штурм Гуниба и пленение Шамиля. Тифлис, 1909. С. 92–94.*

<sup>2</sup> Доного Х.-М. *Кавказский художник князь Г.Г. Тагарин. Махачкала, 1993. С. 20.*

Как известно, самым известным наибом Шамиля был Хаджи-Мурад. Его смелость, военная тактика ведения боя, когда во главе конницы он наносил молниеносные удары, снискали ему славу среди противников и зависть в среде соплеменников.

Помимо Г. Гагарина к образу наиба Хаджи-Мурада обращались и обращаются многие художники, писатели, композиторы. Напрашивается вопрос – почему? В этой связи мы приведем небольшой исторический очерк, посвященный этому герою.

Большое число документального материала подтверждает тот факт, что Хаджи-Мурад большую часть своей короткой жизни верой и правдой служил идеям национально-освободительной борьбы горцев и был правой рукой имама Шамиля. Его отвага, талант стратега нашел отклик даже у его противников. В журнале «Русская старина» за 1881 г. (март) характеристику герою дает «лицо близко знавшее его – один из доблестных вождей кавказских»: «Хаджи-Мурад был одним из гениальнейших в своем роде самородков. Сказать, что это был храбрец и удалец из самых храбрейших и удалых горцев – значит еще ничего не сказать для его характеристики, бесстрашие Хаджи-Мурада было поразительно даже на Кавказе... Он был необыкновенный, предусмотрительный, решительный в атаке, неуловимый в отступлении. Довольно сказать, что бывали моменты, когда этот витязь держал как на сковороде столь умных полководцев какими были кн. Аргутинский-Долгорукий и победитель при Креоне кн. М.С. Воронцов. Перенеси этого гениального «дикаря» в армию французов, ... в какую хотите европейскую армию, всюду Хаджи-Мурад явился бы лихим командиром кавалерии, во всякой армии был бы совершенно на месте»<sup>1</sup>. Несмотря на все свои достоинства судьба героя сложилась трагически. Зависть, лицемерие, злоба и интриги – вечные спутники независимой, гордой личности всюду следовали за ним по пятам.

Родившись в 1818 г. в сел. Хунзах, Хаджи-Мурад был молочным братом сыновей аварской ханши – Паху-бике. Отец его, Гитино-Магоме, погиб, защищая Хунзах от нападения мюридов. После зверской расправы мюридов над хунзахской ханшей и ее тремя сыновьями, Хаджи-Мурад и его старший брат Осман.

<sup>1</sup> Русская старина. 1881, март. III. XXX. С. 678.

отомстив за своих молочных братьев, убили второго имама Гамзата в хунзахской мечети. Убийство Гамзат-бека было одобрено всем хунзахским обществом, а Хаджи-Мурад оказался по другую сторону от борьбы горцев, что не означало того, что он не разделял идеи антиколониальной борьбы. Так, к примеру, он выступил против требований Ахмед-Хана Мехтулинского, призвавшего в Хунзах части царской армии. Этот факт и другие противоречия послужили причиной раздора между Хаджи-Мурадом и ханом и он решительно переходит на сторону Шамиля. Двенадцать лет воевал Хаджи-Мурад на стороне восставших горцев. Возглавляемая им сотня кавалеристов участвовала во всех сражениях порой решая исход боя.

40-е годы в горах Дагестана называли «блистательной эпохой Шамиля», блики которой были, в основном, определены стремительной тактикой горской конницы.

В эти годы Хаджи-Мурад во главе своей кавалерии освобождает Хунзах, селения Обода и Ахалчи от царских войск.

В 1845 году по приказу Шамиля он отправляется в Чечню на помощь борющимся чеченцам. На пути следования в Андийских горах завязался бой с егерями Житомирского полка, 200 конников Хаджи-Мурада два часа отражали натиск шести рот солдат и нескольких артиллерийских орудий и все же горцам удалось пробиться в Чечню и одержать там победу. В июле 1845 года, по словам самого Хаджи-Мурада, он «действовал в сел. Телитль»<sup>1</sup>.

Следует заметить, что за характерного для горца немногословием и краткостью речи на деле скрывалась ожесточенная битва «на смерть», которую в деталях описал в своем донесении Наместнику Кавказа М.С. Воронцову генерал Аргутинский-Долгорукий.

Высоко в горах в сел. Телитль наиб Кибит-Магома и его брат Муртуз-Али возглавили сражение между отрядами плохо

---

<sup>1</sup> Записка, составленная из рассказов и показаний Хаджи-Мурада по приказанию (кн. М.С. Воронцова) состоящим при его светлости по особым поручениям гвардии ротмистром М.П. Лорис-Меликовым // Русская старина. 1881, III. XXX. С. 674.

вооруженных горцев против организованной и хорошо оснащенной артиллерией, царской армии. Близлежащие аулы были разгромлены под ударами царских пушек, но местные жители, вооружившись чем попало упорно не сдавали аул. В составе царских войск, по донесению генерала, «были сосредоточены – конница Кубинская, Кюринская, Ширванская, Кайтагская, Ахтынская и Даргинская...» Здесь были и пешие отряды из Казикумуха<sup>1</sup>.

26 июля в Телетль прибыла конница Хаджи-Мурада. В ходе боя, продолжавшегося несколько дней, эта конница мужественно кидалась в бой под непрерывным огнем артиллерийских орудий. И, когда, не выдержав натиска, горцы отступили, «конница Хаджи-Мурада продолжала отчаянно драться», – пишет ген. Аргутинский. Недостаток продовольствия и питьевой воды заставили армию, возглавляемую генералом, отступить по Ругуджинской дороге. И здесь «до конца их преследовала конница Хаджи-Мурада»<sup>2</sup>. Признание «мужества и отчаянности» из уст противника дорого стоит. Сам Хаджи-Мурад отметил, что в этом бою он потерял сто человек<sup>3</sup>.

Не скупится на дифирамбы своему противнику генерал Аргутинский и в 1846 году. В это время Хаджи-Мурад со своей конницей должен был преградить царским войскам дорогу в горы. С этой целью в июле 1846 года он расположил свои отряды у аула Кегер, а в декабре того же года он окружил отряды ген. Аргутинского, занявшего аул Леваша. Это было сделано так тактически грамотно, что даже сам кн. М.С. Воронцов это отметил. В донесении к военному министру Чернышеву он пишет: «Хаджи-Мурад быстро и смело окружил нас со всех сторон»<sup>4</sup>. Восхищение мужеством неуловимого горца можно понять, если учесть разницу, в численности царских войск и войском восставших горцев.

По докладу кн. Воронцова у Левашей конница Хаджи-Мурада окружила «4 батальона Дагестанского полка, 3 батальона

<sup>1</sup> *Акты Кавказской Археографической Комиссии. III. X. С. 383. Рапорт кн. Аргутинского гр. М.С. Воронцову.*

<sup>2</sup> *АКАК. III. X. С. 383.*

<sup>3</sup> *Записка, составленная из рассказов и показаний Хаджи-Мурада... С. 672.*

<sup>4</sup> *АКАК. III. X. С. 434. Донесение кн. Воронцова военному министру Чернышеву.*

Апшеронского полка, 2 дивизиона драгун, сборную конницу Донского 29 полка, 3 сотни штыков. В составе командующих армией были генералы – Орбелиани, Бебутов и Джемарджидзе»<sup>1</sup>.

Конница Хаджи-Мурада приняла участие в обороне аула Салта в 1847 году. Свыше месяца он находился в ауле. В своем донесении гр. М.С. Воронцов пишет: «конница Хаджи-Мурада в составе 1000 человек вышла со стороны аула Куппа, угрожая нашему правому флангу»<sup>2</sup>.

В июне 1848 года Хаджи-Мурад во главе конницы защищал с. Гергебиль. Несмотря на значительное превосходство сил противника, ему удалось, как пишет ген. Аргутинский, «чудом... вывести из-под обстрела 600 своих конников и 2 орудия, дерзко и смело»<sup>3</sup>. И это также оценка противника, что наиболее ценно.

Хаджи-Мурад участвовал в обороне аула Чох, поражая всех своим полководческим даром. Шамиль высоко ценил своего наиба и взял его с собой в Кабардинский поход, во время которого Хаджи-Мурад спас от неминуемой гибели самого Шамиля. Искреннюю любовь снискал он у своих сподвижников. Его внезапные набеги с незначительным составом воинов наводил ужас среди царских войск.

После неудачного Табасаранского похода отношения между имамом и его верным наибом оказались испорченными. Под угрозой расправы над ним и над его семьей, Хаджи-Мурад в 1851 году, был вынужден сдаться русскому командованию. В то же время в Тифлисе находился художник Г.Г. Гагарин, который к тому времени был произведен в полковники и занимал пост при наместнике М.С. Воронцове. Вполне возможно, что Гагарин не мог упустить случая нарисовать портрет известного героя. Это, пожалуй, самое правдивое изображение наиба. После гибели Хаджи-Мурада его голову выставили на обозрение, с нее сделали зарисовки несколько художников, в том числе и Карродини. Затем этот портрет был помещен в «Художественный листок» Тимма и экспонировался как подлинный портрет Хаджи-Мурада,

---

<sup>1</sup> Шам же.

<sup>2</sup> АКАК, III. X. С. 439. Отношение кн. М.С. Воронцова военному министру Чернышеву.

<sup>3</sup> АКАК, III. X. С. 448. Донесение ген. Аргутинского гр. М.С. Воронцову.

хотя ничего общего с описанием внешности наиба его современниками этот портрет не имел.

Г.Г. Гагарин рисовал Хаджи-Мурада с натуры, а затем дорисовал задний пейзаж, горский аул. Правда, ноги, которые художник дорисовал, получились неестественно короткими.

Позже этим портретом воспользовались художники Грачев и Лансере. Следует отметить, по словам жены Хаджи-Мурада – чеченки Сану, на отца были очень похожи его младший сын Хаджи-Мурад и дочь – Семисхан, чьи фотографии сохранились. Это сходство подтверждает, тот факт, что портрет, написанный Г.Г. Гагариным, соответствует оригиналу. Кстати, этим портретом пользовался Л.Н. Толстой при написании повести «Хаджи-Мурад».

К нашему счастью, у нас в Дагестане, имеются работы Г.Г. Гагарина, ими располагают Дагестанский объединенный исторический и архитектурный музей, Дагестанский музей изобразительных искусств, фонды Республиканской Национальной библиотеки им. Р. Гамзатова. Все эти экспонаты поступили в Дагестан в 20–30-х годах XX века из государственных музейных фондов Москвы и Петербурга, когда в начале 20-х гг. в Махачкале создавался краеведческий музей и при нем научная библиотека.

Большинство произведений Г.Г. Гагарина, хранящиеся в Дагестане, это отдельные листы литографии (в том числе и цветные, сделанные в свое время Гагариным с альбомов «Живописный Кавказ», «Костюмы Кавказа», а также альбомы «Князь Г.Г. Гагарин» рисунки, наброски с натуры), изданные после смерти художника.

Портрет Хаджи-Мурада вошел в альбом «Живописный Кавказ», который представлял собой собрание литографий с рисунков Г.Г. Гагарина, мастерски выполненных в Париже. Гагарин специально предпринял поездку в Париж, для того, чтобы размножить свои рисунки и привлечь к работе лучших французских мастеров. Размножены были и рисунки, составляющие альбом «Костюмы Кавказа», но для изучения истории Кавказской войны в живописи интерес представляет альбом «Живописный Кавказ». Х.-М. Донного-Коркмасов считает, что пояснительные тексты к

рисункам составлены графом Штакельбергом<sup>1</sup>. Но нам кажется, столь глубокое познание военной жизни, религиозных догм и простых горских обычаев было присуще самому художнику. Возможно, они работали вместе, но то, что примечания на оборотной стороне рисунков были сделаны Гагариным очевидно.

Лучше любых слов и описаний встает перед нами картина тяжелой военной жизни. И хотя Г.Г. Гагарин, как, к примеру, художник Верещагин, не акцентирует внимание на ужасах войны, но трудности ее, предоставленные в простых житейских зарисовках из военной жизни, предоставляют возможность созерцать жизнь простого русского солдата.

Целый ряд рисунков посвящен военной тематике.

Об участии князя Г.Г. Гагарина непосредственно в боевых действиях свидетельствуют документы.

Так, в сборнике документов, посвященных Кавказской войне, в донесениях и рапортах мы не раз сталкиваемся с его фамилией. Так, журнал военных действий Самурского отряда в Аварии с 25 июля по 5 августа 1847 года повествует о том, что «29 июля ранены полковник князь Гагарин и двое рядовых»<sup>2</sup>.

Другой документ (№ 305) из журнала о военных действиях Самурского отряда с 4 августа по 23 сентября при осаде и взятии аула Салты (1847 год), где также упоминается имя князя Гагарина, указано на то, что он принимал участие в боях<sup>3</sup>.

Начнем с рисунка «Привал русских войск в Аварии». На рисунке изображена группа русских офицеров, расположившихся на ковре в горском ауле. Взоры всех офицеров обращены к одному, который что-то рассказывает. Офицеры выглядят великолепно, они подтянуты, изящны. Но с этим контрастирует стоящая рядом толпа горцев, наблюдавшая за происходящим. Контраст налицо. Оборванные, одетые во что попало, исхудавшие дети, молодые люди буквально в лохмотьях. Бросается в глаза фигура молодого горца, он стоит в лохмотьях, но весь вид его, осанка,

<sup>1</sup> Доного-Коркмасов Х.М. *Кавказский художник — князь Г.Г. Гагарин. Махачкала, 1993. С. 7.*

<sup>2</sup> *Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX века. Махачкала, 1959. С. 536.*

<sup>3</sup> *Там же. С. 130.*



поза говорят о гордом, независимом человеке, на лице его усмешка. Поневоле вспоминается описание подобной сцены биографом А. Барятинского, А.Л. Зиссерманом. Он принимал участие в поездке в горах в составе царской свиты в июле 1859 года. В состав «великолепной», «блестящей» делегации входили все высшие чины правительства царской России – наместник Кавказа, военный министр Милютин, генералы, офицеры и «навстречу им выходила толпа горцев, одетых в лохмотья, дети, – писал А. Зиссерман, – в буквальном смысле слова, голые»<sup>1</sup>. И это понятно, люди в горах были доведены до нищеты, многие пытались травой, умирали от болезней и голода. Но при этом большинство горцев сохраняли свое человеческое достоинство. И когда по приказу А. Барятинского в толпу бросали золотые и серебряные монеты, даже дети, плюнув на них, отворачивались и уходили прочь»<sup>2</sup>. Реализм в изображении горцев, делает честь князю Г.Г. Гагарину. Он отошел от традиционных академических форм, представляющих горцев с перекошенными от злобы лицами, с кровожадным взором. И даже легендарный Хаджи-Мурад, наводивший ужас на генерала Аргутинского, изображен в нормальном человеческом облике.

Другой рисунок из этого альбома – «Рубка леса и образование равнин в Шали». На рисунке изображено много людей, панорама большая, но смотрится легко, так как ярко выражен центр, а все остальные фигуры расположены полукругом. По всему видно, что здесь только что был бой. На снегу лежат трупы убитых горцев и русских солдат. Вдали видна группа горцев, попавшая в плен к русским. Но бой еще не окончен. Вдали виден дым и скачущие всадники.

Но, пожалуй, самым удачным в этом цикле рисунков Г. Гагарина является рисунок «Обоз в степях Кизляра». По своей идее этот рисунок стоит близко к критическому реализму. Художник показывает здесь войну со всеми своими тяготами и невзгодами, здесь дана «оборотная сторона войны». Не видно храбрых, лихих воинов, мы видим уставших русских солдат, уже давно нару-

<sup>1</sup> Зиссерман А.Л. Фельдмаршал кн. А.Н. Барятинский. Т. II. М., 1890. С. 221.

<sup>2</sup> Там же. С. 456–457.

шивших строй, идущих по выжженной солнцем степи. Ландшафт поражает своей бесконечностью. Нет ни тени, ни воды. Повсюду бесконечная степь, солдаты измучены, на головы наброшены полотенца, один из солдат обессилев, остановился, он не в силах даже идти дальше. Весь рисунок поражает силой реализма.

Особенно интересны рисунки, на которых изображена повседневная жизнь и быт горцев.

Рисунок «Мечеть в ауле Яраг» напоминает нам о самом начале Кавказской войны, о событиях 1823 года в Дагестане. Как известно, Яраг-аул Магомеда Ярагского, первого проповедника мюридизма на Кавказе. На обороте комментариев на французском языке «Мюридизм стал впервые проповедовать мулла Мухаммед в 1823 году». Вот перевод на обороте рисунка:

«Яраг – большая деревня на юге Дагестана, так же и селение Гимры – известное своими мюридами, которые оказали большое влияние в восточной части Кавказа. Основная цель мюридизма – провести реформу в исламе, т.е. очистить религию ислама от растлевающего влияния «гуяров» на мусульман и призывы обратно предаться строгим законам тариката. Тарикат – это глава Корана, в которой Магомед учил своих последователей всеми средствами побеждать пыл, призывал их очистить свое имя, подняться до бога. Это было в 1823 году, когда мола Мухаммед, священник, проживающий в Яраге, стал проповедником этого учения. Его положение привлекало внимание большого числа жителей других районов. Он (Магомед) жаловался на общий упадок ислама, на необходимость разобраться в колебаниях верующих и разобшении мулл Дагестана. «Он имел большое влияние, он раскрыл истинную цель мюридизма, которые были против власти русских. Это удовлетворило независимый дух и отважность лезгин, он заставлял блистать их глаза, изображая войну за свободу и славу»<sup>1</sup>. Далее приводится речь Магомеда Ярагского призывающего верующих к священной войне.

В конце этой записи художник пишет, что война, разгоревшаяся в Дагестане, была направлена не только против русских, но и против ханов и беков, которым приходилось скрываться бегством.

---

<sup>1</sup> Перевод сделан нами.

Сам рисунок не изображает Магомеда Ярагского. Здесь на фоне мечети несколько молодых лезгин готовятся к соколиной охоте.

Другой рисунок из альбома – «Чтение тариката в Хосрехе». Сам рисунок весь как бы разделен на правую и левую сторону. В левой мы видим двух стариков, внимательно слушавших чтение Корана. Над головами стариков висит оружие. Лица стариков серьезные, взгляд устремлен вверх, видно, что читаемое производит на них сильное впечатление. Видимо, Г.Гагарин решил отразить сцену типичную для сельского быта тех дней.

Материалы, рисунки, собранные в альбоме отражают борющихся горцев. Рисунок «Гора Тилитль аул Холотль» и рисунок «Засада в горах», созвучны. Группа горцев сидит в засаде, наблюдая за дорогой. Горцы изображены с большой силой реализма, а фигуры горцев составляют как бы единое целое с природой. Правдоподобны и костюмы их. Художнику удалось показать не только разницу в возрасте горцев, но и различие их характеров. Старый горец, второй справа, очень внимательно следит за дорогой. Рядом с ним совсем еще юный горец, также весь в напряжении, третий спокойно закуривает.

На обороте надпись – «Иллюстрация дает нам вид на долину Койсу, т.к. она представляет с возвышенности, с соседним Хунзахом, прежней столицей Аварии. Теперь укрепление Хунзах опустело, семья ханов была предательски истреблена Гамзатбеком, вторым имамом и преемником Кази-Муллы и жестокий правитель Шамиль расселил аварское население Хунзаха, чтобы переселить его в покоренные «стороны» под свой присмотр. Русские отправили знаменитые экспедиции в эти горы и оккупировали Аварию в течение многих лет. Но после разгрома ханов не осталось никого, на кого они могли бы положиться, оккупация этой страны стоила громадной суммы, т.к. надо было всем перебираться на спинах ослов. В 1843 году правительство постановило оставить Аварию на произвол судьбы.

Голотль – деревня из самана и укрепленная, как все аулы Дагестана, и нет никакой возможности пройти к ней, кроме прохода, который проходит над рвущей водой Койсу. Сакли расположены как гнезда орлов на горе. Там и расположился Кибит-

Магома, лукавый и энергичный старец, соперничавший с Шамилем и чинивший ему препятствия»<sup>1</sup>.

Полный трагизма рисунок художника посвящен похоронам убитого воина – «Похоронная церемония в Ахалчи».

Прекрасно выполнены и портретные и пейзажные работы «Чертов мост между Унцукулем и Гимрами», «Общий вид Араканы», «Араканы», «Кази-Кумух», «Площадь в Цудахаре», «Рича», «Пребытие в Цатаних», «Цатаних, торжественный смотр», «Акуша». «Вид из окна дома муллы» (Центральный Дагестан), «Гергebilь», «Унцукуль». Вид с Ботлихской горы. Вид с Ботлихской скалы», «Бой в Кака-шуре», «Люди шамхала, Казанище», «Главный наиб из войска Шамиля», «Ахтынки», «Самурский милиционер», «Женщины из Темир-Хан-Шуры» (Дагестан), «Шамхал Тарковский» «Мюрид, Касим Коромов из Нового-Юрта», «Женщина из Казанище, владение шамхала Тарковского», «Юсуф-бек Кюринский», «Аслан-кади из Цудахара», «Аварец», «Абдул Рахман Казикумухский», «Житель из свиты Шамхала Тарковского», «Девушки из Унцукуля».

Все картины и рисунки Гагарина посвященные Кавказской войне, говорят о том, что к 50-м годам художник окончательно отошел от позиции романтизма. Объясняется это веянием времени, а именно подъемом общественно-демократического движения, влиянием декабрьского вооруженного восстания 1825 года, дружбой с Пушкиным, Лермонтовым, прогрессивными деятелями России. На формирование общественных взглядов художника повлияло его долгое пребывание за границей, где в идеологии буржуазных революций 1848 года в Европе были и антиколониальные настроения.

Чувство непримиримости к реакции, к отрицательным сторонам крепостнической жизни России все острее переживалось в душе Гагарина. Противоречие между общественным положением и его творчеством, где без налета великодержавности передана история борьбы народа за свою независимость, не позволили ему идти дальше. Однако оставленные им полотна и рисунки развернули перед нами страницы Кавказской войны. Сердце любого дагестанца должно быть преисполнено благодарностью к худож-

---

<sup>1</sup> Перевод с французского языка.

нику, посвятившему нашему краю свое творчество и частицу своего сердца.

После 1850 года Гагарин был в Дагестане единожды, а день пленения имама 25 августа 1859 года. Художник Ф. Горшельт изобразил его на своей картине, на первом плане с художественными кистями в руках.

## § 2. Отражение кавказской войны в творчестве художников В.Ф. Тимма и А. Грузинского

Среди художников-современников и очевидцев Кавказской войны видное место занимает художник Василий Федорович Тимм, известный в XIX в. как график. Тимм окончил Петербургскую Академию художеств, избрав своей специальностью батальную живопись. В Париже он обучался под руководством известного художника-баталиста Ораса Верне. Вместе с ним он совершил поездку в Алжир. После революции 1848 года во Франции Тимм возвращается в Россию и в 1849 году он отправился в Дагестан.

Искусствовед Л.М. Тарасов пишет, что Тимм прибыл в Дагестан в 1848 году, а искусствовед В. Садовень и автор статей о художнике Д. Кажлаев пишут о том, что Тимм был в Дагестане всего один год, т.е. 1849 год<sup>1</sup>.

Как известно, этот период был ознаменован блестящими победами Шамиля. Это произвело большое впечатление на художника. Главным делом жизни Тимма стало издание периодического сборника художественных литографий. Этот сборник под названием «Русский художественный листок» выходил три раза в месяц в течение двенадцати лет с 1851 по 1862 гг.

Таким образом, Тимму первому из всех художников и искусствоведов принадлежит заслуга в собирании и описании почти всех основных рисунков, акварелей, крупных картин на тему Кавказской войны. В Дагестанском краеведческом музее хранится лишь несколько экземпляров «Художественного листка». В первом номере этого издания есть вводная статья о художнике

<sup>1</sup> Кажлаев Д. Тимм В.Ф. Газета Дагестанская Правда. 1956 г. № 45.

Тимме. «В. Тимм изучал Россию на всем пространстве от Петербурга до крайних пределов Закавказья и наполняет свой художественный альбом видами достопримечательных мест, портретами известных лиц, изображаемыми замечательных предметов и памятниками зодчества и скульптуры»<sup>1</sup>.

Кавказская война получила отражение в «Художественном листке» в рисунках как самого Тимма, так и других художников, – Г. Гагарина, Горшельта, Филиппова, Грузинского и других. Тимм писал о том, что в его задачу входит – «Передать в рисунках современную жизнь русского народа», но это было трудно осуществить, так как главным редактором в это издание был назначен В. Булгарин известный своими консервативными взглядами. Но, несмотря на это художнику удалось многое.

Рисунков самого Тимма, помещенных в «Листке» сравнительно немного. «Вид аула Ахты, рисунок с натуры в сентябре 1849 г. (в № 15); «Вид неприятельских завалов при ауле Мискинжи» (№ 18); «Вид аула Кумух, рисунок с натуры с террасы ханского дома», «Вид внутренних укреплений Кумуха» (№ 28); «Стрелки Кавказского стрелкового батальона при осаде Чоха 5 июля 1849 г.» (№ 24); «Аул Гимры»; «Вид Гуниб-дага»; «Вид аула Яраги» и др.

В плане исследований нашей темы интерес представляет литография «Художественного листка», посвященная первому имаму Дагестана Кази-Магомеду. Литографии Тимм печатал в Мюнхене и поэтому на многих литографиях надписи сделаны по-немецки – «Кази-мулла убитый в битве при Гимрах». Кази-Магомед изображен на рисунке мертвым. Это, пожалуй, единственный портрет первого имама Дагестана. Тимм, приехавший в Дагестане в 1849 году не мог видеть и знать Кази-Магомеда, погибшего в 1832 году, рисунок сделан по рассказам очевидцев.

Авторитет Кази-Магомеда в горах был чрезвычайно высок. Он сумел объединить разрозненные отряды горцев, возглавить первые шаги национально-освободительного движения. Родился в 1794 году в Гимрах, учился у Саида Араканского и Магомед Ярагского вместе с Шамилем.

---

<sup>1</sup> Художественный листок, СПб., 1851. С. 1.

Во главе восьмитысячного войска он выступил против русских укреплений на северной границе Дагестана. Удачные его походы снискали уважение среди населения.

В мае 1830 года он выступал со своим войском против хунзахских ханов, но потерпел поражение. В этом бою погиб отец Хаджи-Мурада.

В 1831 году он совершает набеги на плоскость, разгромил русские войска, занял Параул, Тарки, осадил крепость Бурную. В 1823 году он совершил поход в Чечню, разгромив там отряды милиции, совершил набег на Владикавказ, Назрань, но силы были неравные и он отступил<sup>1</sup>.

12 октября 1832 года к Гимрам были стянуты крупные силы царской армии. У Кази-Магомеда в Гимрах было шестьсот человек войска, а у русских несколько тысяч. Войска генерала Вельяминова, фон Клюкенау вместе с частями грузинской и армянской милиции под командованием кн. Дадиани после сильного артиллерийского обстрела обошли линию укреплений и подошли непосредственно к аулу Гимры.

Интересен этот эпизод сражения в пересказе самого Шамиля будучи в плену в Калуге. Он рассказывает «Казт-Магомед послал в Гамзат-беку за помощью, тот прибыл в селение Ирганай, на другой день выступил к Гимрам, остановился в двух верстах от места сражения; увидев солдат русского отряда опустил в Гимринское ущелье и остался равнодушным зрителем гибели храбрых защитников соотечественников».

Когда горцы разбежались Кази-Магомед, Шамиль и пятнадцать мюридов вошли в башню и стали отстреливаться из бойниц. Тогда Кази-Магомед сказал: «Здесь нас всех перебьют и мы погибнем, не сделав вреда неверным, лучше выйдем и умрем, пробиваясь. Только как он выбежал из башни солдат ударил его камнем в затылок. Кази-Магомед упал и был тут же заколот штыками»<sup>2</sup>.

Шамиль чудом остался жив.

Неверовский писал: «Смерть Кази-Муллы произвела сильное впечатление на горцев. Причиною тому служило одно об-

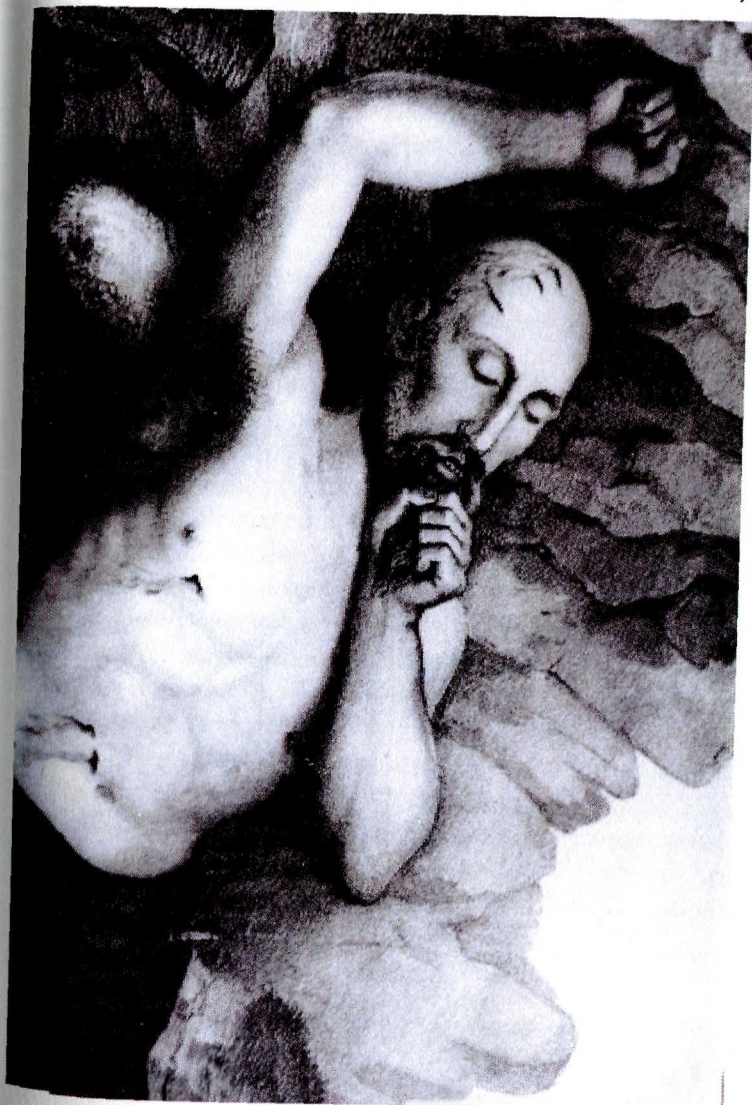
<sup>1</sup> История Дагестана. М., 1965. Т. II. С. 88–89.

<sup>2</sup> Чичагова М. Шамиль на Кавказе и в России. СПб., 1888. С. 25.



*В. П. Мухом.*

*"Казу-Мулла, убитый в бунте при Тумрах"*





**Электронная библиотека  
Института истории,  
археологии и этнографии  
Дагестанского ИЦ РАН**



**instituteofhistory.ru**

стоятельство, на первый взгляд совершенно ничтожное, тело его было найдено в таком положении, что одной рукой он держался за бороду, а другой указывал на небо, по мнению мусульман это есть именно то самое положение, в котором может быть в минуту самых тяжелых своих моментов, когда он возносился духом до постижения могущества всевышнего. А поэтому горцы, увидев труп Кази-Муллы, начали раскаиваться в своем поведении и упрекали себя за то, что не подали помощи»<sup>1</sup>.

Рисунок Тимма изобразил Кази-Магомеда лежащего на скале, кулаки крепко сжаты, на теле видны ножевые раны. Лицо его мужественно и прекрасно. Он как бы сливается со скалой, на которой лежит.

Один из искусствоведов так пишет об этом рисунке: «Личность показана как крепко спаянная и зависимая от природы. Беспредельность природы проглядывается через лицо портрета. В этот портрет вкладывается жизнь чрезвычайной силы – жизнь, которая признается единственной для личности, через которую та базируется»<sup>2</sup>.

Этот рисунок Тимма произвел очень большое впечатление на русское общество России того времени<sup>3</sup>. Однако, когда Шамилю показали этот рисунок, он отметил тот факт, что изображенный здесь не был похож на его друга – Кази-Магомеда.

Уже значительно позже, когда встал вопрос в 1859 году с пленением имама Шамиля, фельдмаршал кн. Барятинский очень опасался, что в ходе боев имам может быть убит. Он писал: «Шамиль не должен быть убит, нам он нужен живой, сдавшийся. Убитый он послужил бы предметом вечного поклонения как Кази-Магомед. Создалась бы легенда о нем»<sup>4</sup>.

В 32 номере художественного листка помещены портреты Шамиля и Хаджи-Мурада. Под портретом Шамиля надпись, что рисунок выполнен князем Чавчавадзе. Шамиль изображен в про-

<sup>1</sup> Неверовский Я. О начале беспокойства в Северном и Среднем Дагестане. СПб., 1847. С. 36.

<sup>2</sup> Искусство портрета. М., 1928. С. 30.

<sup>3</sup> Художественный листок. № 32.

<sup>4</sup> Зиссерман А.А. Фельдмаршал кн. А.Н. Барятинский. М., 1890. Т. II. С. 283.

филь. Головной убор, весь костюм и само лицо Шамиля не соответствуют действительности.

Портрет Хаджи-Мурада похож на картину Карродини, который рисовал портрет с мертвой головы в Тифлисе, в 1851 году. Как известно, голова Хаджи-мурада была доставлена в Тифлис и несколько дней находилась на обозрении у «цивилизованной» публики. Разумеется, черты лица деформировались и ничего общего с оригиналом не имеют. Портрет рисованный Гагариным сделан с живого героя и естественно, он ближе к оригиналу.

Видимо главному редактору этого листка очень хотелось изобразить кавказского героя с перекошенным от злобы лицом, лицом разбойника. К сожалению, этот портрет часто принимают за подлинный, и нам не раз в горах приходилось видеть его в домах у горцев в увеличенном виде.

Это все рисунки Тимма. Живописных произведений художника на тему Кавказской войны мало: известна одна картина «Подъем осадной артиллерии в Турче-Даг в Дагестане. Воспоминания осады крепости Чох в 1849 году»<sup>1</sup>. Эта картина была выставлена на международной выставке 1892 года в Лондоне. В.А. Верещагин писал о живописных произведениях Тимма: «Немногие известные его картины тяжелы и тусклы по красоте и не отличаются ни глубиной замысла, ни серьезностью исполнения. Искра вдохновения, всегда присущая первому выражению его мысли – рисунку, потухает в красках»<sup>2</sup>. Это, по мнению В.В. Садовенья, резкая критика недостаточно справедлива и как пример «красочной и экспрессивной» картины В.В. Садовенья приводит «Подъем осадной артиллерии на Турче-Даг в Дагестане». Описание картины дает Садовенья «Среди горного пейзажа русский отряд втягивается в ущелье, показанный на дальнем плане. Несколько пар волов, впряженных с усилием везут по крутому подъему тяжелое осадное оружие. Впереди – всадники загоняют запасных волов в ущелье. Позади, движется пехота. Слева на

---

<sup>1</sup> Как отмечают искусствоведы, Тимм больше был «карандашистом», т.е. литографом и иллюстратором. Из живописных произведений известна только одна картина и на тему Кавказской войны «Подъем артиллерии в Турче-Даг...».

<sup>2</sup> Верещагин В.А. Русская карикатура. СПб., 1894. С. 12.

первом плане идущий с пением отряд с музыкантами и плясунами впереди. Справа – волы и лошади с тяжелой поклажей, сопровождаемые погонщиками-горцами и русскими солдатами»<sup>1</sup>.

«Русский художественный листок» за № 31 называется «Шамиль в Петербурге». Здесь перечень этих небольших рисунков – «Шамиль у профессора Мирзы Казим-бека», «Шамиль с сыном и мюридами в театре», «Прогулка Шамиля», «Шамиль и его сыновья у постели больной Каримат» (невестка Шамиля), «Дом, в котором жил Шамиль», «Посещение Шамилем 1-го СПб кадетского корпуса, где был воспитан его сын», «Посещение Шамилем императорской публичной библиотеки». Во всех рисунках чувствуется симпатия художника к Шамилю, т.к. он выделяет на всех своих рисунках его фигуру отдельно от остальных. В. Тимм изображает Шамиля очень высоким и статным, в белой черкеске и в белой чалме, лицо его на всех рисунках сосредоточено, хмуро сдвинуты брови, складки у рта. Таким мы видим Шамиля даже в театре. Рядом сидящие горцы с восторженными глазами, улыбаясь, наблюдают за сценой, а Шамиль в белой чалме с биноклем в руках, сдвинув брови, следит за спектаклем. В рисунках В. Тимм. старается подчеркнуть почтение и уважение к Шамилю со стороны русских (особенно в рисунке «Посещение Шамилем императорской публичной библиотеки»).

Заслугой В. Тимма является стремление его разрешить психологическую характеристику героев. Примером тому служит рисунок «Полковник Новоселов, защищающий укрепление против многочисленного скопища горцев, в сентябре 1848 года». Мы видим простого скромного человека с пристальным взглядом. Несмотря на внешнюю скромность, с уверенностью можно сказать о смелости этого человека. По сравнению с другими рисунками в этом портрете меньше фотографичности, больше реализма.

Среди художников-баталистов второй половины XIX века видное место занимает А.Н. Грузинский. Он грузин по национальности, но выросший в России.

Родился А. Грузинский в 1873 году в семье небогатого помещика Курской губернии. С самого детства у него обнаружи-

<sup>1</sup> Садовень В.В. Русские художники баталисты XVIII–XIX вв. М., 1955. С. 158.

лись способности к рисованию. В 1851 году он поступил сначала в среднее воспитательное училище Петербургской Академии художников, а затем закончил полный курс Академии в 1863 году, проучившись в ней 12 лет. Среди преподававших был известный художник Виллевалде, создавший несколько акварелей на кавказскую тему. Еще во время учебы А. Грузинский проявил себя как одаренный художник. За работы, представленные на выставках Академии художеств ему был присужден ряд наград – большие и малые золотые и серебряные медали.

В 1862 году он был награжден большой Золотой медалью за картину «Последний штурм Гуниба». Это батальное полотно двадцатипятилетнего художника, написанное им в 60-х годах на соискание Академической большой Золотой медали, принадлежит по своему основному характеру к русской реалистической живописи второй половины XIX века.

После окончания Академии художеств в 1863 году А. Грузинский был послан на шесть лет за границу как стипендиат Академии с целью ознакомления с произведениями изобразительного искусства Европы и совершенствования в живописи. Эти годы он находился в Германии, Италии и Франции, где работает и создает новые картины.

В 1864 году Грузинский возвращается в Россию и едет на Кавказ, собирает материалы для картины «Оставление горцами аула при приближении русских войск». За эту картину он был удостоен звания академика Академии Художеств. В том же году на всемирной выставке в Лондоне экспонировалась его картина «Взятие Гуниба» (другое название «Последний штурм Гуниба»)¹. Эту картину отметил известный критик В. Стасов в своей статье «Русская живопись и скульптура на Лондонской выставке»², так он пишет: «По-видимому, у русского искусства есть склонность к страшному.

К числу произведений этого рода принадлежит батальная картина, более обыкновенного энергичная представляет взятие

---

¹ Каландадзе М.П. *Участие грузин в культурной и общественной жизни России. Тбилиси, 1984. С. 74.*

² Стасов В.В. *«Собрание сочинителей». 1847–86. Худ. Статьи. СПб., 1907. Т. II. С. 30.*



*А. Спиринский.*

*"Умыра Тында"*



**Электронная библиотека  
Института истории,  
археологии и этнографии  
Дагестанского ИЦ РАН**



**instituteofhistory.ru**

Гуниба, последнего урочища Шамиля. Автор ее Грузинский, хорошо известный везде, кроме Англии, даже в Америке. Мы не смеем надеяться на то, чтобы мирные и сельские сцены привлекали столько же внимания, как и сцены убийств всегда столь интересные для большинства людей»<sup>1</sup>.

Английская газета писала «Взятие Гуниба Грузинского представляет скорее резню, чем сражение, но очень недурно в своем роде и полно интересных подробностей»<sup>2</sup>.

По сравнению с академическими полотнами, где красиво гарцующие всадники и все театрально, штурм Гуниба выглядит «резней» только потому, что она реалистична и правдиво отражает весь ужас войны. К счастью эта картина А. Грузинского хранится у нас, в музее изобразительных искусств.

На картине действие происходит в самом укреплении, куда через видные на заднем плане ворота ворвалась плотная масса русской пехоты с ружьями наперевес для штыкового удара. Хорошо описывает последний штурм С. Эсадзе. «Партия в 100 мюридов, отрезанная от аула собралась на лесистом холме влево от ведущей на Гуниб дороги и засев за камнями открыла частую стрельбу. Одна за другой Ширванские роты были направлены против этой кучки фанатиков. Горцы не видя спасения, бросились на кинжалы и шашки. Ни один из мюридов не сдался, все сто человек после непродолжительной, но кровавой схватки погибли под штыками ширванцев»<sup>3</sup>. И эту трагедию гениально передал художник. Мужество и отвага оказались бессильны перед хорошо обученной и технически оснащенной армией, которая в картине представлена как белая лавина.

Действующим лицом в картине является народ, здесь он представлен как отдельный герой. Поражает красота борющихся горцев.

Другая замечательная картина Грузинского «Оставление горцами аула». (Эта картина хранится в музее).

Над этой картиной художник долго и упорно работал.

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> Садовень В. Указ. соч. С. 220.

<sup>3</sup> Эсадзе С. Штурм Гуниба и пленение Шамиля. Тифлис, 1908. С. 199–200.



Она не относится к батальному жанру, ее можно назвать военно-бытовой. Сюжет тесно связан с Кавказской войной. События происходят по всему видно, на Западном Кавказе. Описание этой картины дает журнал «Всемирная иллюстрация» за 1873 г. «Художник своим произведением воскрешает перед нами недавнюю драму покорения Кавказа. Место действия лощина, усыпанная каменистыми обломками на каменистой почве, поросшей мхом, тощей травой. С высот спускаются арбы с имуществом и семействами горцев, уходящих перед войсками нашими, приближение которых указывают столбы светлого дыма. Длинная вереница арб, тащимых волами в сопровождении вооруженных всадников.

На первом плане, по сторонам шагающих волов, впряженных в арбы с ранеными и женами наиба, перемешиваются в нестройную массу люди и домашний скот. Поодаль от тяжело ступающих волов черкешенка тащит на себе одежды, ведя за руку смуглого, полунагого мальчика-сынишку, боязливо вглядывающегося на новую для него сцену суматохи и общего ужаса.

Вдали – разрушенные сакли, а перед ней у камня женщина остановилась словно ошеломленная»<sup>1</sup>.

Поражает реализм автора. И странно читать об А. Грузинском следующее: «Начиная с внешности и кончая общественными и личными взглядами в нем было немало барского, но в то же время он не был консерватором в искусстве»<sup>2</sup>.

Следовательно, за аристократической внешностью скрывалась глубоко демократическая натура, несмотря на то, что он вырос и воспитывался в высших кругах аристократического общества, он остался настоящим патриотом Кавказа, глубоко переживающим все тяготы и горести его народов.

---

<sup>1</sup> Ж. *Всемирная иллюстрация*. СПб., 1873.

<sup>2</sup> Там же.

## Глава 2. Западноевропейские и русские художники о событиях Кавказской войны (вторая половина XIX в.—нач. XX в.)

---

### § 1. Западная Европа в XIX в. о событиях Кавказской войны

В XIX веке образ царской, самодержавной России ассоциировался в западноевропейских государствах с образом «жандарма» и «душителя свободомыслия и демократии». Особенно наглядно проявилось это в период буржуазно-демократических революций 1848 года, когда самодержавие явилось помощником в подавлении восстания под руководством Кошута в Австро-Венгрии, оказало содействие всем реакционным силам в западноевропейских странах.

В этой связи борьба горцев Дагестана, и Чечни в 20-х—50-х гг. XIX в., которую мы именуем «Кавказской войной» нашла отклик в сердцах всех прогрессивных, демократических сил Европы. Во французской, английской, шведской прессе появляются публикации, отражающие события на Северо-Восточном Кавказе с выражением сочувствия борющимся горцам.

В 1856 году обстановка в Европе осложнилась в связи с событиями, связанными с Крымской войной. После ее оконча-

ния в столице Франции был подписан так называемый Парижский трактат 1856 года, представляющий, собой следующее<sup>1</sup>:

«Парижский, трактат 1856 года заключен как мирный договор между Россией с одной стороны и с нею воевавшими Англией, Францией, Турцией, Сардинией (Италией) – с другой и посредниками – Пруссией и Австрией. Он гарантировал неприкосновенность Турции, нейтрализовал Черное море, лишил Россию протектората над Молдавией, Валахией и Сербией и права покровительства турецким христианам, отторг от России Южную Бессарабию, укреплений Бомар-Зунда (Аландские острова).

После заключения Парижского мирного договора России представилась возможность перебросить основные воинские силы на Кавказ для подавления горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х гг. XIX века. Таким образом, Парижский договор сыграл важную роль в истории Кавказской войны.

К этому событию в периодической печати Франции появилась необычная иллюстрация – «Полководцы союзных армий». Отдельные гравированные изображения военачальников были смонтированы вместе, тем самым, представляя собой однородную группу знаменитых полководцев современности на фоне боевых знамен. Кто же представил собой этот ряд союзников в военном деле?

Одни имена и звания говорят о высоком положении каждого – Сент-Арно – французский маршал, главнокомандующий союзными войсками во время Крымской войны; герцог Кембриджский – фельдмаршал, командующий британскими войсками; Омар-Паша – главнокомандующий турецкой армией на Дунае; Наполеон Третий – император Франции; Джодж Браур, сэр Вильям Непир – английские генералы; Канробер – французский маршал и другие.

Среди крупных военачальников, известных по всей Европе портрет имама Шамиля.

Этот факт говорит сам за себя. Удар по самодержавной России был нанесен не только европейскими военачальниками, но борющимися за свою свободу горцами.

<sup>1</sup> Большая советская энциклопедия. М. 1975. С. 617.

О том, что эта борьба нашла сочувствие у европейцев, говорит и факт участия в Кавказской войне на стороне горцев представителей стран Европы, в частности Польши. Как известно, из истории в Польше в 1831 году произошло восстание, которое было жестоко подавлено самодержавием. Лучшие представители польской интеллигенции – Чарторыйский, Ф. Шопен и многие другие были вынуждены эмигрировать во Францию, в другие страны. Часть участников восстания примкнула к дагестанским горцам. По разным данным на стороне Шамиля воевало 700 поляков. Наиболее отличились – М. Пруганский, И. Ковалевский и др.

Ценную информацию о ходе борьбы горцев англичане получали через польских эмигрантов и от ссыльных поляков. Польская эмиграция была привлечена английским министерством внешней политики через представительство аристократического крыла польского движения «Жонда» – Чарторыйского и Замойского. Это представительство именовалось «Отель Ломберт» по названию гостиницы, в которой оно разместилось в 1831 году в Париже.

Польские генералы Ю. Бем, Я. Дембицкий, В Хражановский по негласному поручению англичан вели разведку на Кавказе.

Горцы Северо-Западного Кавказа получали помощь от Англии и Турции оружием и боеприпасами<sup>1</sup>.

Сочувствие борющимся горцам выражали не только политики и публицисты, но и представители художественной культуры Европы, в среде которой видное место занимают художники.

---

<sup>1</sup> Исмаилов М.С. Движение горцев под руководством Шамиля и польская эмиграция. Сб. док. Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х гг. XIX в.: Махачкала, 1994. С. 249–250.

## § 2. События Кавказской войны в отражении работ художника П. Горшельта

Одним из наиболее значительных батальных художников, чье творчество можно назвать западноевропейским, был Теодор Горшельт. И хотя некоторые искусствоведы приписывают ему русское происхождение (И. Прахов) Т. Горшельт – яркий представитель западно-европейской батальной школы. Автор ценной монографии по батальному искусству А. Садовень пишет о нем: «...По национальности, месту рождения, воспитанию Т. Горшельт – баварский немец. Но немалые годы он провел в России и внес большой вклад в историю Кавказской войны своими живописными картинами»<sup>1</sup>.

Родившийся в Мюнхене, Т. Горшельт всегда мечтал о поездке на Кавказ, так как знал, что там идет длительная война горцев с самодержавной Россией. Приехав в Россию, художник решает поступить на военную службу, чтобы самому непосредственно участвовать в военных действиях. Он вступает в отряд, которым командовал генерал-барон Вревский. Воевать этому отряду приходилось в самых тяжелых условиях в современном Цунтинском районе. Отряд генерала Вревского совершил нападение на отряд горцев в районе аула Бежта. Атака была неожиданной и большинство горцев было перебито, в том числе погиб наиб, имя которого неизвестно.

На протяжении всего похода Горшельт вел свой дневник, делал зарисовки. Эти материалы являются крупнейшим материалом в деле изучения Кавказской войны. Здесь же рисунки уголков природы, строений, утвари, военных стычек, портретов горцев. После ночной атаки художник делает запись в своем дневнике. «В числе захваченной добычи было множество прекрасного оружия. Также интересны были по своим надписям два ордена Шамиля, вроде брошек, принадлежащие убитому начальнику. Но я запомнил только одну из надписей – «Это в на-

---

<sup>1</sup> Садовень В.В. Русские художники-баталисты. М., 1955. С. 173.

граду за его храбрость и в поощрение, чтобы они впредь отмечали между своими воинами, как лев между зверями»<sup>1</sup>.

Эта заметка примечательна и тем, что представляет возможность убедиться в ареале распространения движения горцев. Ведь Цунта – это самая крайняя, западная граница Дагестана.

Некоторые искусствоведы ставят имя художника Т. Горшельта рядом с именем известного художника-баталиста Верещагина<sup>2</sup>. Так же как и Горшельт Верещагин интересуется судьбой простого солдата. В своем дневнике он пишет: «о муках и лишениях простого солдата никто, наверное, не может составить понятия, – но кому пришлось совершить такой поход вместе с ним, кто видел собственными глазами с какой несокрушимой бодростью, даже веселостью он переносит все, тот поймет все это мужество и не откажет ему в самом глубоком уважении. Солдат постоянно в работе, и если выдастся когда-нибудь свободная минутка, он идет к товарищам, смотришь – и составился маленький кружок и поют все, подыгрывая на бубне и барабане»<sup>3</sup>.

Эти демократические взгляды сформировались у художника в годы учебы, в Мюнхене в 1848 году; Мюнхенскую Академию художеств, позже закончил Ф. Рубо, там же в 30–40-е годы учился известный дагестанский художник М. Мусаев. Это была ведущее в Европе высшее учебное заведение, со сложившимися традициями, с преобладанием классических методов обучения. Несмотря на это выпускники Академии были далеки от принципов вычурности и «красивости» в изображении батальных сцен<sup>4</sup>.

Прежде чем перейти к художественным полотнам Т. Горшельта рассмотрим целый комплекс его рисунков, посвященных истории Кавказской войны.

Искусствовед В.В. Садовень так характеризует рисунки Горшельта: «Они поражают настоящим разнообразием сюжетов, подсмотренных в природе и переданных с предельной точностью,

<sup>1</sup> Ж. «Пчела», Письма и записки Т. Горшельта 1877, № 20. С. 306.

<sup>2</sup> Садовень В.В. Русские художники-баталисты XVIII–XIX вв. М., 1955. С. 173.

<sup>3</sup> Ж. «Пчела». 1877 г. № 17.

<sup>4</sup> Садовень В.В. Указ. соч. С. 174.

с какой-то особой художественной скромностью, исключаящей погоню за бойкой назойливостью, виртуозностью, за кричащим эффектом, и вместе с тем на них лежит печать подлинного мастерства, подлинной талантливости»<sup>1</sup>.

В дагестанском историко-краеведческом музее хранятся несколько альбомов с рисунками. Альбомы объединены под общим названием «Кавказские походные рисунки Горшельта». В части альбома под этим названием помещены рисунки, в которых отражены различные типы горцев, русских солдат. Это прекрасный этнографический материал. В первом альбоме помещена статья о художнике следующего содержания – «В баталистической живописи, по самому существу ему художнику приходится изображать движение множества лиц, принадлежащих к одной и той же профессии, имеющую почти одну и ту же внешность, испытывающих одни и те же ощущения. Поэтому в подобных картинах движение масс почти всегда заслоняет собой и даже совсем вытесняет единичное, драма, переживаемая каждым отдельным лицом, или совершенно отсутствует, или ступшевывается в этой сцене, вследствие чего в его композициях нет центра»<sup>2</sup>.

У Горшельта каждая фигура живет индивидуально, своей жизнью, мыслит и чувствует по-своему; занимая в то же время в общей композиции не случайное, а необходимое место, найденное для нее умным расчетом художника. В результате получается стройная картина, нет ничего излишнего, а все осмысленно, где одно объясняет и дополняет другое и заставляет зрение пережить изображаемую сцену, как бы целиком выхваченную из действительности.

С 50-х годов царизм избрал другой путь покорения горцев. Если раньше они применяли кнут, то теперь в ходу был «пряник», т.е. политика «подкупа, раздачи подарков», будущего «почетного плена», рассчитанная на замирение горцев.

Безусловно, этот либерализм был обусловлен необходимостью покорения Дагестана любой ценой. И обусловлено это

---

<sup>1</sup> Там же. С. 178.

<sup>2</sup> Горшельт П. Альбом № 1. Походные рисунки Горшельта. С.Петербург, 1896. Альбом № 1.



*М. Горький.*

*"Пленение Шамиля"*







было, прежде всего, важнейшим военно-стратегическим значением для России, которое занимал Дагестан на Кавказе. «Потерять Дагестан – это все равно, что потерять весь Закавказский край, – писал командующий Кавказской Армией, генерал, кн. Орбелиани в своем письме к военному министру<sup>1</sup>.

Эта политика фельдмаршала А. Барятинского была введена после ознакомления его с политикой Франции в Алжире, где предводитель арабов Абдель-Кадер был «почетно» взят в плен<sup>2</sup>.

Еще в июне 1859 года проездом через Москву кн. Барятинский заказал у одного из лучших мастеров дорожный экипаж специально для Шамиля. И этот экипаж ждал своего хозяина в Темир-Хан-Шуре, чтобы сопровождать Шамиля из Гуниба в Петербург<sup>3</sup>. Эти настроения в среде военного командования нашли отражение в большой картине Горшельта «Пленный Шамиль перед кн. Барятинским»<sup>4</sup>.

Из всех полотен Т. Горшельта, по силе драматизма, пожалуй, эта лучшая его работа. За цикл живописных работ Горшельт был удостоен звания академика Петербургской Академии художеств.

Картина о пленении Шамиля произвела в Европе потрясающее впечатление. Искусствовед А. Прахов пишет о впечатлении, произведенном картиной Горшельта в Мюнхене в 1865 году, когда она уже закончена и выставлена на суд публики и критики. Он пишет «...Энергичным реализмом в замысле и исполнении, наивною, как бы летописной точностью и простотой в композиции эта картина поразила германских художников, знакомым тогда с реализмом только по картинам Пилота»<sup>5</sup>.

Следует заметить, что реализм в этой картине ощущается особенно в передаче портретных характеристик. В замысле самой картины художник с большим внутренним напряжением

---

<sup>1</sup> Зиссерман А.А. Указ. соч. М., 1888. Т. I. С. 350.

<sup>2</sup> Губаханова Ф.А. Изменение политики России в Дагестане после окончания Кавказской войны В сб. *Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х гг. XIX в. Махачкала, 1994. С. 153.*

<sup>3</sup> Зиссерман А.А. Указ. соч. Т. II. С. 208–209.

<sup>4</sup> Другое название картины «Пленение Шамиля 25 августа 1859 г.»

<sup>5</sup> Садовень А.А. Указ. соч. С. 177–178.

передает фигуры горцев. Поэтому-то эта картина производит потрясающее впечатление. В этой связи А. Прахов продолжает – «...После смерти Петера фон Гесса (он умер незадолго до этого) никому еще из новых художников не удавалось так захватить и приковать зрителя. Весь Мюнхен целую неделю стремился в мастерскую художника, где картина была выставлена в пользу общества вспоможения художникам, и газеты всех сортов и оттенков рассыпали безусловные похвалы автору... Но в этой картине художник был связан церемониалом и портретами, его реальный драматический гений развернулся еще могучее в последовавшей затем картине «Штурм Гуниба»<sup>1</sup>.

Сам момент пленения имама Шамиля вызвал интерес и многих художников, но преимущество Горшельта было в том, что он сам лично был свидетелем этой сцены и все лица, изображенные в этой картине были историческими.

Для того чтобы представить весь драматизм этой сцены, сцены финала многолетней изнурительной войны обратимся к документальным источникам, а именно к очевидцу этих событий Гаджи-Али из Чоха<sup>2</sup>.

Как известно, штурм Гуниба Бяратинский поручил барону Врангелю. Ему же он поручил вести переговоры о сдаче в плен Шамиля. Благонадежным для переговоров выбрали Алихана Аварского. Он подъехал на коне к Гунибу со стороны Хоточа и закричал «Эй, подойдите для мирных переговоров! Главнначальствующий очень милостив и сожалеет о ваших женах и детях, боясь, чтобы они не попали под ноги солдат»<sup>3</sup>.

Шамиль ответил, что завтра вышлет своего сына Кази-Магомеда, чтобы Алихан завтра приехал с Лазаревым и Даниель-Султаном к большому завалу, что у входа в Гуниб»<sup>4</sup>.

Встает вопрос, почему имам выбрал именно Лазарева?

Следует заметить, что он питал уважение к этому генералу, кроме того, Лазарев был армянином родом из Карабаха и

---

<sup>1</sup> Прахов А. Теодор Горшельт. Ж. «Пчела». 1877 г. С. 159.

<sup>2</sup> Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. Махачкала, 1990. С. 66.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же.

чисто знал кумыкский язык, который, как известно, близок к азербайджанскому.

Лазарев был назначен управляющим в Мехтулинское ханство, а затем в очень буйный Даргинский округ и стал управляющим Кази-Кумуха Царская администрация отмечала «широкую его популярность среди непокорных горцев». Он вызывал уважение у Шамиля, поэтому имам вызвал его на переговоры. И «желал говорить только с ним одним и только на него хотел положиться».

Сам Лазарев не колеблясь, без конвоя, отправился к Шамилю.

Через день Лазарев с Даниэль-Султаном и другими лицами по приказу Барятинского приехал и остановился у стены Гуниба, неподалеку от дома Мухамада Кудалинского. «Шамиль выслал к нему князя (Гаджи-Али) и своего сына Кази-Магомеда. Генерал Лазарев с присущей ему дипломатичностью старался уговорить Кази-Магомеда сдаться. Ген. Лазарев говорил: «Мы собирались сюда заключить мир, оставить вражду; сам Шамиль захочет отправиться в Мекку, но он будет отпущен с большими подарками от Императора» На что Кази-Магомед с присущей ему высокомерной манерой ответил: «Вы обманщики и мы вам не верим». Лазарев, не обращая внимания на это, вновь стал его уговаривать о сдаче. Свои слова генерал закрепил клятвой. Он просил передать Шамилю, что если тот решит отправиться в Мекку, то может взять с собой кого хочет, его проводят до границ Турции, дадут конвой лошадей и подарки. Если он не захочет ехать в Мекку, то пусть выберет место в Дагестане (но не на Гунибе) и там поселится»<sup>1</sup>.

На другой день после переговоров получено было письмо главнокомандующего с послами Курбан-Мухудади́л Бацадийским и Мухамадом Дженгутаевским. Шамиль не верил написанному и считал, что его хотят обмануть. Чтобы убедиться в истинности письма Шамиль отправил к русским хунзахского наиба Дебира и Чиркеевского Юнуса с письмом<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Характеристика ген. Лазарева. Путеводитель по Кавказскому Военно-Историческому Музею. Тифлис, 1913 г. С. 141–142.

<sup>2</sup> Гаджи-Али Указ. соч.

Переговоры порой заходили в тупик и Шамиль заявлял, обнажив саблю, что «он готов к бою». Русские, также начали осаду и двинули свои войска на Гуниб. Одни из самых храбрых мюридов кинулись на русских, но численный перевес сделал свое дело и все мюриды были убиты. В селении осталось всего 40 мужчин, даже женщины взяли оружие и приготовились к бою. Русские пушки били по аулу. Пули неслись как град, женщины и дети кричали. Но вдруг русские протрубили отбой и закричали нам отовсюду, что мы выслали надежных людей для переговоров».

«...Шамиль подошел к русскому лагерю, к генералу Кесслеру. У него отобрали оружие (шашку, ружье и пистолет). Оставив Кесслера и наше оружие в руках его переводчиков, которые так его и не вернули. В русском лагере был Даниель-Султан и с ним генерал барон Врангель. Навстречу им вышел генерал Лазарев. Барятинский принял посланцев очень вежливо, попросил пригласить к нему имама Шамиля<sup>1</sup>.

Но Шамиль и не думал сдаваться. Его долго уговаривали его сподвижники, друзья, сыновья, жены. Тогда, наконец, Шамиль решил сдаться. В сопровождении своих сподвижников он подъехал к барону Врангелю, поздоровался с ним и отправился к главнокомандующему.

Доехав до ставки главнокомандующего, Шамиль слез с лошади, здесь его взяли и представили Барятинскому. Вот этот момент запечатлен на картине Горшельта. «Вначале была мирная тишина. И вот показалась высокая, стройная фигура имама. Мужественное, красивое лицо, окаймленное большою окладистой бородой, было бледным как полотно, большая белая чалма придавала ему величественный вид», — так описывает эту сцену грузинский историк С. Эсадзе<sup>2</sup>. Далее он пишет: «Глаза имама блиставшие еще недавно жгучим огнем и наводившие страх на присутствующих были тусклы и выражали сильное душевное страдание... Солдаты не верили своим глазам. Минута была торжественной и войска от избытка чувств разразились громким

<sup>1</sup> Там же. С. 70–71

<sup>2</sup> Эсадзе С. Штурм Гуниба и пленение Шамиля. Исторический очерк кавказско-горской войны в Дагестане. Тифлис, 1909. С. 203.

«ура». Внезапный крик этот до того озадачил Шамиля, что он, растерявшись, быстро повернул назад к аулу, но полковник Лазарев убедил Шамиля, что это «ура» выражает радость и почет имаму. Тогда Шамиль вновь повернул... Князь Бяратинский дозволил Шамилю остаться при оружии, сказал ему, что он должен ехать в Петербург и там дожидаться своей участи и добавил при этом, что он ручается за личную безопасность Шамиля и его семьи, Шамиль ответил, что «мед, если его часто пить надоедает» и ему надоела тридцатилетняя война и что он рад покончить и жить мирно... Все это свершилось около трех часов полудня»<sup>1</sup>.

Обратимся к картине. В самом центре картины – фигура Шамиля. Художник изобразил Шамиля таким, каким его описывает С. Эсадзе. Он не безоружен, стоит, твердой рукой сжимая саблю. Поневоле вспоминаются его слова, сказанные во время штурма – «Сабля обнажена и рука готова». Чувствуется, что Шамиль напряжен, но нет страха, и ужаса на его лице. Оно спокойно и мужественно.

Лесли Бланч описывает эпизод, что в конце беседы с Бяратинским Шамиль вручил ему свою саблю, доказав этим, что сдается.

В 1918 году в период гражданской войны среди белогвардейцев сражался офицер кавалерийской гвардии. Во время битвы у железнодорожной линии Оренбург – Ташкент, офицер был ранен и попал в плен. Угрожая пистолетом, красный командир предложил ему сдать оружие.

Скрепя сердцем офицер сдал меч, чудесное дамасское оружие из коллекции его дедушки, которое подарил ему Бяратинский. Это был меч имама. Шамиля, который назывался «Сабля рая»<sup>2</sup>.

Композиционно картина Гершельта была построена так, что центром являлась фигура кн. Бяратинского. Он сидит на большом камне, на раскинутом красном плаще. Третья фигура, которая привлекает внимание – это русский офицер в походной

---

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> Бланч Лесли «Сабля рая». Лондон, 1960. Перевод Я. Давыдова. Переиздано. Махичкала, 1991. С. 30.

шинели. Таким художник изобразил командующего войсками по штурму Гуниба – барона Врангеля. Лицо барона уставшее, поза его слегка театральна. И все же в изображении Горшельта образ барона Врангеля выглядит более реалистичным, нежели другие русские офицеры.

Переводчик стоит спиной к зрителю, С. Эсадзе пишет о том, что переводчиком был полковник Лазарев<sup>1</sup>. Рядом с Барятинским – военный министр Д. Милютин, который отличился в отношении горцев тем, что предложил выселить всех поголовно горцев с Западного Кавказа, а на их место переселить казаков. Даже донской казачий атаман назвал эту меру «крайне жестокой», а еще позже после восстания 1877 года он требовал выселять горцев не в Новгородскую, и Псковскую области, а на территорию Восточной Сибири, где условия жизни были наиболее жестокими<sup>2</sup>. Здесь мы видим и генерала Евдокимова, генералов – Г. Орбелиани, Лорис-Меликова и других.

Кроме всех перечисленных исторических лиц Горшельт изобразил художника Г.Г. Гагарина. Он дан на первом плане. Своему коллеге Горшельт посвятил и отдельный портрет, который находится в Тифлисе. К тому времени Г. Гагарин, нарисовав целый цикл, посвященный событиям Кавказской войны, был избран вице-президентом Академии Художеств<sup>3</sup>. В группе офицеров художник нарисовал себя в белой черкеске, повернувшись спиной к происходящему.

Как описывает искусствовед А. Прахов, картина связана с церемониями и портретами<sup>4</sup>. Здесь много одинаково выписанных портретов, чувствуется, что Т. Горшельт очень заботился о портретном сходстве и поэтому левая часть картины, где помещены офицеры и примкнувшие к ним горцы выглядят бледно и невыразительно. Зато в правой части, где художник видимо меньше заботился о портретном сходстве больше жизни и реа-

---

<sup>1</sup> Эсадзе С. Указ. соч. С. 203.

<sup>2</sup> ФТВИА. Ф. 400. Оп. Лз. ч. Д. 102. Л. 1.

<sup>3</sup> Савинов А.Н. «Г.Г. Гагарин». М., 1954. С. 23.

<sup>4</sup> Прахов А.П. Горшельт. Ж. «Пчела». 1877. С. 159.

лизма. В правой части картины несколько горцев, рвущихся к имаму, но их останавливают солдаты.

Психологическим центром картины является фигура Шамиля и его мюридов. С большой симпатией и любовью выписана фигура мюрида Юнуса из с. Чиркей, затыкающего травой рану на руке. От этого мюрида исходит спокойствие, мужество и уверенность в себе, несмотря на то, что он находится в окружении вражеских сил. Такую уверенность выражают и остальные горцы в окружении Шамиля.

Левая сторона, где стоят русские солдаты, освещена ярко, а правая находится как бы в тени.

Тщательно выписанная и стройная левая часть картины олицетворяет большую, монархическую Россию, которой противопоставляется стихийное движение горцев.

Как бы продолжением этой темы является картина – «Возвращение кн. Барятинского после взятия Шамиля». Эта картина имеет вертикально-удлиненную форму. Здесь изображен кн. Барятинский, едущий на коне во главе его свиты по круглому горному склону вниз. Его приветствуют стоящие по обе стороны солдаты. Образ имама Шамиля как магнит притягивает к себе художников. Горшельт сразу после пленения Шамиля уже в Темир-Хан-Шуре сделал карандашный портрет имама. В письме к себе домой, в Мюнхен 28 сентября 1859 года, художник пишет, что у него уже есть готовый портрет Шамиля. «Нарисованный с натуры, но который очень не хорош, так как Шамиль в тот день был болен и не минуты не сидел спокойно. Видимо, в этот тяжелый для него день, когда он был вынужден прекратить многолетнюю войну и выйти к князю А.И. Барятинскому был переломным и тягостным»<sup>1</sup>.

В ноябре 1859 года Т. Горшельт посылает этот портрет домой и комментирует его: «... Вот великий человек, который так долго травил нас, но под конец все-таки промахнулся»<sup>2</sup>.

Необычен маршрут этого рисунка посланного почтой из Дагестана в Мюнхен. Несколько лет спустя он был куплен у вдовы Горшельта вместе с другими работами Александром III и

<sup>1</sup> Ж. «Пчела». 1977 г. Март.

<sup>2</sup> Там же.



был передан в Петербургскую Академию Художеств, а оттуда поступил в Русский Музей, где находится и поныне. Интересно то, что до того пока фотографии Шамиля были широко распространены по Кавказу, в России и Германии уже имели представление о достоверной внешности Шамиля с рисунков Горшельта. В этом рисунке раскрывается историзм портрета в первую очередь в самом выражении лица имама, в его манере держаться.

Портрет поражает исполнением и глубиной познания художником натуры<sup>1</sup>.

Будучи в Гунибе художник сделал рисунок сцены переговоров Шамиля с А. Барятинским. Этот рисунок и явился контуром будущего живописного полотна.

Образ Шамиля был созвучен идейным, творческим замыслам художника.

Целый ряд рисунков Т. Горшельта посвящен его командиру – генералу Ипполиту Александровичу Вревскому.

В Военно-Историческом Музее представлена целая серия картин-портретов царских военачальников. И к каждому из них представлен послужной список того или другого офицера.

О генерале М. Вревском сказано: «В 1858 году началось покорение Кавказа, кн. Барятинский, поручил ему лезгинский отряд для действия со стороны Лезгинской кордонной линии и каждый шаг барона Вревского ознаменовался новыми громкими успехами. Он проник в самые недра горных трущоб Дагестана, где покорил Анцух, разгромил Анкратль и Дидойское общество. Но здесь 26 августа 1858 года на штурме аула Китури, видя отчаянное сопротивление горцев, он сам повел колонну на приступ и получил две раны, одна пуля перебила ногу, другая разбила плечо.

Раны оказались смертельными и Вревский скончался 29 августа в Телави»<sup>2</sup>. Т. Горшельт, будучи в подчинении у генерала Вревского преклонялся перед ним и посвятил своему командиру картину, которая была выставлена в Военно-Историческом Музее. Картина носит название «Смерть барона Вревского».

---

<sup>1</sup> *Доного-Корқмас. Портреты Шамиля в Европе. Махачкала, 1990. С. 22.*

<sup>2</sup> *Путеводитель по Кавказскому Военно-Историческому музею. Тифлис, 1913. С. 106.*

В путеводителе к картинам Музея указано – «Художник Горшельт, сопровождавший в 1850–1860 гг. наши войска в экспедициях воспроизвел в целой серии своих художественных произведений отдельные эпизоды из Кавказской войны. К числу их принадлежит «Смерть барона Вревского»<sup>1</sup>.

На картине художника Горшельта изображен тот момент штурма Китури, когда раненного Вревского солдата под руки выводят из боя.

Небольшие картины художника посвящены той же тематике – походу в горах русских войск.

1. Поход наших войск через горы.
2. Переноска раненных в горах.
3. Тревога в горах.

В музее также представлен был большой портрет имама Шамиля. Интерес представляют комментарии к портрету Шамиля<sup>2</sup>:

«Шамиль по-арабски всеобъемлющий. Одно из 101 имени Бога имама Чечни и Дагестана, родился в 1834 году, после смерти Гамзат-бека принял почетное звание имама. Это был третий, последний имам мюридизма. Соединил в себе редкие качества воина и администратора, он создал в горах целое религиозно-политическое государство, устроил правильную администрацию, организовал военные силы, завел артиллерию, обложил подвластное ему население налогами и 25 лет боролся с могущественной Российской Империей, обращая на себя внимание Европы.

Наконец, 25 августа 1859 года, русские войска взяли Гуниб, последнее его убежище и плененный Шамиль отправлен был в Россию» и т.д.<sup>3</sup> Следует отметить тот факт, что в комментариях к картинам и рисункам, к портретам имама Шамиля и его сподвижников дана объективная оценка происходящих событий, личностным качествам горцев.

Это можно отнести и к личности наиба Шамиля – Хаджи-Мурад.

---

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> Там же. С. 107

<sup>3</sup> Путеводитель... Указ. соч. С. 112.

Вот комментарий, составленный к его портрету<sup>1</sup>:

«В ряду шамилевских наивов первое место по своей предприимчивости, отваге и военным талантам, бесспорно принадлежит Хаджи-Мураду, имя которого 12 лет гремело по всему Восточному Кавказу и напоминало собою все наши реляции... интриги и клевета преследовали Хаджи-Мурада... Слава Хаджи-Мурада начинала против самого Шамиля и заставила его искать случая схватить Хаджи-Мурада и предать его суду по шариату. Тогда Хаджи-Мурад снова передался русским, но вскоре опять бежал...».

Все рисунки Т. Горшельта можно разделить как-бы на рисунки двух родов. Во многих рисунках он стремился дать психологический портрет изображаемых героев. В других же рисунках автор стремится воспроизвести чисто внешнюю сторону, т.е. изобразить костюмы, их разнообразие, а также изображает костюмы русских офицеров русской армии.

Остановимся подробнее на рисунках Горшельта. Существует несколько альбомов с его рисунками. В альбоме № 1 помещены рисунки, изображающие барабанщика кабардинского полка, русского солдата в зимней походной одежде, солдата отряда генерала Вревского, лезгин (имеются в виду дагестанцы – Р.Г.) племени Асахо, чеченского наива и других. Особенно примечателен рисунок «Нукер со значком». Перед нами молодой горец, который одной рукой удерживает коня, другой рукой держит знамя. Сразу чувствуется, что Горшельт рисует с натуры. Другой рисунок «Горец на коне» представляет другой тип горца. Это уже пожилой человек, но внешность его передана вполне реалистично. Вообще портреты горцев художник изображает с симпатией, даже где-то любуясь ими. Особенно старательно он подчеркивает военную выправку, мужество, которым пронизан весь облик изображаемых воинов. Спокойный, сощуренный взгляд старого горца, в облике которого мудрость и ум.

В альбоме № 2 также много рисунков, в которых Горшельт передает своеобразие костюма. Здесь и милиционер грузинской дружины, милиционер – Тушин, рядовой севастополь-

---

<sup>1</sup> Там же.

ского полка и другие. Интересные зарисовки – «Кубанские казаки». Этот рисунок портретного характера. Горшельт старается передать индивидуальность каждого героя, один смотрит исподлобья, хмурый взгляд, другой казак более спокойный, ясное лицо с печальным взглядом. Среди рисунков, помещенных в шести альбомах есть несколько рисунков пейзажного характера (например, «Чеченский аул»), выполненные с большим мастерством.

В изображении горцев Горшельт далек от великодержавного шовинизма. Так, к примеру, рисунок «Тавлинец». Очень интересен рисунок – «Чеченские наибы». Перед нами горцы с совершенно различными характерами. Один из наибов – в огромной белой папахе, с пристальным взглядом, слегка лукавый, другой наиб полный, простодушный горец.

С большой силой реализма изобразил художник и русских солдат. В рисунке «Солдаты из отряда генерала Вревского» (1858 г.) мы видим простых русских солдат, скорее крестьян, переодетых в военную форму. Солдаты, видимо, изображены после длительного и изнурительного похода, одежда их грязная и помятая, лица уставшие, выражающие явное недовольство. Силой реализма этот рисунок очень отличается от остальных рисунков Горшельта. Заслуга его в том, что он обращает внимание не на парадность военной жизни, а на ее изнанку, отразил «серую солдатскую скотинку» (как писали некоторые царские генералы о простых русских солдатах, жизнь которых в расчет не принималась).

Кроме вышеперечисленных альбомов Горшельта в дагестанском историко-краеведческом музее хранится альбом рисунков художника, сделанный им в конце Кавказской войны в 1858–59 гг. Большинство из этих картин служат сюжетами для больших полотен. Так, эпизод военной жизни отражает рисунок «Возвращение линейных казаков с набега», другой рисунок «Осада аула Ведено. 1859 г.».

Сам по себе рисунок выполнен в стиле рисунков художника Тимма. Но если Тимм условно и схематично передает осаду того или иного укрепления и фигуры солдат как бы сливаются с пейзажем, то Горшельт старается передать индивидуальный характер каждого солдата в момент небольшого перерыва меж-

ду боем. Один солдат сидит и о чем-то глубоко задумался, второй пьет, третий лежит и греется на солнце.

Глубоким трагизмом и симпатией к горцам проникнут рисунок «Пленные лезгины». На поле под шатром сидит группа пленных дагестанцев. Среди них много женщин и детей. Тонко передана свежесть утра, легкий туман, тоненькие деревца и палатки, раскинутые до самых гор. Мрачный пейзаж как бы подчеркивает безысходность положения горцев. Об этом говорят и позы самих пленных, их поникшие плечи, опущенные головы.

В мрачно серо-черных тонах выполнен и рисунок «Бегство лезгинского наиба из разоренного аула», где мы видим измученных долгой, тяжелой войной людей. Эти темные тона очень характерны для большинства рисунков Горшельта, где он изображает горцев. Это и понятно. Ведь художник рисует уже конец войны, когда горцы были изнурены и измучены не только войной, но и голодом и лишениями.

О том, что в составе русских войск для подавления движения горцев была грузинская милиция говорит и рисунок под названием «Атака грузинской милиции при взятии аула Тлярота на Аварском Койсу в 1958 году».

О симпатиях Горшельта к потерпевшим поражение горцам говорит рисунок «Разорение лезгинского аула». Мы видим типичную улочку аула и на небольшой площадке группа горцев, наклонившихся над убитым товарищем. Лица их сосредоточены и полны горя. В этом же духе выполнена картина «Тревога в ауле», где весь пейзаж падающие камни, пыль как бы помогают основной идее.

Рисунки – «Переноска раненных в горах», «Мюриды Шамиля в походе» подчеркивают трудности ведения войны в условиях горного Дагестана. Узкие горные тропы, обрывистые скалы, пропасти значительно затруднявшие продвижение не только русских войск и представлявшие трудности для самих горцев. О тяжести военной, походной жизни говорит и рисунок «Движение отряда генерал-лейтенанта Евдокимова через горы к аулу Ведено, февраль 1859 г.» Весь рисунок проникнут духом пессимизма и упадка. По заснеженной дороге, через лес движется русское войско. Видно, что путь был трудным и долгим. На дороге лежит труп лошади и упавший от усталости солдат. Лоша-

ди, тянувшие тяжелую пушку, падают от усталости. Идее рисунка помогает и пейзаж. Черные тучи заволокли небо.

Следует отметить, что личность графа Евдокимова в русской армии считается героической. В военно-историческом музее хранились реликвии в память о нем. В характеристике личности самого графа отмечено: «...В 1845 году, будучи койсубулинским приставом, он во время возмущения койсубулинцев с ротой Апшеронского полка пошел в с. Унцукуль. В эту минуту, когда он обратился к народу с речью, один фанатик подкрался к нему сзади и пронзил его кинжалом. Несмотря на тяжкую рану, Евдокимов быстро повернулся назад, выхватил шашку и одним ударом зарубил горца пополам»<sup>1</sup>.

Альбом с фотографическими портретами сподвижников графа Евдокимова был поднесен графу 31 декабря 1864 года в Ставрополе, где собрались для этого депутаты от всех частей войск. В музее хранилась также печать с гербом графа Евдокимова. На гербе изображены: соха и борона как знаки происхождения графа, который был родом из простых крестьян. Ему также были вручены картины «Разрушенная башня» и «Черкес со знаменем» – свидетельство его военной бдительности. На этом гербе император Александр II собственноручно начертал девиз: «С боя»<sup>2</sup>.

Мы вкратце остановились на характеристике картин Т. Горшельта.

Что же касается его живописных полотен, то наряду с Ф. Рубо он считается непревзойденным мастером, отобразившим события Кавказской войны. Одной из лучших его картин – это картина «Штурм Гуниба», картина хранится в Курском краеведческом музее<sup>3</sup>. В нашем музее (краеведческом), хранится литография с этой картины. Конечно, было бы неплохо, если бы эта картина была передана в дагестанский музей. Мы надеемся, что когда-нибудь будет открыт отдельный музей, посвященный со-

---

<sup>1</sup> *Путеводитель по Кавказскому Военно-Историческому Музею. Тифлис, 1913.*  
С. 116–117.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Садовень В. В. *Указ. соч.* С. 178.

бытиям Кавказской войны, где эта картина заняла бы достойное место.

Картина «Штурм Гуниба» была закончена художником в 1867 году. Выставлена она была на международной выставке в Париже и была удостоена большой золотой медали.

В отличие от картины Грузинского, где действие происходит в самом укреплении, у Горшельта показана битва за Гуниб на подступах к нему. Искусствовед В.В. Садовень так описывает картину: «Картина Горшельта изображает момент жаркой схватки на тесной горной площадке над нависшем утесе... Русская пехота неудержимо рвется вперед, преодолевая ожесточенно сопротивление мюридов, сгрудившихся нестройной массой. Один из них высоко поднял знамя газавата. Другой поднял руки, держа в одной из них кривую саблю. Небольшая группа мюридов закрепилась и ружейным огнем в упор пытается остановить натиск русских бойцов.

Русская пехота наступает в центре из глубины. Впереди выделен светом русский солдат в белой рубахе и в фуражке, бегающий вперед на отступающих перед ним мюридов. Эта центральная фигура русского солдата написана художником с большой простотой и теплотой... В этой картине необходимо отметить еще одну особенность: дано впечатление горячей схватки, но ни крови, ни каких-либо внешних «ужасов» в картине нет, правда на первом плане изображено несколько убитых и раненых в достаточно реальных и драматических позах, но сделано очень скупое и сдержанное. В целом картина Горшельта по своему образному строю лежит в русло реалистической живописи, характерной для русского и европейского искусства уже второй половины XIX века и является одним из лучших произведений батальной живописи этого рода. Думается, что реализм батальных произведений Горшельта, так поразивший в свое время мюнхенскую художественную общественность и доставлявший ему успех в Париже, явился в значительной степени результатом пребывания его в России»<sup>1</sup>.

События, описанные в картине, представлены во всех исторических сочинениях, как дагестанских хроникеров Кавказ-

---

<sup>1</sup> Садовень В.В. Указ. соч. С. 178.

ской войны, так и документальным материализмом, представленным русским командованием.

К лету 1859 года силы горцев значительно ослабли. Народ был измучен длившейся 25 лет войной. «Настали неурожаи и разные болезни постигли народ, — пишет Гаджи-Али Чохский. — Клянусь богом, горцы иногда по десяти дней и более принуждены были от голода есть траву и не смотря на такое свое положение, они повиновались Шамилю»<sup>1</sup>. Росло бесчинство наибов, из-за укрепления кордонных линий перестало поступать оружие и продовольствие.

А Россия, после окончания Крымской войны перебросила сюда свои основные военные силы.

«Все вилайяты Чечни одним за другим попали под власть русских и никто не ушел с имамом»<sup>2</sup>.

После занятия армии под командованием кн. Аргутинского Аргунского ущелья, действительно Большая и Малая Чечня изъявили покорность русскому правительству. Ген.-лейтенант Евдокимов переселил чеченцев на плоскость.

С 22 июня по 30 августа ген. Врангель, который был назначен командующим войсками в Прикаспийском крае, занял Гумбет, разорил сорок аулов, взял три каменных укрепления и был смертельно ранен при штурме Китурн.

Со стороны лезгинской кордонной линии барон Вревский довел непокорные соседние племена до совершенного разорения.

Первого апреля: пало Ведено к там не осталось ни одного человека<sup>3</sup>.

В августе 1859 года кн. Барятинский, который был и Наместником Кавказа и главнокомандующим войсками на Кавказе предпринял решительную попытку наступления вглубь Дагестана. Народ и даже самые преданные наибы приняли русское подданство. «И не осталось никакой крепости, кроме тех, кто

<sup>1</sup> Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. Махачкала, 1990. С. 75.

<sup>2</sup> Хроника Мухаммед-Шахира ал-Карахи «О дагестанских войнах в период Шамиля». Махачкала, 1998. С. 243.

<sup>3</sup> Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк. СПб., 1889. С. 85.



сдался русским»<sup>1</sup>. В руках у русских оказались ранее неприступные шамильские крепости – Ириб, Чох, Уллукане. Шамиль видел своих вернейших помощников в конвое Главнокомандующего. Укрепления, подвластные Даниель-Султану сдались без боя, а сам он сняв с себя оружие представился Главнокомандующему (Барятинскому – Р.Г.) для изъявления покорности и получения полного прощения<sup>2</sup>.

Все жители аулов по Андийскому Койсу, равно жители Ашильты, население Аварии, аула Гоцатли приветствовали Главнокомандующего. Поездка по горной части Аварии сопровождалась раздачей подарков, денег обедневшему народу. Биограф кн. Барятинского А.Л. Зиссерман так описывает этот процесс. «Заботливость князя Барятинского доходила до подробностей. Так, проезжая часть края, соседние с шамилевскими владениями, он обращал внимание на разговор с жителями, иногда сам выбирал для них подарки из экстраординарных вещей, иногда даже сам лично их раздавал или выбрасывал золотые или серебряные монеты»<sup>3</sup>. Далее сам биограф командующего отмечает, что сам он не разделяет эту «форму общения» с горцами. И все же, несмотря на это – «разбрасываем денег мы занимались часто», – пишет он дальше.

«При проезде через покоренные аулы бросались в народ походным казначеем «адъютантами золотые или серебряные монеты. Эта совершенно лишняя трата денег и вовсе не соответствующая духу горцев ничего общего с восточным миром (вроде Персии и Индии) не имеющих. Вспоминаю этот проезд князя и не могу забыть впечатления, произведенного на меня жителями аула Ашильта. Они не только не спешили поднимать бросаемые новые рублевики, но, плюнув, отворачивались и скрывались в сакли. Я указывал на это казначею Булатову<sup>4</sup>.

Несмотря ни на что, свита А. Барятинского, в которую кроме военного министра Д. Милютина вошли все ведущие генералы русской армии к середине августа приблизилась к Гуни-

<sup>1</sup> Мухаммед-Шахир ал-Карахи. Указ. соч. С. 247.

<sup>2</sup> Шамиль на Кавказе и в России... С. 86.

<sup>3</sup> Зиссерман А.А. Фельдмаршал кн. А.Н. Барятинский. Т. III. М., 1891. С. 285.

<sup>4</sup> Зиссерман А.А. Указ. соч. Т. II. С. 456–457.

бу<sup>1</sup>. 18 августа он переправился через Койсу и прибыл в селение Чох, построенный с значительным искусством и поднялся на Кегерские высоты. Увидев это, Шамиль покинул свои укрепления и поднялся на гору Гуниб с находящимися с ним верными ему людьми. С собой Шамиль взял на шести лошадях золото и серебро, на каждой ценности по четыре тысячи рублей, на одной лошади драгоценности; на семнадцати лошадях книги, на трех ружья; на трех шашки и пистолеты, кинжалы и панцири, на сорока лошадях платья жен, сукна и пр.<sup>2</sup>

«Слава великому!», – пишет Мухаммад Тахир ал-Карахи – как многочисленно то, что собрал имам и что собралось у него в течение десяти лет из наличной казны и драгоценных богатств»<sup>3</sup>.

Даже все хроникеры отмечают, что «по приезде в Гуниб из всего богатства имама у него не осталось ничего кроме оружия, которое было у него в руках и лошади, на которой он сидел, по дороге его совершенно ограбили.

Укрепившись на Гунибе, Шамиль собрал гунибских жителей, всего нам было около четырехсот человек при четырех орудиях<sup>4</sup>. Все силы были приложены, чтобы сделать крепость неприступной. Были взорваны скалы, где представлялась хоть малейшая возможность взобраться вверх, загорожены все тропинки, ведущие от Кара-Койсу и Хинды толстыми стенками, башнями, двух и трехъярусными постройками, прокопаны рвы, заготовлены огромные кучи камней для скатывания на атакующих. Даже женщины, вооружившись, были готовы к бою.

При штурме Гуниба царское командование особо отметило заслуги ген. Евдокимова. Царь наградил его графским титулом. Наши горцы называли его «Уч гез» (трехглазый), т.к. на лбу у него был глубокий шрам от пулевой раны.

Гунибскую крепость упорно защищали. У самих гунибских ворот смертью храбрых пали 200 молодых горцев. Вечная

<sup>1</sup> Мухаммед Тахир ал-Карахи... Указ. соч. С. 249.

<sup>2</sup> Шамиль на Кавказе и в России... Указ. соч. С. 89.

<sup>3</sup> Мухаммед Тахир ал-Карахи. Указ. соч. С. 246.

<sup>4</sup> Военный сборник, III. Ч. СПб., 1866.

им слава! Наверное, нашим современникам следовало бы увековечить их память хотя бы мемориальной доской.

Кибит-Магома, бывший верный наиб имамата предал его и перешел на сторону русских и через четыре дня руководил осадой аула Телетль. «Сам Бяратинский был приглашен на обед в дом предателя»<sup>1</sup>.

Артиллерия русский была по крепости Гуниб непрерывно, снарядом была пробита стена, через которую в Гуниб ворвались солдаты Апшеронского и Кюринского полков. Этот момент осады и был отражен в известной картине Т. Горшельта «Штурм аула Гуниб».

Безусловно, силы были неравные. Если у Шамиля вместе с сподвижниками было 400 человек, то царская армия насчитывала 226 тыс. человек (солдат и офицеров) и 226 орудий.

Гаджи-Али пишет об этом времени: «В это время Дагестан сделался как вдоль разрезанное брюхо, в котором показались все кишки и внутренности»<sup>2</sup>. Трагическая развязка была близка. И при всем при этом А.И. Бяратинский отдал приказ по всей армии – не трогать имама. Биограф фельдмаршала А.Л. Зиссерман так пишет об этом: «Бяратинский опасался, что во время штурма Гуниба Шамиль будет убит, а он нам нужен живой, сдавшийся убитый он послужил бы предметом вечного поклонения... создалась бы легенда как о Кази-Мулле, найденном будто бы державшим правой рукой бороду, «что означает прямой путь в небо»<sup>3</sup>. Кроме того, были предприняты все меры, чтобы предотвратить бегство имама с Гуниба.

Но Шамиль и не думал убегать. Его сопровождали лишь несколько верных ему наибов – андийский наиб Дебир, хунзахский Дебир, согратлинский Нур-Мухамад и несколько приближенных<sup>4</sup>. Гаджи-Али был с имамом до самой последней его сдачи в плен и поэтому его повествование мне кажется наиболее приближенным к той трагической обстановки, которая была в

---

<sup>1</sup> Десли Бланш. *Сабли рая*. Лондон, 1960. Перевод А. Давыдова. Переиздано. *Махачкала*, 1991. М. 86.

<sup>2</sup> Гаджи-Али. *Указ. соч.* С. 61.

<sup>3</sup> Зиссерман А.А. *Указ. соч. М., 1890. Т. II. С. 283.*

<sup>4</sup> Гаджи-Али. *Указ. соч.* С. 65.

Гунибе в те дни. «Шамиль опечалился и впал в раздумье, потом продекламировал следующие строчки арабского поэта: «У меня были братья, которых я считал панцирями. Но вот они стали моими врагами. Я считал их за меткие стрелы. Да! Они были таковы, но только теперь они в моем сердце»<sup>1</sup>.

Шамиль очень опасался того, что расправа над горцами со стороны русского командования будет жестокой. Он говорил: «Ей богу, если бы я доверял русским, то непременно теперь помирился бы с ними, чтобы они дозволили мне уехать в Мекку, чтобы посмотреть потом на горцев, как они будут раскаиваться, когда начнут вертеть на их головах жернова мук и наказаний, когда их начнут брать в солдаты и заставят платить за все потерянное русскими Казии-Мухаммада, Гамзат-бека и мое время до сего дня. Нет сомнения, что это истина и горцы об этом думают»<sup>2</sup>.

Но мудрый имам на сей раз ошибся. Фельдмаршал избрал другой метод пленения, что на самом деле явилось не столько апофеозом «победителю, льву Кавказа», а горцу, который стоит в центре картины, в невзрачной черкеске с белой чалмой, полный благородства и внутренней силы и без тени страха перед шикарной, стройной, колонной генералов и офицеров царской России, стоит не как пленник, а как герой.

Недаром многие искусствоведы отнесли картины «Пленение Шамиля» и «Штурм Гуниба» к лучшим достижениям демократического направления искусства того времени.

Из Мюнхена картины были привезены в Петербург, откуда в Царское село, где временно экспонировались в Серебряном зале во дворце. Затем «Пленение Шамиля» заняло свое постоянное место в имении Барятинских, но после революции оно передано в Дагестан и находится в экспозиции Объединенного историко-архитектурного музея в Махачкале.

Судьба Шамиля после пленения общеизвестна. Его с почетом отвезли в Петербург, где он был принят царем. Царь ус-

---

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> Там же.

покоил Шамиля, сказав, что тот не пожалеет, покорившись России<sup>1</sup>.

Военный министр Д.А. Милютин пишет: «Государь и все семейство царя оказало ему большое внимание». Шамиль вместе с сыновьями участвовал даже в торжествах в доме Романовых. Он принес присягу на подданство России вместе со своими сыновьями и старается и словом и делом выразить свою признательность за оказанное ему государем милости<sup>2</sup>.

Для содержания его семьи было отпущено казной 10 тыс. рублей в год по 2500 руб. каждые три месяца. В дальнейшем пенсия Шамиля была, увеличена на 5 тыс. руб. в год. Правительство взяло на себя расходы на поездку его в Мекку в 1871 году.

Фельдмаршал кн. Барятинский за пленение Шамиля и покорение Дагестана получил от царя награду – орден Святого Георгия 2-го класса. Вскоре тяжелая болезнь заставила его навсегда покинуть Кавказ. Он поселился в своем имении – Марьино, где создал прекрасный музей из реликвий Кавказской войны. Здесь были собраны редкие вещи – сабля Шамиля, богатое кавказское оружие, ордена Шамиля, а также картины Горшельта, Рубо, Айвазовского и других известных художников. После революции музей был национализирован и многие его экспонаты (напр., медали Шамиля) попали в Дагестан.

Последние годы жизни А.И. Барятинского прошли за границей. Он умер по роковому совпадению в один год с имамом Шамилем в 1871 году

Умер Т. Горшельт также в один год со своими героями в 1871 году у себя на родине в Германии, в Мюнхене.

---

<sup>1</sup> Зиссерман А.А. Указ. соч. СПб., 1891. Т. III. С. 331–346.

<sup>2</sup> Зиссерман А.А. Указ. соч. (Письма Д. Милютина к А.И. Барятинскому от 11 декабря 1866 г.) СПб., 1891. Т. III. С. 330.

### § 3. Кавказская война в творчестве Ф. Рубо

На стыке двух живописных культур европейской школы живописи и русской расцвело творчество известного художника-баталиста Франца Рубо.

Вся искусствоведческая литература считает этого художника представителем русской культуры, однако, учитывая, что учеба его прошла на Западе, влияние западно-европейской школы живописи было налицо.

Франц Рубо, по происхождению француз, родился в г. Одессе в 1856 году. С девяти лет он был определен в городскую рисовальную школу. Обнаружившиеся во время учения способности, утвердили его в желании стать художником. Молодой Рубо понимал необходимость серьезной профессиональной подготовки. Однако отъезд родных заставил двадцатилетнего юношу переехать вместе с ними в Мюнхен, где Рубо продолжает учиться живописи и где он успешно заканчивает Баварскую Академию художеств по классу профессора И. Брандта.

Живя и участь в Германии, Ф. Рубо никогда не терял связь с Россией. Ему были близки российские проблемы. Позже он писал: «Я родился и жил более 22-х лет в России, где получил свое образование... меня можно считать русским художником»<sup>1</sup>.

Живя в Германии Ф. Рубо познакомился с дагестанским художником Халилбеком Мусаевым, который (до этого целый ряд своих рисунков посвятил событиям Кавказской войны). Возможно прогрессивно-демократические взгляды Х. Мусаева повлияли и на отношение Ф. Рубо к освободительной борьбе горцев Чечни и Дагестана и это он воплотил в своих полотнах.

Годы учения художник совмещает с накоплением разнообразных жизненных впечатлений и знаний, так необходимых художнику-профессионалу. Увлечшись батальной живописью и имея достаточную информацию о закончившейся к тому времени Кавказской войне, Ф. Рубо каждый год, летом

<sup>1</sup> Халаминский Ю. Франц Алексеевич Рубо. М., 1952. С. 5.

из Мюнхена едет в Дагестан, знакомится с местностью, где происходили военные действия; он подробно изучает обстановку достопримечательных сражений, делает этюды природы, наблюдает жизнь, нравы и обычаи горцев Дагестана. Накопленный за лето материал служит молодому художнику исходным и направляющим материалом для работы зимой в его мастерской, в Мюнхене.

После окончания войны ему приходилось по крупицам собирать материалы, для этого он долго расспрашивал местных жителей в Унцукуле, Ашильта как они воевали. Его интересовали самые малейшие детали достопримечательных сражений. На основании многочисленного собранного материала он пишет замечательную по своей и фактической и эмоциональной значимости картину; а затем и огромную панораму «Штурм аула Ахульго».

Впоследствии панорама выставлялась в Мюнхене, а затем в Париже и принесла художнику всемирную известность. За эту работу Ф. Рубо Баварская Академия художеств избрала его своим профессором<sup>1</sup>.

Возрастающая слава Ф. Рубо как художника-баталиста послужила основанием для заказа ему ряда картин из истории Кавказской войны.

Разумеется, что, заказывая подобные полотна, заказчиков интересовало только одно – слава и победа русского оружия. В этом отношении значительный заказ художнику был сделан Кавказским Военно-Историческим Музеем.

По заказу Военно-Исторического Музея и была написана целая серия художественных полотен, посвященных теме Кавказской войны. Как эскиз к большой панораме была написана картина «Штурм аула Ахульго».

Картина Рубо изображает аул Ахульго. На первом плане возвышаются крупные утесы, прорезанные узким глубоким ущельем. Вверху налево за ущельем, виден аул с его саклями, стенами и башнями. Справа русская пехота, перебегая по переброшенному через пропасть шаткому мосту, врывается в аул. На мосту впереди наступающих офицер со знаменем.

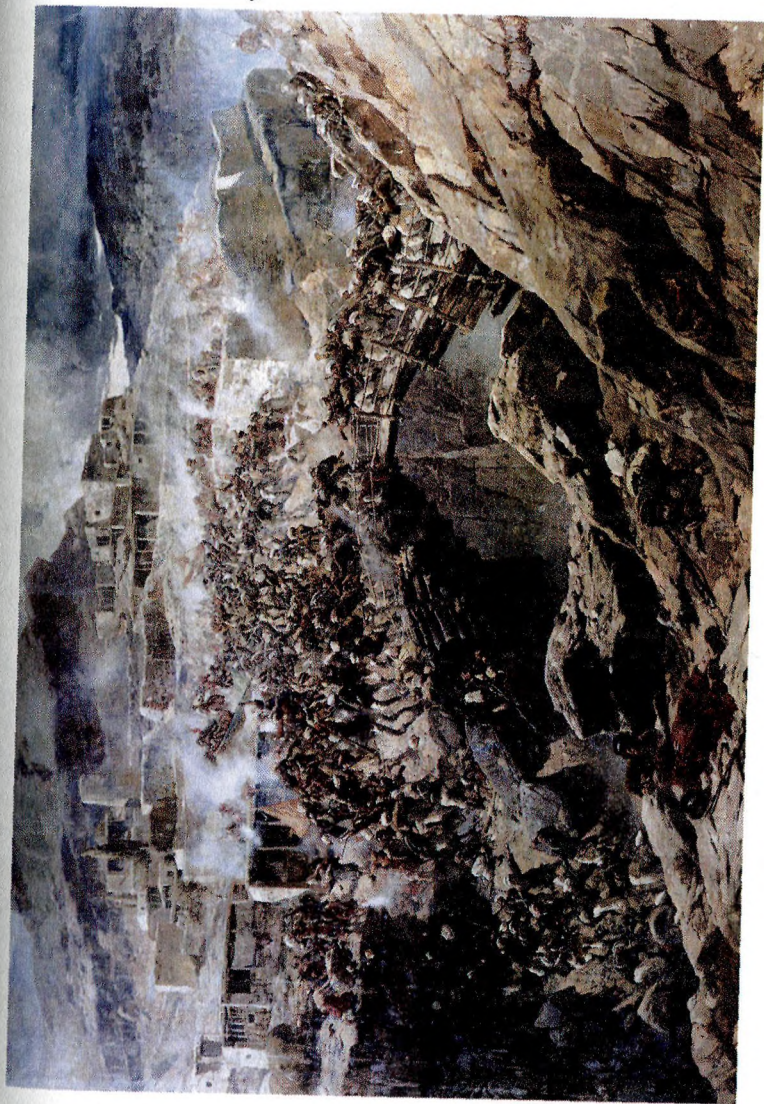
---

<sup>1</sup> Там же.



Франц Рубо.

«Штурм Асылого»







Один из солдат падает в пропасть, выронив из рук ружье. Остро охвачено движение и поза падающего спиной вниз человека, протянувшего вперед руки. Ружье падает рядом с ним, как бы на мгновение, повиснув в воздухе. Слева по ту сторону ущелья, другой русский отряд – штурмует аул, взбираясь почти на отвесную скалу. В ауле идет ожесточенный бой. С мастерством изобразил художник горцев, стреляющих с крыши саклей, женщин сбрасывающих на солдат огромные камни. В гуще схватки выделяется старик. Глубже видны опустевшие сакли и башни, задний план составляют горы и облачное небо. На первом плане несколько убитых и раненых.

Так, Рубо даже связанный официальными заказами сумел понять характер сражения. Художник изобразил действительно героически сражающийся народ, защищающий свои очаги и свою свободу. Это делает честь художнику, который сумел отразить трагизм ситуации. В какой-то степени он предвосхищает Л.Н. Толстого, который в повести «Хаджи-Мурад» дал картину разгрома аула солдатами.

Битва за Ахульго одна из самых героических страниц в истории народов Дагестана. Это страницы трагедии двух народов, как русского, так и дагестанского, что очень правдиво отразил художник.

Многочисленный документальный материал, дошедший к нам после событий Кавказской войны, свидетельствует о тех событиях, которые предшествовали штурму Ахульго.

К 1839 году движение горцев все ширилось и ширилось. Восстанием оказались охвачены Койсубу, Салатавия, Гумбет, Анди и примыкающие к Дагестану районы Чечни. Движение, по словам генерала П. Граббе, «получило необыкновенно обширное развитие... Шамиль сделался полным хозяином всех средств предоставляемых краем для противодействия правительству»<sup>1</sup>.

В то же время на берегу Андийского Койсу в скалистых горах близ Ахульго Шамиль устроил большие завалы, соеди-

<sup>1</sup> История народов Северного Кавказа. III. II. Конец XVIII–1917 г. М. 1988. С. 147.

нил их крытыми ходами, укрепляя это искусственное сооружение с большой тщательностью «...которые сделали честь и не лезгинскому инженеру...», – писал далее генерал Граббе.

В это время царское командование предприняло двустороннее наступление на Дагестан. Генерал Головин «усмирил» Южный Дагестан, а генерал Граббе, пройдя Ичкеррию с боем взял сел. Ашильта и Чирката и обложил крепость Ахульго.

Генерал писал: «Не сомневаюсь, что настоящая экспедиция не только поведет к успокоению края, где проводились военные действия, но отразится далеко в горах Кавказа и что впечатление штурма и взятие Ахульго надолго не изгладится из умов горцев и будет передаваемо одним поколением другому. Партия Шамиля истреблена до основания, но это только частный результат, гораздо важнейшим считаю и нравственное влияние произведенное над горцами»<sup>1</sup>.

Дальнейшие события Кавказской войны наглядно продемонстрировали неосведомленность и некомпетентность генерала. Методы устрашения и угроз, карательные экспедиции, сожжение аулов, уничтожение населения горного Дагестана наглядно продемонстрировали рост массового сопротивления горцев, которое перерастало в настоящую войну. Это явление можно было объяснить особым горским менталитетом, которому чужды страх, а насилие рождает только сопротивление. Этот небезинтереснейший факт очень удачно подметил главнокомандующий Кавказской Армией кн. Г. Орбелиани. В одном из своих рапортов военному министру Д. Милютину в ноябре 1863 года он пишет: «Кровавые примеры смертной казни действуют на горцев совершенно иначе, нежели на других жителей, они их не пугают, а озлобляют, семейство казненных и все близкие им люди делаются почти навсегда непримиримыми врагами нашими на всю жизнь»<sup>2</sup>.

Вернемся к историческим событиям – осаде Ахульго.

Мы приводили документальный материал в подтверждении о достоверности представленных в картине событиях.

---

<sup>1</sup> Там же. С. 147.

<sup>2</sup> ДКАК, III. XI. С. 1247.

*Спарус Рудо.*

*"Кмо кмо"*



**Электронная библиотека  
Института истории,  
археологии и этнографии  
Дагестанского ИЦ РАН**



**instituteofhistory.ru**



т.к. неоднократно по адресу художника слышны были голоса, осуждающие наличие жестоких батальных сцен. А материалы подтверждают именно жестокость и насилие, гибель людей, кровавые сцены. Вот как описывает битву за Ахульго хроникер Кавказской войны Мухаммед-Тахир ал-Карахи.

«... До событий произошел бой у с. Карата, где царские войска вынуждены отступить, так как горцы героически защищали аул». Это Сулейман из Чиркея, Тамачалав из Мехельта, Хаджи Хамихиль Хусейн из Чиркея и другие.

12-ти тысячное войско окружило Ахульго. 3 раза отражали атаку царских войск плохо вооруженные горцы. «Затем русские открыли сильный оружейный и пушечный огонь по месту расположения имама и его войск. Большое войско шло, карабкаясь на руках и ногах, преодолевая устроенные Шамилем завалы. Рассказывают, что они клали своих убитых одного на другого для того, чтобы подняться на эти преграды и завалы.

... Каждому русскому солдату затыкали уши воском, чтобы они не слышали грохота оружия... Некоторые из них, уклонялись от битвы и спустились в ущелье, а враг избивал из сзади. Они (русские) понесли многочисленный урон. Другие от отчаяния сами бросались с горы в ущелье. Остальные были перебиты при отступлении»<sup>1</sup>.

Таким образом, хроникер Кавказской войны, несмотря на то что перед ним противник, рисует тяготы русского солдата. Как пишет об этом наш соотечественник, поэт Расул Гамзатов:

«Под непрерывный грохот барабана  
В угаре рукопашной кутерьмы  
Перемешалась кровушка Ивана  
С такой же точно кровью Магомы».

Число сподвижников Шамиля составило всего 500 человек, русские войска насчитывали 12 тыс. человек. Гора была осаждена со всех сторон. Среди мюридов в результате дли-

<sup>1</sup> Хроника Мухаммед-Шахира ал-Карахи. «Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах». Махачкала, 1990. Перевод Барабинова. С. 68.

тельной осады закончилась питьевая вода, закончилось довольствие, но никто не заговаривал о капитуляции.

Несколько раз пытались царские войска подойти к горе, то придумали деревянный навес, го горящую корзину опускали по горе, но горцы мужественно отражали нападение.

Постоянно грохотала артиллерия. У русских было 24 пушки. Мухаммед ал-Карахи образно пишет: «Гора Ахульго качалась, они стреляли по ней... Находящиеся в Ахульго не спали ни днем ни ночью и не имели покоя днем. Каждую ночь они копали подземные убежища и делали завалы на окраинах для того, чтобы укрепиться за ними в течение дня. Но пушечные снаряды ежедневно эти укрепления уничтожали.

Так продолжалось около трех месяцев<sup>1</sup>...

Бедствия осажденных были нестерпимыми... Силы врага увеличивались, а герои гибли смертью праведников, силы их падали. Каждую ночь они набирали воду только ценой человеческих жизней.

Чудом на помощь осажденным, ночью по отвесной скале поднялась группа горцев из Чиркея во главе с Амир-ханом. Верные сподвижники имама – Ахверды-Магома, Алибек, дядя Шамиля – Барты-хан стояли насмерть рядом со своим имамом. Но силы явно были неравные, перевес царских войск и их артиллерии был налицо».

Истинный героизм в те дни проявили дагестанские женщины. Многие из них одели мужскую одежду и сражались рядом с мужьями и сыновьями. Когда отчаявшиеся мужчины уже стали отступать женщины, подняв над головами своих детей, остановили их.

В страшный день, когда солдаты вступили в старое Ахульго и началась рукопашная резня, многие женщины, в том числе и сестра Шамиля Патимат закрыв лицо платком, вместе с младенцем бросились в буйную Койсу, не желая сдаваться врагу. Наверное, наши потомки оценят по достоинству подвиг женщин-горянок в Ахульго, им будут воздвигнуты монументы, сложены поэмы и песни, ибо это одна из ярчайших страниц героизма наших горянок, наряду с подвигами

---

<sup>1</sup> Мухаммед Шахир ал-Карахи. Указ. соч. С. 70.

Парту-Патима, Анхиль-Марин и многих других, именами которых может гордиться наша дагестанская земля.

Мухаммед Тахир ал-Карахи описывает момент выдачи в аманаты сына Шамиля Джамалутдина. Но и это не спасло осажденных горцев. Чудом удалось спастись Шамилю с небольшой группой мюридов. Они спустились вниз по отвесной скале.

Русские войска потеряли в Ахульго до 23 тыс. человек, — пишет хроникер. — Из сподвижников Шамиля в Ахульго пало 300 человек. Наиболее известные из них — Муртади-Али из Чирката, а из руководителей и ученых пали — мухаджир Алибек из Хунзаха, ученый Барти-хан, дядя по отцу Шамиля, ученый Сурхай из с. Коло, непоколебимый Хази из Чирката, храбрец Баляль Мухаммед из Ригуни (про него рассказывают, что он в один из дней убил сотню врагов и обессиленный остался в их руках). Храбрец Мухаммед Султан из Ригуни, два брата из Ирганая Хусейн бек Хирак и Мухаммед бек Хан, молодой ученый Мухаммед (племянник первого имама Гази-Магомеда). Осман из Балахани, Ибрагим ал-Хусейн из Гимры, Усавл из Харадариха, Али-хан Харахи, Алигуль Хусейн и Сааду из Орота и многие другие<sup>1</sup>. Около 700 человек попали в плен. Страницы обороны укрепления Ахульго стали ярчайшими страницами истории дагестанского народа, такими же как разгром Надир-шаха, и борьба против арабов и татаро-монгол. Крепость была взята, за участие в этом «славном походе» в Петербурге был учрежден орден. Но эта была «пиррова победа царских войск». Горцы извлекли урок из этого «поражения», если это можно было так назвать. Осажденные со всех сторон, с запрещением торговли, лишены продовольствия, не имея почти никакого вооружения, без внешней помощи, изнывая от жажды, люди боролись, проявляя чудеса героизма. Стало понятно, что Шамилю с его мюридами следовало переходить в наступление против многочисленной и хорошо вооруженной и обученной армии.

Пример Ахульго убедил Шамиля и его соратников, что строительство подобных сооружений в условиях гор. без ак-

<sup>1</sup> Мухаммед-Шахира ал-Карахи. Указ. соч. С. 84.



тивной поддержки извне нецелесообразно<sup>1</sup>. Изменилась тактика ведения войны. Позже горцы действовали малыми, мобильными отрядами. Это было началом «блистательной эпохи» Шамиля, началом мощного антиколониального и антифеодального движения. После Ахульго начинает формироваться полководческий талант Шамиля, умение его вести войну в горных условиях. Отметив важность битвы при Ахульго, значение ее в истории дагестанского народа, вернемся к творчеству Франца Рубо, так правдиво изобразившего героические страницы.

Работа Рубо над темами по истории Кавказской войны завершается грандиозной панорамой «Штурм аула Ахульго».

В 1896 году панорама «Штурм аула Ахульго», привлекающая всеобщее внимание, демонстрировалась на Всероссийской художественной и промышленной выставке в Нижнем Новгороде. Здание панорамы, построенное архитектором В.В. Мине и представляющее ротонду с прямоугольным входным поджимом, окаймленное колоннадой и накрытое огромным куполом помещалось на видном месте рядом с главным входом на выставку, неподалеку от Художественного отдела.

Панорама посвящена борьбе русских войск за овладение горы Ахульго и по утверждению самого Ф. Рубо отражает события 22 августа 1839 года. Аул Ашильта и гора Ахульго самой природой был превращен в неприступную крепость. Его каменные строения располагались на скалистой террасе, с трех сторон круто обрывается к реке, петлей огибающей горы. Река Койсу, пробившая скалы, глубоким ущельем, разрежала аул на две части. Старое и Новое Ахульго. Через Койсу перекинут шаткий, связанный из бревен мост. Единственный вход в ущелье прикрывает высокая скала, укрепленная Сурхаева башня. В этой природной крепости и укрылся Шамиль.

Зритель, обозревающий панораму находится как бы среди домов Старого Ахульго на плоской крыше сторожевой башни. Кругом поднимаются покрытые снегом горы Дагестана. Скучная зелень только местами одевает дикие и пустынные скалы. Огромные глыбы льда нависают над пропастью. А

<sup>1</sup> Шигабудинов Д.М. Ахульго. Махачкала, 1992. С. 112.

над всем этим ясное голубое небо с бегущими редкими облаками и снежные выси гор, уходящие далеко-далеко.

Вокруг кипит жестокий бой, солдаты Кюринского и Апшеронского полков ворвались в узкие улочки аула и сошлись в рукопашную с отчаянно защищающимися горцами-сторонниками Шамиля. На каждом перекрытии, возле каждой отдельной сакли вспыхивают кровавые схватки.

Прямо против зрителя — деревянный мост в Новое Ахульго. Возле него решается судьба сражения. Не успевшие отойти в Старое Ахульго горцы, поджигают мост, отрезая себе путь к отступлению. Со склонов захваченной Сурхаевой башни к мосту — на ближайшие позиции мчится русская легкая кавалерия.

На улицах старого Ахульго, затянутых дымом пожаров, много людей. Разбросанная домашняя утварь, груженные добром арбы и тюки мешаются с горами мертвых тел. Полуобнаженные женщины, останавливают бегущих, швыряют в атакующих камни.

Невдалеке стоит одинокая группа всадников — это Шамиль с ближайшими мюридами, Ахульго обречено, но Шамиль спокоен».

Так описывает панораму «Штурм аула Ахульго» известный искусствовед Ю. Халаминский<sup>1</sup>. К большому сожалению, мы и наши современники не увидим это чудо живописи. Поэтому так сегодня для нас важно, все, что касается мельчайших подробностей ее описания художника.

«Зритель рассматривал панораму словно находится среди защитников крепости, рядом с ними, в центре боя. Вокруг него при помощи оптического эффекта создано иллюзорное пространство панорамы.

Первые панорамы появились на Западе в конце XVIII века, они обычно изображали архитектурные пейзажи или виды городов. Позднее их начали писать на военные и религиозные темы. Картины первых панорам по большей части исполнялись мало известными художниками и редко представляли собой художественное произведение. Эти полотна

<sup>1</sup> Халаминский Ю. Франц Рубо. М., 1956. С. 120.

представлялись для незначительной демонстрации, а затем заменялись другими.

Ярмарочный характер первых панорам и коммерческие цели предпринимателей, организовавших их, заставляли художников гнаться, главным образом, за неожиданными и потрясающими подробностями изображаемых событий. Богатые возможности новой художественной формы долгое время опошлялись различными дешевыми, но броскими трюками. Все это снижало художественное достоинство первых панорам но, несмотря на это, эта новая изобразительная форма быстро распространилась и завоевала широкую популярность. Избранных «ценителей» искусства панорама всегда отталкивала своей доступностью для понимания широких народных масс. По мнению это качество делало панораму чрезвычайно популярной в народе формой изобразительного искусства. Секрет этой популярности и безусловной очевидности изображенного на панораме. Но для того, чтобы панорама была очевидной необходим талант художника, мобилизующий весь разнообразный арсенал средств реалистического искусства. Но реалистическим искусство панорамы стало не сразу.

Говоря о панораме почти всегда пишут о ее иллюзорности, ошибочно понимая под этим натуралистическое воспроизведение обстановки и места действия. Иллюзорность панорамы заключается в условности ее трехмерного пространства. Воспроизведение того или иного события в подлинно художественной панораме основывается не на натуралистических приемах, а на общих законах реалистического искусства, в котором все художественные средства произведения направлены на раскрытие его идейного содержания. В станковой живописи между иллюзорным пространством картины и реальным пространством окружающего мира есть ощутимая рама, отделяющая одно пространство от другого.

В панораме все направлено на то, чтобы сгладить эту границу и сделать для зрителя психологически незаметным переход от реального пространства к иллюзорному. В этом специфика панорамы, определяющая ряд технических и художественных приемов, создающих ее эффект.

Живописное полотно панорамы подвешивается к замкнутому кольцу, соединяясь концами, составляют полый цилиндр, в котором живопись сплошь покрывает внутреннюю его поверхность. В центре его, на определенном уровне устанавливается специальная смотровая площадка, между ней и нижним краем живописного полотна располагается передний, так называемый предметный план панорамы.

Полотно картины подвешивается вертикально, закрепленное оно сильно натягивается. Это помогает уменьшить выпуклость полотна, дающую ненужные тени и усиливает перспективный эффект, так как небо картины при такой подвеске хорошо освещается. Освещение в панораме играет весьма важную роль. Первые панорамы освещались естественным дневным светом через окно в крыше здания. Такое освещение причиняло много хлопот – приходилось сообразовывать время действия изображенного на картине с часом демонстрации.

Погода, влиявшая на характер освещения также принималась во внимание. В туман или дождь панораму закрывали.

Для того чтобы отрегулировать освещение, начали вставлять в верхнее окно матовое стекло, а затем перешли к освещению панорамы реальным отраженным светом, источник которого был скрыт от зрителя особым козырьком.

Художник-панорамист стремясь сделать зрителя участником происходящих событий, обуславливает место, на котором стоит зритель – смотровую площадку. Известна, например, панорама, изображающая морское сражение. Прежде чем попасть на открытую площадку, зритель проходит через помещение, оборудованное как матросский кубрик кают-компанию и наконец по трапу поднимается на палубу боевого корабля, с которого ему и открывается вид на море и сражающуюся вокруг эскадру. Такая обусловленность местонахождения зрителя психологически делает его участником происходящего и способствует более цельному впечатлению.

Ф. Рубо в своих панорамах так и поступает – в «Штурме аула Ахульго» зритель стоит в центре происходящего.

Предметный план состоит из макета местности и выполненных в масштабе в соответствующем перспективном

уменьшении предметов: построек, утвари, оружия. Назначение предметного плана – максимально конкретизировать небольшое реальное пространство панорамы и облегчить зрителю восприятие ее иллюзорного пространства. Предметный план не перегружают излишними деталями, размещая на нем лишь те характерные особенности местности и обстановки, которые находят свое продолжение на живописном полотне: дорогу, изгородь, окоп, строение и т.д.

Первые панорамы, носившие чисто зрительный балаганский характер, демонстрировались в случайных мало приспособленных для этого помещениях. Развитие художественной формы панорамы и сравнительная сложность ее оснащения потребовали специально спланированного оборудованного помещения.

Ф. Рубо изучив особенности новой изобразительной формы, умело пользовался ее спецификой для создания оригинальных произведений. Опираясь на замечательное наследие русского классического искусства, используя выразительные средства панорамы, художник создал монументальные произведения о героизме народа.

Панорама «Штурм аула Ахульго» привлекла внимание многих посетителей, восторженно отзывающихся о ней. Среди ее горячих почитателей был известный художник М. Каразин, назвавший ее «чудом искусства».

Однако М. Горький, в ту пору сотрудничавший в «Нижегородском Листке» и «Одесских ведомостях», критиковал Ф. Рубо за некоторую нарочитость его произведений<sup>1</sup>.

Его критиковали за внимание к ярким деталям. Известный критик В.В. Стасов отмечал, что за внешним эффектом от художника ускользала внутренняя сторона войны с ее человеческими страданиями и болью. Он считал, что после Верещагина и Льва Толстого так писать нельзя. Однако, в картинах написанных как преддверии панорамы Ф. Рубо пишет выразительные средства, помогающие ему создать «интимную» сторону войны. В течение десяти лет, с конца 80-х годов и всю первую половину 90-х, работая над панорамой

---

<sup>1</sup> Халаминский Ю. Указ. соч. С. 9.

«Штурм аула Ахульго» художник создает около двадцати больших полотен. Это стройная серия к панораме. Даже связанный с официальными требованиями царского двора, Ф. Рубо сумел создать в своих произведениях образ героически сражавшегося народа. Основное действующее лицо в его картинах – это народ – вершитель военных побед России. В этом сказывалось патриотическое понимание художником исторических судеб народа.

При этом Ф. Рубо проявил себя как талантливый художник-баталист – знание особенностей вооружения и снаряжения войск, композиционное разнообразие, богатство воображения.

Он старается проникнуть в сокровенный смысл политических событий, проявляющийся в поведении людей. «Гуманизм в трактовке войны, унаследованный у В.В. Верещагина и Льва Толстого более всего свидетельствуют о том, что Ф. Рубо подлинно русский художник», – пишет Ю. Халаминский<sup>1</sup>.

После демонстрации панорамы в Нижнем Новгороде (1896 год) она была выставлена в 1881–1883 гг. в Париже.

Спустя 5 лет царь купил панораму для «Храма Славы», уплатив за нее 15 тыс. рублей. После Нижнего Новгорода панорама выставлялась в Севастополе и на Марсовом поле в Петрограде вплоть до революции, затем ее свернули на вал и передали в Музей Артиллерии. Там она находилась долгие годы. Во время очередного наводнения в 1924 году панорама пострадала, но была цела. О ней вспомнили только в 30-х годах. По ходатайству Наркома просвещения Дагестана А. Тахо-Годи панорама была передана в Дагестанский краеведческий музей. Ее возили на открытой платформе, затем перевозили на подводах. Но и здесь она оказалась никому не нужной. Несколько лет панорама пролежала в служебном здании музея в условиях не соответствующих музейным требованиям. Позже музейные работники ее списали, и, не сфотографировав, разрезали на куски. И только три фрагмента общей площадью в 30 кв. м., как наиболее сохранившиеся, снова

<sup>1</sup> Халаминский Ю. Указ. соч. С. 20.

свернули и положили в хранилище. Остальной холст был уничтожен.

Позже в 70-х гг. эти фрагменты обнаружили работники музея.

Была собрана экспертная комиссия от Министерства культуры, были приглашены художники-реставраторы из Москвы – Есаулов и Зайцев, которые в свое время реставрировали панораму «Бородинская битва»<sup>1</sup>.

Только в перестроечное время за работу над панорамой взялся творческий реставрационный кооператив. Но и он не смог начать работу, т.к. до 20% живописи на двух фрагментах было утрачено, а на третьем фрагменте до 40%. К счастью, в фотоархиве г. Петербурга, в Эрмитаже удалось обнаружить фотокопию с панорамы. Три фрагмента удалось реставрировать, но, к сожалению, они далеки от оригинала и в цветовой гамме, и в технике исполнения.

Местные дагестанские искусствоведы решили, что целесообразно было бы по фотокопии заново воссоздать знаменитую панораму, но для этого нужен холст длиной 120 метров и высотой – 16 метров. По подсчетам на подобную реконструкцию потребуется 2,5 млрд. руб. С учетом инфляции эта сумма на сегодня уже гораздо выше.

Таким образом, выполняя официальный заказ, художник должен был отразить именно те битвы, которые бы прославили славу русского оружия. С этой целью и написана другая крупная картина – «Взятие аула Салты».

Это событие по документальным источникам относится к периоду 1847 года, после того как в труднейшем сражении, несмотря на героизм и отвагу горцев им пришлось оставить такой важный стратегический пункт, как Гергебиль<sup>2</sup>.

Русские войска подошли к аулам Кудали и Салта. Хроникер Кавказской войны Гаджи-Али пишет: «Посредством траншей русские взорвали башню и укрепление, половину Салтов и погубили много народу. Мусульмане ослабели. Ша-

---

<sup>1</sup> Тамзатова П.С. *Первая панорама русской батальной живописи Ф.А. Рубо. Штурм аула Ахульго. Махачкала, 2001.*

<sup>2</sup> АКАК, III. X. С. 329.

милей стоял то на горе Ифута, то на горе Мурада. Все войска Шамиля даже ученые и старики были расположены на берегу Кара-Койсу. Шамиль по очереди посылал наибов в Салты. Русские, окружив деревню перекрыли сообщение войска Шамиля с гарнизоном. В Салтах обнаружилось между горцами голод и смертность. Омар Салтинский с другими находящимися в Салтах наибами Муртазали Телетлинским, Мухаммад-Кадии Согратлинским, чохским Хаджи-Муса, Буртунайским Хаджи Нурмухаммадом, Карахским и Идрисом (который был убит при выходе из Салтов), ночью оставили укрепление и с большими потерями пробивались сквозь отряды русских<sup>1</sup>.

Свыше месяца продолжалась осада аула Салта. В донесении военному министру Чернышеву, ген. М.С. Воронцов пишет о защитниках аула Салта – «конница Хаджи-Мурата в 1000 человек вышла со стороны аула Куппа, угрожая нашему правому флангу»<sup>2</sup>.

Тяжесть боя удалось передать Ф. Рубо. И вновь критики обрушились на него с претензиями в отношении наличия в картине сцен жестоких битв, крови, трупов. Искусствовед З. Гейбатова-Шолохова так пишет об этой картине – «Рубо приближает к зрителю своих героев крупным планом, раскрывая страшное, нечеловеческое состояние. Почти физически ощущается напряжение сжимающей саблю руки горца, его резкий поворот и общий порыв»<sup>3</sup>.

Для всех полотен художника характерна высокая эмоциональность, драматическое действие, все, что характерно для военных действий.

Другой эпизод Кавказской войны запечатлен Ф. Рубо в картине «Взятие аула Гимры». Солдаты неудержимо рвутся вперед, преодолевая ожесточенное сопротивление горцев.

<sup>1</sup> Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. Махачкала, 1990. С. 41.

<sup>2</sup> АКАК, III. X. С. 439. Отношение Воронцова военному министру Чернышеву.

<sup>3</sup> Гейбатова-Шолохова. Батальные полотна Ф. Рубо в дагестанских музеях // Сб. ст. Художественная культура Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1989. С. 66.



Группа горцев, укрепившись на крыше сакли, оружием в упор пытается остановить натиск русских, другие сошлись в рукопашную в смертной схватке с врагом. Как символ непокорности реет зеленый флаг. Но, несмотря на все усилия, победа царских войск предрешена.

Для Военно-Исторического Музея в г. Тифлисе Ф. Рубо написал 17 картин. Все они написаны в г. Мюнхене, в Германии, под большим влиянием западноевропейской живописи. Лишь затем они все перевезены в г. Тифлис.

Среди картин есть одна, отражающая момент сдачи Шамиля в плен. Шамиль в этой картине напоминает орла запертого в клетку. Он стоит растерянный, сжимающий рукоятку сабли. Рука нарисована сильной и крепкой. Шамиль еще может сражаться, но обстоятельства складываются иначе и имам стоит в окружении врагов.

Очень интересна картина Ф. Рубо – «Молитва Шамиля перед боем».

Здесь изображены только горцы. На переднем плане Шамиль, слегка сутулый на небольшом молитвенном коврике совершает намаз. Позади него – его войско. Не в строю а, хаотично расположившись, стоит конница, воины в черкесках, в папахах, у некоторых ружья, в основном сабли и острые кинжалы. Вытянутые в струну горцы готовы к бою. Многочисленное войско, плохо вооруженное и, наверное, плохо обученное противостоит хорошо налаженной регулярной армии, с богатой артиллерией, хорошо оснащенной оружием и боеприпасами. По тому, как выписано это войско Шамиля, можно судить о симпатии Ф. Рубо к горцам. Воспитанный на демократических европейских традициях, будучи французом по национальности, художник изначально был настроен в пользу восставшего народа. Это заметил и М. Горький, который, знакомясь с панорамой «Штурм аула Ахульго» написал в своей критической статье, что в картине убитых горцев больше, чем русских солдат (хотя должно было быть наоборот – горцы оборонялись, а русские лезли на штурм).

В картине «Молитва Шамиля перед боем» нет ощущения фанатично настроенной толпы, нет «иступленного фанатизма». Горцы спокойны, от них исходит ощущение единения

и мужества, а не фанатичной истерики» в чем упрекали Ф. Рубо искусствоведы.

Показав в своих работах героизм, как русских солдат, так и шамилевских «мюридов» Ф. Рубо как бы ищет ответа на вопрос – как можно было маленькому народу противостоять могущественной Российской империи в течение 25 лет, что двигало этим народом? По-моему своими полотнами, он сам ответил на свой вопрос.

Интересна работа Ф. Рубо «Переход Аргутинского через снежные горы Кавказа». В комментариях к этой картине, которая выставлена в Военно-Историческом Музее в «Путеводителе» следует комментарий «Картина изображает переход из Дагестана в сентябре 1853 года на помощь Лезгинской линии отряда князя Аргутинского через вечные снега на высоте 11 тыс. фут. В стороне виднеется фигура самого Аргутинского верхом, закутанного в шинель»<sup>1</sup>.

В истории Кавказской войны личность кн. Аргутинского чрезвычайно интересна.

Начал он службу еще в период русско-персидской войны 1826–1828 гг., далее он перевелся на Кавказ майором в Грузинский гренадерский полк. В период русско-турецкой войны получил орден Св. Георгия 4-ой степени за занятие города Ольты. Наиболее известным стал в период Кавказской войны в Дагестане, начиная с 1842 г. Вначале он командовал отрядом, а затем войсками обширного Прикаспийского края. В 1842 г. его наградили чином генерал-майора и орденом св. Георгия 3 степени<sup>2</sup>.

Картина Ф. Рубо изображает момент, когда в 1853 г. (в сентябре) он двинулся в сторону Южного Дагестана, где восстание в Кайтаге и Табасаране могло взорвать весь Дагестан. Армию он повел напрямик через смежные горы.

Еще ранее в 1845 году он также предпринял большой поход, повел армию с тяжелой артиллерией в горы Аварии, на борьбу с наибом Кибит-Магомой в сел. Тилитль. На помощь

<sup>1</sup> *Путеводитель по Военно-Историческому Музею. Тифлис, 1913. С. 96.*

<sup>2</sup> *Там же. С. 95–96.*

Кибит-Магоме и его брату Муртазали Шамиль отправил конницу Хаджи-Мурада<sup>1</sup>.

Артиллерия армии Аргутинского разрушила многие аулы, дома были разрушены и сожжены. Местное население, вооружившись чем попало составило отряды, которые долго не сдавали аул.

У Аргутинского была крупная конница – Кубинская, Кюринская, Ширванская, Кайтагская, Ахтынская и Даргинская. Кроме конницы были пешие отряды из Кази-Кумуха. В помощь борющимся горцам Шамиль послал 10 наивов.

26 июля прибыла конница Хаджи-Мурада. В донесении своем сам Аргутинский пишет о том, что конница Хаджи-Мурада мужественно видалась в бой под ударами пушек, и когда отряды Кибит-Магомы отступили, Хаджи-Мурад продолжал отчаянно драться. В том бою армия Аргутинского отступила под натиском конницы Хаджи-Мурада<sup>2</sup>.

За бои в Дагестане Аргутинский получил чин генерал-лейтенанта, орден Белого орла, осыпанную бриллиантами золотую саблю, бриллиантовые ордена Александра Невского и, наконец, высшую награду – орден Владимира 1-ой степени.

Интересный факт в истории военной биографии Аргутинского. Ему в ходе военных боев приходилось сталкиваться с Хаджи-Мурадом. Несмотря на то, что перед ним был его враг, Аргутинский постоянно восхищается им. Так, в бою под Левашами он пишет: «Хаджи-Мурад дерзко и смело вывел из под обстрела 600 своих конников»<sup>3</sup>.

И когда, будучи у русских в Тифлисе в 1851 году Хаджи-Мурад выразил желание встретиться со своим постоянным военным противником кн. Аргутинским, тот отказался, заявив, что «этот герой принес ему много неприятностей в Дагестане».

Тяжело заболев после боев в Дагестане в 1855 году в г. Тифлисе кн. Аргутинский скончался.

<sup>1</sup> Записка составлена из рассказов и показаний Хаджи-Мурада... «Русская старина». Т. XXX. Март. 1881. С. 672

<sup>2</sup> АЖАК, Т. X. С. 383. Рапорт кн. Аргутинского гр. Воронцову.

<sup>3</sup> Там же.

#### § 4. Е.Е. Лансере и Дагестан

Творчество русских художников подготовило ту художественную среду, в которой формировались национальные художники. В этом отношении особое место занимает личность известного художника Е.Е. Лансере.

Родился Евгений Евгеньевич Лансере 23 августа 1875 года в Павловске, под Петербургом. Его отец – Евгений Александрович Лансере был скульптором. Мать в юности занималась живописью. Дед художника по матери – Н.Л. Бенуа был архитектором, профессором Академии художеств.

Художественная культура семьи Е. Лансере-Бенуа складывалась на протяжении нескольких поколений: прадед художника А.К. Кавос, крупный архитектор, был строителем Большого театра в Москве и Мариинского театра в Петербурге.

Художественная атмосфера, окружала Лансере с самого детства. Лишившись отца в одиннадцать лет, Лансере тесно сблизился с семьей Бенуа. Здесь будущий художник впервые приобщился к искусству и художественной культуре. Осознание жизненной цели пришло к художнику рано. Он оставляет гимназию и поступает в Школу поощрения художеств, где занимается с 1892 по 1896 год. Поездки в Западную Европу – в Польшу, Германию, Австрию, Францию расширяют кругозор художника.

Евгений Евгеньевич много читает. Его увлекают произведения Достоевского, Золя, Гюго и особенно Льва Толстого. Чтение «Войны и мира» пробуждает в нем замечательное видение иллюстратора, которое, спустя много времени с блеском раскроется в работе над «Хаджи-Муратом»<sup>1</sup>.

Большое влияние на творчество Е.Е. Лансере оказала учеба в Париже, куда посоветовал ему отправиться его знаменитый дед – А. Бенуа. «Все утверждают, – пишет он в своем дневнике, – что в Париже я научусь в один год настолько, насколько здесь в 5 лет»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Подобедова О.М. Евгений Евгеньевич Лансере. М., 1961. С. 118.

<sup>2</sup> Там же.

Действительно, в середине 90-х годов многие молодые художники и одаренные ученики Академии художеств уезжали за границу в поисках достаточно высокой по своему уровню художественного мастерства.

П.Д. Шмаров, несколько позже И.Э. Грабарь и Д.Н. Кордовский, Д.А. Щербеновский, А. Сомов, А.П. Остроумова уезжают за границу и обосновываются в различных художественных школах.

Попытки восполнить свое профессионально образование за рубежом были связаны с тем кризисом, который переживала Академия художеств и вся система художественного образования в последнее десятилетие XIX и начала XX века. К сожалению, классическая форма обучения продолжала существовать в Академии художеств. Продолжали больше уделять внимание античным сюжетам и классическим аксессуарам. Но реализм передвижников не стал основой всей системы преподавания, и во всех своих частностях академическая рутина продолжала существовать. В связи с этим стала необходимость переезда во Францию. А до этого Е. Лансере упорно рисует и требовательней относится к своим работам, много и упорно читает русскую и зарубежную литературу, а также увлекается архитектурой и искусством. Именно к этому времени относятся размышления художника о специфике монументальной живописи.

В Париже Е.Е. Лансере освоившись в городе, побывав в Лувре, Соборе Парижской богородицы, Люксембурге, завязав знакомства с друзьями А.Л. Оберга и членами семьи Бенуа, живущих в Париже, он расширяет круг своих занятий, учиться рисовать в мастерских лучших художников Франции. В Париже он делает несколько самостоятельных работ – картины «Христофор Колумб», «Собор», «Осень». Картину «Осень» художник закончил в 1895 г. Картина навеяна грустью и тоской по близким. Затем он делает зарисовки с улиц Парижа, природные пейзажи.

В 1896 году Е.Е. Лансере покидает Париж и возвращается в Россию. Подводя итог опыту, приобретенному в Париже, он пишет: «Я ясно чувствую больше твердости в руке.

больше решительности в глазе, а главное, могу рисовать фигурки от себя и по позам и по формам»<sup>1</sup>.

Юноша стремиться уяснить себе задачи художника, его место и роль в общественной жизни, познать сущность творческого процесса, понять закономерности возникновения художественного образа и его воплощения в художественной форме. Эти вопросы находят отражение и в дневниках Е. Лансере, в его оживленных спорах с друзьями. Творчество рассматривается им и как профессия, и как естественная реакция на восприятие окружающего мира.

Именно в этот период ему становится ясным его призвание, его обязательство перед обществом. Он пишет: «... Искусство может дать ноту настроения, толчок, вследствие которых душа, чувства, но не разум человека станет искать и может поймет даже тот широкий и философский вопрос, нота которого звучит в данном произведении искусства.

Это или философское, поэтическое объяснение чувства, состояния, или поэтическое примирение с природой, объяснение ее радостей и счастья, или, наоборот заставляет почувствовать ничтожество, брэнность, скуку человека, его страстей, мечтаний. Но какова ни была бы эта ноша, она должна всегда звучать ясно, громко, без колебаний в самом себе, самоуверенно в своей сути... ясно, твердо, решительно выразить то, что ей нужно»<sup>2</sup>.

Исходя их этих положений, художник формирует свои задачи: «... чтобы моя нота звучала интересно, мне нужно, во-первых, быть очень образованным, много знать, видеть, чувствовать и все это ясно и твердо понимать и судить, то есть ... понимать... то, что интересует, что должно интересовать общество, знать, куда оно идет и должно идти»<sup>3</sup>.

Зиму 1896–97 года художник проводит в Париже, где обучается в мастерской художника Калоросси, живет с семьей А. Бенуа, общается с известными французскими художниками. Позже он занимается в мастерской известного худож-

---

<sup>1</sup> Подобедова О.М. Указ соч. С. 25.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же. С. 29.

ника Сан-Поль Лорана, позже – у Бенджамина Константа. Высокая живописная культура Франции того времени отразилась на творчестве Е.Е. Лансере, она оказала влияние на процесс формирования его творческой индивидуальности. Если «профессионализм» в области живописи приобретался путем занятий в мастерских прославленных художников, то огромные художественные возможности Парижа: музеи, библиотеки, экскурсии в окрестности, любование замечательной архитектурой способствовали развитию дарования художника.

После Парижа Е. Лансере посещает Германию, Чехию.

Уже в Петербурге с 1898 года началась выставочная деятельность группы «Мир искусства», а в марте был основан журнал, спонсорами которого были С. Морозов и М.К. Тенишева. Со второго тома там появляются иллюстрации Е. Лансере. В дневниках он пишет: «Я раньше всего хочу правды какой бы она ни была». С этого времени художник становится признанным мастером книжной и станковой живописи. Его картины тех лет, пейзажи поражают красотой и мастерством. Он копирует шедевры Лувра, Эрмитажа, много работает в области исторической картины. Но даже замечательные акварели не приносили ему морального удовлетворения.

Но самое важное то, что определило творческий путь художника, явилась та сложная душевная работа, та переоценка ценностей, то искание собственного мировосприятия и мировоззрения, которые все углублялись и усложнялись под влиянием пережитого.

Был подготовлен кульминационный момент в творчестве Лансере – это создание им цикла иллюстраций к повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурад».

Заказ на иллюстрирование этой повести Е. Лансере получил от издательства Голике и Вильбарг в 1912 году. Сразу же после получения заказа выяснилась возможность поездки в те места, в которых разворачивались события, описанные в повести. Наконец, художник мог реализовать свой интерес к Кавказу, его героическим людям, живописной природе, кос-

*Е.Е. Мансере.*

*"Казхи-Мурат"*





**Электронная библиотека  
Института истории,  
археологии и этнографии  
Дагестанского ИЦ РАН**



**instituteofhistory.ru**

тюмам. В своей автобиографии художник вспоминал: «Я от отца получил влечение к Кавказу, его романтике»<sup>1</sup>.

Кроме того, сама повесть, разграничившая два мира — «войну и бал, дворец и хату», показывающая в лице Николая I и Шамиля «два полюса властного абсолютизма», с явным сочувствием повествующая о жизни народа, будь то русские крестьяне или жители горского аула, срывающая маски с так называемого «цивилизованного общества» была близка внутреннему миру художника.

Вопросы нравственной правды полотна, найти ее, соприкоснувшись с жизнью простых горцев, солдат, крестьян помогли художнику дать глубокое прочтение повести.

В предписании к книге Л.Н. Толстой писал, что часть этой давнишней кавказской истории он видел, часть слышал от очевидцев и часть вообразил себе.

Следуя за писателем, Е. Лансере при работе над этой повестью должен был сам увидеть своими глазами или почерпнуть из известных источников данные о дагестанском герою.

Художник в процессе работы над иллюстрациями повести должен был пройти тот путь «познания», который прошел Л.Н. Толстой.

Восприняв из литературного произведения образ дорого продавшего свою жизнь, отважного горца, чья воля к жизни ассоциировалась у писателя с живучестью придорожного татарника, вопреки всем невзгодам утверждающего свое право на существование, художник сделал попытку войти в круг впечатлений Л.Н. Толстого. Е. Лансере тщательно готовился к работе над иллюстрациями к повести «Хаджи-Мурад». Получив заказ, он засел в этнографическом музее, еще раз ознакомился с работами Горшельта, Рубо, Гагарина, Тимма. Несколько раз, перечитав повесть, он сделал пометки на полях книги. В Петербурге художник познакомился со студентом института гражданских инженеров Магомед-Мирзой Хизроевым. С ним и с Махачем Дахадаевым его познакомил муж сестры художника, впоследствии знаменитой художницы З.Е.

---

<sup>1</sup> Подобедова О.М. Указ. соч. С. 118.

Серебряковой<sup>1</sup>. Хизроев внес уточнения относительно истории Хаджи-Мурада. Так он объяснил Е. Лансере, что наиболее родился не в Цельмесе, а в самом Хунзахе, его старшего сына звали Гула, а не Юсуф, а мать Залму – а не Патимат. В 1912 году Е. Лансере приезжает в Дагестан. Вначале он приехал в г. Темир-Хан-Шуру, а затем едет в Хунзах.

Живя в Хунзахе Е. Лансере делает зарисовки со всех достопримечательных мест, связанных с именем легендарного героя – лесную долину, где были убиты сыновья ханши Баху-бике – Нуцал-хан и Умма-хан, развалины ханского дома, речку Тобот, срывающуюся со 100-метровой высоты, остатки сакли Хаджи-Мурата, рисует мечеть, где был убит второй имам Гамзат-бек. Он слушал рассказы потомков наиба, стараясь по рассказам воссоздать внешность наиба. В Хунзахе художник встретился с сыновьями Хаджи-Мурада с Гуллой, которому во время роковых событий шел 13 год. Он хорошо все помнил и рассказал все, что интересовало художника.

Результатом поездки в Дагестан явились акварельные зарисовки горных пейзажей, аулы, портреты горцев в костюмах и при вооружении, женщин в национальных костюмах. То были поиски образов, стремление понять и реконструировать не только быт, но и социальную сущность явлений.

«Познание» происходило у художника в процессе творчества. Никогда еще так близко, так осязаемо не подходил художник к человеку, к его духовному миру, к природе, как в период его поездки в дагестанские горы.

Прежде всего, в руках у художника находился иконографический материал (портреты героев повести). Это в первую очередь, альбомы Г.Г. Гагарины. А, как известно, только Г. Гагарин рисовал Хаджи-Мурада с натуры (не считая рисунков «мертвой головы» Хаджи-Мурада сделанные самим Г. Гагариным и художником Каррадини).

В его расположении были также многочисленные фотографии имама Шамиля, его семьи, рисунки Г. Горшельта.

---

<sup>1</sup> Таджиев Б.Н. *Хаджи-Мурад в историях и легендах. Махачкала, 2005. С. 145–146.*

Имея все это, Е.Е. Лансере создал замечательную серию иллюстраций, которая навсегда вошла в историю русско-книжной графики, как одно из крупнейших ее явлений<sup>1</sup>.

Своеобразие и психологическая глубина характеристики самого Хаджи-Мурада обобщались художником в процессе параллельного изучения повести, т.е. раскрытие героя в процессе его духовного возрастания. Хаджи-Мурад представлен художником от момента как он спускается с гор и до рисунка гибели героя – «Хаджи-Мурад у дерева» («В сакле Садо», «На балу у Воронцова», «Воронцовы и Хаджи-Мурад»).

Здесь художник прибегает к контрасту. «В сакле Садо» Хаджи-Мурад сидит неподвижно, напряженно. Рядом с ним его племянник Эльдар, старик Садо, его сын (которого в повести убивают). Две чеченки подают им еду. Только что старик Садо сообщил Хаджи-Мураду, что Шамиль издал приказ поймать его и убить. Там далеко, в лесу они оставили своих друзей.

Другой рисунок Е. Лансере точь в точь повторяет тот эпизод в повести Л. Толстого, где поручик Полторацкий встречает Хаджи-Мурада в момент его сдачи русским (Следует заметить, что Л.Н. Толстой написал этот эпизод и описал портрет самого Хаджи-Мурада почти дословно в книги Полторацкого, которая была издана в предреволюционное время).

«Полторацкий уже возвращался к Воронцову, увидав сзади себя догоняющих его верховых. Полторацкий остановился и подождал их. Вперед всех на белогривом коне, в белой черкеске, в чалме на папахе и в отделанном золоте оружии ехал красивый горец внушительного вида. Человек этот был Хаджи-Мурад. Он подъехал к нему и сказал что-то татарски. Полторацкий подняв брови развел руками в знак того, что не понимает и улыбнулся. Хаджи-Мурад ответил улыбкой на улыбку, и улыбка эта поразила Полторацкого своим детским добродушием». Свита его состояла из 4-х человек. Одно тогда поразило Полторацкого, – пишет Л.Н. Толстой – это были его широко расставленные глаза, которые

---

<sup>1</sup> Подобедова О.М. Указ. соч. С. 124.

внимательно и пронизательно смотрели в глаза другим людям»<sup>1</sup>.

Таким, как описывает Полторацкий, нарисовал Хаджи-Мурада Г. Гагарин. Этим описанием и воспользовался Е. Лансере. Поэтому. Мне кажется, следует прислушаться к описанию очевидцев-современников Хаджи-Мурада и принять его портрет написанный Г. Гагариным и затем Е. Лансере как подлинник. И здесь, наверное, Хаджи-Мурад Доного напрасно сомневается, когда пишет, что портрет Хаджи-Мурада у Г. Гагарина лакирован. «Не идеализирован ли портрет?»<sup>2</sup>, – пишет он. Наверное, нет.

Очень интересно и цветовое решение иллюстраций. Если, к примеру, большинство изображений, связанных с бытом русской деревни, города, крепостей решены в черно-белых красках, то линия Хаджи-Мурад и Шамиль исключительно богаты по цвету.

Особенно хочется отметить рисунок-акварель «Хаджи-Мурад спускается с гор» – это изумрудно-зеленый цвет и глубокий вино-красный.

Интересны иллюстрации к повести, отражающие фигуру имама Шамиля. Следует заметить, что это шел 1851 г. Движение горцев шло на убыль, народ голодал, народ устал от войны и Шамиль это понимал. В последние годы очевидцы отмечают жестокость у имама, иногда не обоснованную. Многие мюриды отошли от него, как отмечают очевидцы, в свите Шамиля за ним постоянно следовал палач с секирой, рубить головы приходилось довольно часто.

Узнав о том, что Хаджи-Мурад перешел в Чечню и оставил его, Шамиль арестовал всю его семью – мать Залму (у Толстого она Патимат), сына Гуллу (у Толстого он Юсуф), 5 детей и беременную жену-чеченку Сану. По рассказам самой Сану, ее пытали, посадили на раскаленный медный таз. Родила она в яме, зимой, никто из окружающих ей не помог. Пуповину ребенка она сама отгрызла зубами и завернула новорожденного в свою юбку.

---

<sup>1</sup> Толстой Л.Н. *Хаджи-Мурад*. М., 1972. С. 28.

<sup>2</sup> Доного. *Қорқмас* Х.М. *Уқаз*. соч. С. 8.

Такая жестокость была и по отношению к детям. Сына Гуллу должны были ослепить, но чудом ему удалось избежать казни.

Однако, позднее, узнав о гибели Хаджи-Мурада, Шамиль по словам очевидцев очень переживал, он целый день молился и не выходил из комнаты.

Е. Лансере изобразил имама очень сосредоточенным, ушедшим в свои размышления, отрешенным. «Весь народ большого аула Ведено стоял на улице и на крыше, встречая своего повелителя. Шамиль ехал на арабском, белом коне... Убранство коня было самое простое, без украшений золота и серебра... Бледное, окаймленное подстриженной рыжей бородой лицо его было неподвижно».

Другой акварельный рисунок – «Суд Шамиля». И здесь обобщенная характеристика Шамиля вождя, данная в первой сцене (неподвижная фигура Шамиля среди полных движения мюридов).

Значительное место уделено семье Воронцовых. Известный в наши дни портрет М.В. Воронцовой, выполненный художником Винтергальтером (хранится в Третьяковке) лег в основу ее изображения, портрет художника Генсена – М.С. Воронцова; Чернышев (военный министр) – с портрета Крюгера, Имам Шамиль – с фотографии Ностица.

Интересно, почти фактически и почти карикатурно выведены старый Воронцов и царь Николай I.

Есть рисунок, на котором представлена Дворцовая площадь, по которой несутся сани военного министра Чернышева, едущего на доклад к Николаю I, во время которого решается судьба Хаджи-Мурала. Дворцовая площадь изображена от Зимнего дворца и арки Генерального штаба. Серое небо, серовато-зеленые здания, черные чугунные решетки, снег – все это скучная гамма цветов, отражающая северную столицу и создается контраст с солнечной природой Кавказа.

Великолепен пейзажный ряд рисунков Е. Лансере. «Вид в долину, в глубине которой аул Цельмес» (Следует отметить, что Хаджи-Мурад родился в сел. Хунзах, а не в ауле Цельмес). «Долина Аварского Койсу», «Над аулом Махкеты», «Уличка в ауле Цельмес», «Ведень Шамиля».

Рисуя гибель Хаджи-Мурада Е. Лансере противопоставляет величие и красоту гор, долину Алазани страшной сцене гибели героя.

Замечательно написал о цикле иллюстраций Лансере художник А. Бенуа: «Слишком огромно искусство Толстого, чтобы вообще допускать какие-либо сравнения. Но тем значительнее то, что рисунки Лансере сохраняют рядом с Толстовской колоссальностью и свою значительность. Свою прелесть, что они не только дают и точную справку по сценарию и рисуют типы действующих лиц, но, кроме того, складываются в самостоятельную песнь, прекрасно вызывающуюся могучую музыку Толстого»<sup>1</sup>.

Работа отняла у художника два года (1912–1914 гг.).

Второе издание «Хаджи-Мурата» было осуществлено в 1918 году. В нее вошли часть XV главы, которая по цензурным соображениям не вошла в первое издание. Вместе с новым текстом был напечатан портрет Николая I во время доклада Чернышова. Этот портрет отличается остротой характеристики и олицетворяет весь деспотизм монархического строя.

Еще будучи в Хунзахе, Лансере сказал себе, что он во чтобы то ни стало вернется в Дагестан.

Он приезжает вновь в период первой мировой войны в качестве военного корреспондента. Весть о свержении самодержавия застаёт его в Темир-Хан-Шуре. И вновь он остановился в доме М.-М. Хизроева, который к тому времени был активным политиком. Е. Лансере прибыл на сей раз со всей семьей. Его приняли как родного. Ведь родная сестра М.-М. Хизроева – Зухлижат была второй женой младшего сына наиба, которому дали отца – Хаджи-Мурада. Е. Лансере рисует ее портрет, портрет ее дочери.

Это были жаркие дни в Дагестане, началась гражданская война, в связи с этим художнику и его семье предложили переехать в селение, но он отказался. Проявляя живое участие и внимание к социал-демократическим воззрениям, он стал другом дагестанских революционеров, особенно подружился

---

<sup>1</sup> Бенуа А. Ж. «Аполлон». 1915. № 10.

художник с Махачом Дахадаевым, часто бывал у него в доме. Им написаны портреты знаменитого революционера и его жены Нафисат<sup>1</sup>. Когда в сентябре 1918 года в Темир-Хан-Шуру привезли тело убитого Махача Дахадаева Е.Е. Лансере вместе с несколькими революционерами сопровождал убитого до самого кладбища, несмотря на запрет властей и угрозы ареста.

Он постоянно работает, создает натюрморты, пейзажные рисунки. Как святую реликвию хранят эти работы музеи бывшего Советского Союза.

Современники, все, кому посчастливилось общаться с художником, отмечают его высокую культуру, эрудицию, доброту, умение общаться с людьми. Не желая быть обузой у гостеприимных хозяев, Е.Е. Лансере поступил учителем рисования в женскую гимназию. Его ученицы вспоминают о нем с любовью и теплотой.

В 1925 году он вновь приезжает в Дагестан, возглавляя художественную экспедицию. В те годы Е.Е. Лансере возглавлял Академию художеств в Тифлисе. Верхом на коне он объездил весь горный Дагестан. Побывал в самых отдаленных аулах – Тидиб, Урада, Орота, Гинта, Тлярата, Бежта. Новая экспедиция была в 1927–28 гг.

Позже Е. Лансере также приезжал в Дагестан. Под его благотворным влиянием выросли дагестанские художники М. Джемал, Ю. Моллаев и др.

В заключении этого раздела следует отметить, что труды русских художников по истории Кавказской войны трудно переоценить не только для историков, искусствоведов, этнографов, но и для всей общественности Дагестана.

Первое, что бросается в глаза – это чувство уважения и любви к нашему краю, к нашей истории. В этих работах нет ни тени пренебрежения и превосходства над побежденным народом, наоборот, превалирует чувство уважения и восхищения, не только природой, а именно людьми, их мужеством, скромностью и красотой.

---

<sup>1</sup> Гаджиев Б.М. Указ. соч. С. 152.



Художники, в основном, относятся с пониманием к освободительной борьбе горцев, не скрывая свое отношение к завоевателям.

**Электронная библиотека  
Института истории,  
археологии и этнографии  
Дагестанского ИЦ РАН**



**instituteofhistory.ru**

## Глава 3.

### Русское общество и Кавказская война в XIX – начале XX века

---

Если провести анализ дореволюционной историографии относительно истории Кавказской войны, то почти всегда можно увидеть, что авторы заимствовали сообщенные им факты у представителей русской военной администрации, чаще всего у офицеров царской армии. Поэтому существенного нового они дают мало, скорее служат показателем воззрений различных общественных кругов на события Кавказской войны, чем быть источником для самой истории Имамата.

Профессор Н.И. Покровский относит ряд художественных произведений к числу источников. Среди них публицистические рассказы, очерки, путевые записи непосредственных участников Кавказской войны<sup>1</sup>.

Нам историкам следует учитывать специфическую направленность тех или иных работ, стремление оправдать колониальную политику, сводившуюся к формуле «цивилиз-

---

<sup>1</sup> Покровский Н.И. *Кавказские войны и имамат Шамиля*. М., 2000. С. 28.

вать горские народы прекратить их хищнические набеги представляющие постоянную значительную угрозу для русских жителей на Кавказе». В русском обществе складывались легенды о дикости горцев и неспособности их создать «настоящее государство». По газетным и журнальным статьям получается, что характерной чертой горцев является их страсть к набегам, к «хищничеству». Говоря о «набегах периода Кавказской войны, следует помнить, что Кавказская война была в значительной мере войной партизанской и что происходившее в действительности набеги являлись именно такими партизанскими действиями.

(Кстати, эти набеги следует отличать от феодальных набегов – в Грузию в XVIII – нач. XIX в. Здесь это носило совершенно иной смысл).

Статьи, записки, рассказы, изданные в русской печати можно отнести к источникам по истории войны. Они, как мы говорили выше, написаны непосредственно очевидцами событий, чаще всего царскими офицерами. Это иногда и воспоминания, отраженные в письмах, заметках, к какой-либо дате.

В конце 20-х годов XIX Дагестан посетил немец Е. Эйхвальд. Книга вышла в 1837 году, в ней отражены события начала Кавказской войны<sup>1</sup>.

Целая глава сочинения, посвященная «первому имаму Дагестана Гази-Муххамеду». В работе содержатся первые данные об учебе Кази-Магомеда в сел. Берикей, а затем у кадия Магомы, во владениях Аслан-хана Казикумухского, у которого тот научился читать по-арабски «воспринял дух ненависти к инакомыслящим».

Другой путешественник К. Кох, тоже немец, также в те годы посетил Дагестан и описал начало сороковых годов. Он пишет об убийстве аварских ханов, о зверствах в период войны<sup>2</sup>.

На тему Кавказской войны появились работы офицера У. Лаудаева, посвященные Чечне<sup>3</sup>. Очерки, безусловно, напи-

<sup>1</sup> Eichwald E. *Reise auf den Kaspischen Meer und in den Kaukasus*. Stuttgart. 1837.

<sup>2</sup> Koch. *Reise in Irusien au Kaspische Meere und Kaukasus*. Weimar, 1842.

<sup>3</sup> Лаудаев У. *Чеченское племя*. ССКТ. Вып. VI. 1871. С. 1–62.

саны в традициях консервативного направления колониальной политики царизма. Автор, чеченец, учился в кадетском корпусе и имел чин ротмистра царской армии. «Он владел холопами в Чечне», как пишет о нем Н. Покровский и был одним из немногих рабовладельцев. К тому же он был одним из тех, кто служил опорой царизма при проведении колониальной политики, считает ученый<sup>1</sup>.

Лаудаев усиленно подчеркивает «дерзость чеченцев». Защищая царизм, он писал: «Почти до покорения их русскими, чеченцы имели одно право – право оружия». Он считает, что царизм осчастливил Чечню и оправдывая проводимую колониальную политику. Лаудаев утверждает, что земля чеченцев им не принадлежит, и она издавна принадлежит русским. «Они были прямыми приемниками, чеченцы вытеснили их (русских – Р.Г.) и поселились здесь живьем... причем русские жили здесь оседло. Ушли русские из Чечни после Петра I. Но «удалившись за Терек они не оставили своего притязания на землю. Они (русские) позволили чеченцам зажить на плоскости», – пишет Лаудаев<sup>2</sup>.

Несмотря на прямую конъюнктурную направленность в работе есть ценные сведения о родовых взаимоотношениях, он раскрывает тот факт, что здесь была эксплуатация, были классы. Кроме того, он подчеркивает наличие рабства в Чечне.

Чеченской теме посвящены статьи капитана К. Самойлова «Заметки о Чечне»<sup>3</sup>. Здесь автор останавливает свое внимание на описании экономики этого края.

Чеченской теме посвящены работы царских офицеров, которые служили в Чечне – А.П. Ипполитова, И. Попова и Н.С. Иваненкова.

В работах они рассматривают в основном вопросы экономики. Интересные данные приводит Н.С. Иваненков о земельных пожалованиях Шамиля, что является доказательством появления в горах новых крупных землевладельцев.

<sup>1</sup> Покровский Н.И. Указ. соч. С. 38.

<sup>2</sup> Лаудаев У. Указ. соч. С. 1–62.

<sup>3</sup> Самойлов К. Заметки о Чечне // СЛБ., 1855. С. 44–86.

В русском обществе большим спросом пользовались российские издания, журналы, газеты, в которых публиковались военные заметки, записки русских офицеров о Кавказской войне. В «Кавказском сборнике» за 1902 г. была издана интересная работа К.И. Прушановского о событиях в Дагестане в период Кавказской войны. Интересны они еще и потому, что автор был современником и участником войны и описал события «с первых рук»<sup>1</sup>.

Эту работу очень образно характеризует Н.И. Покровский, приводя характеристику ей со слов работника Генерального штаба Вольфа: «По своей добросовестности, полноте, значительному числу любопытных и редких материалов... – это описание опытного и совершенно знакомого с краем офицера заслуживает полного внимания»<sup>2</sup>.

Прушановский в 1841 году был назначен в Дагестан и состоял при командире Отдельного Кавказского корпуса Головине. Ему было поручено собрать сведения о Дагестане. Он собрал интересные сведения о самом начале зарождения мюридизма, начиная с 1825 года. Анализируя работу Прушановского о начале мюридизма, профессор Н.И. Покровский пишет о том, что к ней следует подойти осторожно, т.к. сведения приведенные не всегда достоверны.

На основании записей дагестанских народных преданий Прушановский делает выводы о заимствовании тариката в Дагестане. Так он отмечает, что это учение «импортное», оно существует как изобретение двух или трех ширванских и дагестанских мулл.

Далее он описывает историю истребления аварских ханств, о фактическом поражении Ланского в Гимрах в 1834 году, пишет о разногласиях между Шамилем и наибами (1831–1937) и т.д. Последняя часть работы посвящена внутреннему строю имамата Шамиля в начале сороковых годов.

Для русского общества того времени большой интерес представляли работы подполковника царской армии А. Неве-ровского, который в 1840 году был офицером царской развед-

<sup>1</sup> Прушановский К.И. Выписка из путевого журнала. КС. 1902. III. 23. С. 73.

<sup>2</sup> Цит по: Покровскому Н.И. Указ. соч. С. 42.

ки. Его заметки посвященные описанию экономики Дагестана представляют собой большой интерес для современного исследователя<sup>1</sup>.

Теме Кавказской войны посвящена его другая интересная работа – «О началах беспокойства в Северном и Среднем Дагестане» и «Истребление аварских ханов в 1834 г.»<sup>2</sup>.

Интересна описанная им битва за Хунзах в 1830 году. Главную заслугу в разгроме Гази-Магомеда он приписывает хану – Нуцал-хану.

В работе истребление аварских ханов он ссылается на «достоверный источник» – бывшего казначея имама Гамзатбека-Маклача.

Маклач – житель аула Чох. В доме его отца жил Гамзатбек когда обучался чтению Корана, позже Маклач сопровождал Гамзатбека, а после его гибели он перешел на службу в русскую армию. В 1843 году он передал Шамилю все планы и чертежи укреплений царских войск. Далее он состоял переводчиком при Генеральном штабе в Тифлисе. Умер в 1849 году.

Интересна его версия истребления аварских ханов мюридами. Общепринятая версия – это вероломство мюридов, которые даже не пощадили маленького Булач-хана. Однако в комментариях к работе Неверовского, профессор Н. Покровский считает (на основании хроники Мухаммед Тахира ал-Карахи), что это произошло случайно из-за ссоры между мюридами, а сам второй имам не собирался убивать никого, он был очень миролюбивым<sup>3</sup>. Тогда чем объяснить запланированное убийство Булач-хана, зверское убийство ханши Бахубике. По нашему мнению, это запланированное, зверское убийство, и надо отметить, что второй имам не пользовался большим авторитетом ни у самого Шамиля, ни в народе. Таким образом, версия Неверовского нам кажется более правдоподобной. Тем более позже появились работы созвучные с

<sup>1</sup> Неверовский А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгин на Закавказье. СПб., 1846.

<sup>2</sup> Это же. О началах беспокойства в Северном и Среднем Дагестане. СПб., 1847. С. 110; Он же. Истребление аварских ханов в 1834 г. ВЖ. 1848. № 3. С. 1.

<sup>3</sup> Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 49.

этой версией (воспоминания Гуллы – сына Хаджи-Мурада, и его сына – Казанби), изданные в советский период под редакцией А. Тахо-Годи.

В своем фундаментальном труде «Кавказские войны и имамат Шамиля» профессор Н. Покровский приводит аннотации к некоторым работам офицеров Генерального штаба Кавказской армии, которые были изданы в русской периодике.

В том числе интерес представляют работы П.П. Чайковского, который передал военному историку Н. Дубровину военные заметки о кавказских горцах – «Мысль о покорении Кавказа»<sup>1</sup>. Это очень ценные источники о политике царизма на Кавказе и очень жаль, что они не вошли в научный оборот.

В архиве Н. Дубровина хранится также ценная рукопись «Дагестанские события 1840–1841 гг. Из заметок А.Л. Зиссермана».

Всемирно известны «Записки» А.М. Руновского, оказавшие большое влияние на русское общество в восприятии им образа имама Шамиля.

Интерес в дневнике Руновского вызывает сообщение о частичной ликвидации крепостничества в горах при Шамиле, приводимые Руновским низамы по обеспечению торговых сделок. Он, по словам очевидцев, рисует методы обогащения, практиковавшиеся наибами (пример – Согратлинский Курбан)<sup>2</sup>.

Особое место в публицистической литературе – это записки полковника Пржецлавского о Шамиле<sup>3</sup>.

Еще в 1863 году он опубликовал в газете «Кавказ» № 54 статью «Несколько слов о военном и гражданском устройстве существовавшем в Чечне и Дагестане во время правления имама Шамиля».

Пржецлавский проявил себя как человек совершенно некомпетентный в кавказских проблемах, он путает элемен-

<sup>1</sup> Покровский Н.И. Указ. соч. С. 4–5.

<sup>2</sup> Руновский А. Заметки о Шамиле. М., 1989.

<sup>3</sup> Пржецлавский П.Т. Шамиль и его семья в Калуге в 1862–1865 гг. Записки полковника Пржецлавского // РС. СПб., 1877. Т. 20. С. 255.

тарные вещи, и все его произведение проникнуто ненавистью к Шамилю, которого он толкует как прирожденного хищника.

Он пишет: «Все прежние авторы статей о Шамиле смотрели на моего калужского пленника сквозь розовую призму. Они чересчур приукрасили героя своих рассказов и, обманываясь сами, вели в заблуждение читателя»<sup>1</sup>.

Он не приводит новые факты, его работа не содержит ничего нового. Претендуя на знатока арабского языка, он перевел Мухаммед Тахира ал-Карахи и перевод настолько отвратителен, что не выдерживает никакой критики.

Живой интерес русского общества к Кавказской войне нашел свое воплощение в целом ряде небольших рассказов и очерков о военачальниках и наиболее отличившихся солдатах.

Интерес в публицистической литературе представляет опубликованный в 1909 году в журнале «Исторический вестник» очерк о генерале А.М. Алиханове-Аварском, уроженце с. Хунзах<sup>2</sup>. Подписавшийся Н.Ш. очень высоко оценивает личность этого известного дагестанского военного и политического деятеля. В период революции 1905–1907 гг. он явился объектом для сведения счетов террористов, недовольных царскими порядками и погиб от брошенной ими бомбы. Алиханов-Аварский принимал участие (возглавлял Дагестанский конный полк) в покорении Средней Азии. Многие дагестанцы приняли участие в этом походе, в том числе в поход взяли и младшего сына Хаджи-Мурада, который носил имя погибшего отца. Существует фотография «Хаджи-Мурад на берегу р. Аму-Дарьи».

После покорения Средней Азии генерала назначили губернатором в Мервскую область, затем перевели в Закавказье.

Отец генерала был сподвижником Шамиля, пользовался большим авторитетом в Дагестане, женился на сестре 2-го имама Гамзат-бека, который истребил ханскую семью в Хун-

---

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> Из воспоминаний о генерале А.М. Алиханове-Аварском. «Исторический вестник», ноябрь. 1909 г.



захе и погиб от руки Османа – старшего брата Хаджи-Мурада. Максуд – будущий Алиханов-Аварский родился в 1846 году в Хунзахе.

Поверив ложным доносам имам Шамиль приказал убить Алиханова отца Максуда, о чем случайно удалось узнать. Захватив своих детей и жену он перешел к русским. Его любезно принял генерал Аргутинский-Долгорукий. Алихан принял подданство России и был поставлен на военную службу. 11 лет прослужил он в русской армии, получил 11 ранений и дослужился до чина полковника, получил боевые ордена и золотое оружие. После окончания Кавказской войны он вышел в отставку в чине генерал-майора, имел 22 жены и много детей.

Некоторое время дети Алихана были в плену у Шамиля, но их удалось обменять на пленных наибов. Максуда отослали в Тифлис, где он поступил в гимназию. После окончания гимназии в 17 лет он едет в Петербург в военное училище. По настоянию отца Максуд женился в Хунзахе, но, приехав в Петербург, решил развестись с женой. Далее он поступил на службу в Сухумский полк и прослужил так 6 лет. В г. Москве он общался с Катковым (главным редактором «Московских ведомостей»), с Аксаковым и другими выдающимися деятелями России, стал заниматься литературой и живописью. В 1871 году его перевели в Дагестан адъютантом начальника области. (Он позже возглавил подавление восстания 1877 года). В 1873 году он принял участие в Хивинском походе. В 1875 году проездом в Баку вызвал на дуэль старшего по чину офицера и убил его. Его разжаловали в солдаты на 3 года. Позже он принял участие в русско-турецкой войне, за что получил ордена. Далее его направили в Среднюю Азию, в Мервскую губернию. В этот период он успешно занялся литературой.

Ему удалось путем агитации убедить мервский народ добровольно присоединиться к России, за что он получил чин полковника. Он принял участие в подавлении восстаний в Грузии.

Алиханов-Аварский был широко образованным человеком. Он сам писал стихи, небольшие рассказы. При его содействии в типографии М.М. Мавраева была издана ценная

рукопись по истории Дагестана «Тарихи Дагестан». В 1898 г. под его редакцией выходит также ценный источник «Тарихи Дербент наме» с 9-ю приложениями.

Интересные данные о А.П. Ермолове черпаем мы из путевых заметок русского офицера Муравьева-Карского, побывавшего здесь в 1822 г., т.е. в самом начале движения горцев. Он описывает походную жизнь офицеров Нижегородского драгунского полка – Якубовича, Чавчавадзе, Кюхельбекера (будущего декабриста) и самого А. Ермолова. Интересны беседы его с А. Грибоедовым, Волконским. Обществу этому, конечно можно только позавидовать, все в основном вольнодумцы, за исключением Ермолова, который по описанию автора отличается крутым нравом. Интересны сцены пребывания автора заметок в Тарках, описание шамхала Тарковского и его родни<sup>1</sup>.

\*\*\*

«Чего не было в русской литературе так это высокомерия по отношению к другим народам, – пишет известный литературный критик Наталья Иванова, – даже участвуя в военных действиях (или описывая их) писатели сохраняли свое и чужое достоинство»<sup>2</sup>.

Кавказ противостоял имперской столице – естественностью жизни, экзотической красотой обычаев.

Неразрывно и органично связано с Кавказом творчество великого русского поэта М.Ю. Лермонтова.

«Хотя я судьбой на заре своих дней

О южные горы отторгнут от вас

Чтоб вечно их помнить там надо быть раз

Как сладкую песню отчизны моей – люблю я Кавказ!»

Являясь непосредственным участником Кавказской войны, М.Ю. Лермонтов был даже награжден медалью «За храбрость». И здесь проявилась та же тенденция, так характерна для всей творческой элиты России, они стояли за завоевание

<sup>1</sup> Муравьев-Карский. Записки. 1811–1823 гг. // Русский архив. 1888. № 7. С. 313–350.

<sup>2</sup> Иванова Н. Указ. соч. С. 249.

Кавказа и выступали лишь против насильственных методов завоевания его.

Неразрывная дружба связывала М.Ю. Лермонтова с кавказским поэтом Мирзой Фатали Ахундовым и поэтом Бестужевым-Марлинским. Мирза Фатали Ахундов в своем тифлисском доме принимал Лермонтова и читал ему свою поэму, посвященную смерти А.С. Пушкина. Эта поэма была опубликована в журнале «Московский наблюдатель» и назвали ее «прекрасным цветком, брошенным на могилу Пушкина»<sup>1</sup>.

Как грамотный специалист, знающий несколько языков (арабский, персидский, турецкий, татарский) Мирза Фатали Ахундов был назначен в период Кавказской войны служить в штабе Главнокомандующего гражданской частью на Кавказе под начальством барона Розена. Три года прослужил азербайджанский писатель в штабе, а вскоре барон поручает ему составить обращение к лидеру восставших горцев – имаму Шамилю. Розен приказал: «Втолкуйте им так, чтобы засело в их тупых башках, что впредь никакого спуска. Война по всем направлениям». Ахундов писал позже: «Он говорил, а я вспоминал слова Шамиля: «Дружить, но не быть рабом»<sup>2</sup>.

С Кавказской войной связано имя известного русского писателя Бестужева-Марлинского<sup>3</sup>. Сосланный вначале в Сибирь, а затем в 1829 г. на Кавказ он принимал непосредственное участие в войне, но питал к горцам самые теплые чувства, восхищался ими, о чем свидетельствуют его произведения, проникнутые идеями свободы, принесенными с Сенатской площади. Он считал себя третьим Александром (после Пушкина и Грибоедова), которому судьбой предназначена трагическая кончина. В письме своему другу, он писал: «Я был глубоко тронут трагической кончиной Пушкина. Я не сомкнул глаза всю ночь и на рассвете дня был уже на горе, веду-

---

<sup>1</sup> Тусейнов Чингиз. *Азербайджанские мотивы // Защита будущего. Кавказ в поисках мира.* М., 2000. С. 225.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> На тему «Кавказской войны» им написаны рассказы «Письма из Дагестана», повести – «Аммалат-бек», «Мулла-Нур», «Рассказ офицера бывшего в плену у горцев».

шей в монастырь святого Давида. Придя туда я попросил отслужить панихиду над могилой Грибоедова, над могилой поэта, попоранного святотатственными ногами, без камня, без надписи. Я плакал тогда, как плакал теперь. Да я сам предчувствую, что смерть моя будет также насильственна и необычна, и она недалеко от меня. Какая однако роковая судьба тяготее над поэтами нашего времени»<sup>1</sup>.

Предчувствия не обманули поэта. Он погиб во время карательной экспедиции. За три дня до своей смерти он перевел поэму Ахундова.

Тело Бестужева-Марлинского не нашли ни среди убитых, ни среди живых. Это породило слухи, что поэт жив и скрывается среди горцев, чтобы воевать против царя.

Кавказ вдохновил многие свободолюбивые произведения русской литературы. Об этом писал и А.С. Пушкин и великие революционные демократы. Известны замечательные слова В.Г. Белинского: «Странное дело! Кавказу как будто суждено быть колыбелью наших поэтических талантов. С Кавказом соединились судьбы великого русского поэта М.Ю. Лермонтова – на недоступных вершинах Кавказа, увенчанных вечным снегом находит он свой Парнас, в его свирепом Терекке, в его горных, в его целебных источниках находит он свой Кастальский ключ, свою Иппокрену»<sup>2</sup>.

Декабрист А.М. Якубович, служивший на Кавказе с 1818 по 1824 год в походных записках отмечал не только вольнолюбие, храбрость и трудолюбие горцев, что не отвечало официальному взгляду на них как «хищников», склонных к грабежу и насилию. Якубович писал о негативном влиянии на горцев религиозного фанатизма и «кровавых обычаев». Генерал Раевский порицал карательные действия царских войск, сравнивал их с бедствиями первоначального завоевания Америки испанцами.

Одним из первых русских писателей, обратившихся к теме Кавказа был В.Т. Нарезный. В своем романе «Горный

<sup>1</sup> Тусейтов Ч. Указ. соч. С. 225.

<sup>2</sup> Белинский В.Г. Собр. соч. III. 3. М., 1948. С. 692–693.

год или горские князья», он в многосказательной форме подверг критике кавказскую администрацию.

В романе А.А. Шишкова «Кетевана, или Грузия в 1812 году» дана предыстория восстания крестьян в Кахетии, включены были в роман и эпизоды из жизни дагестанских горцев. Автор критикует общинные устои сельского управления, но при этом остается благосклонным к правовым, гражданским установлениям горцев. И что особенно важно, он убеждает читателя в том, что антирусские настроения свойственны тем феодальным владетелям, которые потеряли свою политическую власть, в то время как широкие народные массы – за союз с Россией<sup>1</sup>.

В 1844 году был опубликован роман «Проделки на Кавказе» Е.П. Лачиновой, которая выступала под псевдонимом Хамар-Дабанова. Муж ее служил в отдельном Кавказском корпусе. Это обличительное произведение, несмотря на то, что имело большой успех у читателей, вызвало негодование у царя Николая I, две трети тиража было изъято и уничтожено. Автора отдали под полицейский надзор. За образом главного героя скрывался ссыльный декабрист Бестужев-Марлинский. Хамар-Дабанов – это был хребет в Восточной Сибири, через который шли на каторгу декабристы<sup>2</sup>.

На тему Кавказа были написаны рассказы И.Т. Раджицкого, хорошо знавшего горцев. Он служил в царской армии и не был профессиональным литератором, его небольшие рассказы «Али-Кара-Мурза», повесть «Кыз Брун» написаны по мотивам фольклора<sup>3</sup>.

В подражании пушкинскому «Кавказскому пленнику» написана поэма П. Иноземцева «Зальмира» и другие его произведения.

В 1842 году издается рассказ писателя В. Зотова «Последний Хеак». Это произведение посвящается памяти А.С. Пушкина, А. Марлинского и М.Ю. Лермонтова.

---

<sup>1</sup> *История народов Северного Кавказа. Конец XVIII–XIX в. М., 1988. С. 238.*

<sup>2</sup> *Там же.*

<sup>3</sup> *Там же.*

Известный русский поэт А.И. Полежаев (1804–1838) был сослан на Кавказ царем Николаем I за сатирическую поэму «Сашка». На Северном Кавказе он служил в Московском полку. Здесь он написал стихи и романсы «Ночь на Кубани», «Черная коса», «Тарки», «Пышно льется светлый Терек», «Акташ-Аух», «Казак», «Из послания А.П. Лазаревскому» поэма «Эрпели», «Чир-Юрт», «Герменчукское кладбище». Автор реалистично изображает горцев и с сожалением не пишет о войне.

В 1848 году в журнале «Современник» был издан «Рассказ лезгинца Асана о походе своих» известного филолога В.М. Даля. Автор в этом рассказе вывел образ благородного разбойника, который грабил богатых и помогал бедным<sup>1</sup>.

Основная часть литераторов относилась к числу романтиков, описывая бурные страсти на фоне дикой природы. Многие из них подражали А.С. Пушкину и М.Ю. Лермонтову. И все же они могут служить источниками при изучении истории Кавказской войны.

Роль искусства в профессиональной деятельности историков велика. Здесь интересна присущая исследователям прошлого специфика восприятия исторических явлений у тех и других. Историк, филолог, художник могут видеть одни и те же явления в несовпадающих ракурсах. В работе историков его внимание порой сильно учитывает периферия художественного произведения. В силу своей профессии историк склонен к приземленному, реальному, основанному на добротном документальном материале восприятию даже шедевров произведения искусства.

Всякий историк предстает в непрерывном течение времени как деятель, свидетель, очевидец, исследователь. В свою очередь художник в истории с еще большим основанием выступает в этом тройном амплуа достойном внимания тех, кто профессионально занимается прошлым<sup>2</sup>.

В данном случае батальная историческая живопись, публицистика и художественная литература второй половины

---

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> Ж. *Отечественная история*. М., 2002. № 1. С. 3.

XIX века является ценным источником для изучения истории Кавказской войны. В нашу задачу, задачу историков, входит не только описание тех или иных битв и сражений, а исследовать степень реальность изображаемых художником и писателем событий. Основываясь на документальном материале, которым так богата история Кавказской войны, необходимо определить не только достоверность того или иного исторического события, но и рассмотреть гражданскую позицию того или иного художника, или писателя, был ли он консерватором или придерживался прогрессивных общественно-демократических взглядов. Историк должен исходить из того, что в ткань художественного произведения вплетены формы социального общения.

Художественное произведение, независимо от воли отображает морально-этические нормы того времени – XIX века.

В искусстве много аспектов, связанных с чувственно эмоциональным и даже мистическим восприятием действительности.

Историческая реальность у художников порой деформируется в зависимости от художественных школ и направлений. Необходима целая цепь опосредованных звеньев, делающих искусство источником для исторических построений и отметающих художественные условности. Вмешательство историка вносит порядок в осмысление исторической действительности. Задача историка показать соответствие или несоответствие субъективного восприятия историческим обстоятельствам.

В этой связи нам следует остановить свое внимание, прежде всего на описании личности имама Шамиля, т.к. в этот период (XIX – нач. XX в.) его образ в русской художественной культуре представлен наиболее противоречиво.

Образ Шамиля в русской литературе второй половины XIX – нач. XX века в основном изложен с симпатией и уважением к нему со стороны писателей, поэтов и просто публицистов. Рамазан Абдулатипов в наши дни так оценивает этот феномен: «Для прогрессивных мыслителей, военных и общественных деятелей России и многих других стран имам Шамиль, освободительная борьба горцев Кавказа однозначно и

ясно раскрывали самобытную красоту и богатую культуру народов Кавказа.

А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой, А. Бестужев-Марлинский и многие другие сыны России, которые были на Кавказской войне, выражали свое восхищение имамом Шамилем и горцами Кавказа. Они называли воюющий с Россией Кавказ страной любви, в отличие от тех «патриотов», которые представляют Кавказ как страну «ненависти» и тем самым, толкая сынов различных национальностей России в пучину новых войн. Так восхищаться противником, с которым пришлось воевать, могли только люди, которые олицетворяли духовное величие России высокою нравственностью»<sup>1</sup>.

В этой связи интерес представляет отношение к дагестанскому народу со стороны не только прогрессивной части интеллигенции и революционеров-демократов, а со стороны либералов в чиновничьем аппарате царской России. Так, к примеру, долгое время Начальником Горского Управления при Кавказском Наместнике был генерал Старосельский. А Горское Управление занималось непосредственно делами, касающимися народов Дагестана. При его содействии были открыты такие издания как газета «Кавказ», «Сборник сведений о кавказских горцах» и др. кавказские печатные органы, где наиболее одаренные горцы могли печататься. Активное участие принял генерал при проведении реформы сельского управления, требуя оставить его в неизменном виде.

Другой чиновник горской администрации В.С. Кривенко, посетив Дагестан, описав его экономику после завершения Кавказской войны, пишет: «Тяжелые жертвы понесла наша доблестная армия, но русское сердце не горит ненавистью к кавказскому горцу, защищавшему свою родину, свою свободу. Героями дрались наши деды и братья, но и противник у них был народ, завоевавший своею храбростью внимание всего света. Честь и слава обоим»<sup>2</sup>.

С таким внутренним благородством и просто человеческой добротой описывает имама Шамиля приставленный к

<sup>1</sup> Абдулатипов Р.Т. *Знамя судьбы*. М., 1998. С. 213.

<sup>2</sup> Кривенко В.С. *По Дагестану. Путевые заметки*. СПб., 1896. С. 47.



нему А. Руновский<sup>1</sup>. А воспоминания графини Чичаговой, где она пишет: «Знакомство с этой симпатичной и замечательной личностью оставило во мне навсегда самое приятное впечатление. Жизнь этого героя так храбро и стойко выдерживавшего двадцатилетнюю войну с могущественной Россией полна изумительных эпизодов отчаянной храбрости, тяжести испытаний и лишений. Одаренный гениальным умом он управлял своим народом не только с беспощадной жестокостью и строгостью... В газетных статьях Шамиля признавали гением мусульманского мира»<sup>2</sup>.

Тарас Шевченко был поэтом и художником, ненавидящим самодержавие и восхвалявшим героическую борьбу горцев за свою независимость. Вот его слова, обращенные к борющимся горцам: «Вы боритесь и поборите. Бог вам поможет. С вами правда, с вами слово и воля Святая»<sup>3</sup>.

В наши дни, когда разгорелись сепаратистские страсти некоторые чиновники стараются умолчать период Кавказской войны, а мне кажется наоборот следует больше писать и ставить в пример имама Шамиля, который, в конце концов, понял и завещал нам дружбу с Россией, как альтернативу насилию и войн.

Особое место занимает образ Шамиля в творчестве революционеров-демократов, так, к примеру, в очерке Н.А. Добролюбова и Н. Дмитриева «О значении наших последних подвигов на Кавказе», опубликованному в журнале «Современник» и посвященному пленению Шамиля и взятию Гуниба, августа 1859 года. Прежде всего, в статье подчеркнута, что внимание русского общества приковано к личности имама Шамиля – «Восторженные разговоры и статьи о Кавказе и Шамиле были в последнее время часты, что, наконец, успели надоесть всем»<sup>4</sup>.

Помимо характеристики личности самого имама авторы пытаются раскрыть основную причину начала Кавказской

---

<sup>1</sup> Руновский А. Записки о Шамиле. М., 1989. С. 20.

<sup>2</sup> Чичагова М.И. Шамиль на Кавказе и в России. Махачкала, 1996. С. 40.

<sup>3</sup> Цит. по Абдулатипову Р.Т. Указ. соч. С. 278.

<sup>4</sup> Добролюбов Н.А. Полн. собр. соч. М., 1937. Т. 4. С. 144.

войны. Они отвергают версию о том, что основную роль здесь сыграл мюридизм. Они пишут, что мюридизм явился лишь катализатором событий, а корни борьбы кроются в стремлении жить свободными и независимыми. Другой причиной они считают несовершенную систему управления Северным Кавказом.

Статья Добролюбова и Дмитриева созвучна этим воззрениям. Они пишут: «Ненависть к чужому господству вообще сильна была в горских племенах», опровергают домыслы тех историков, которые ошибочно полагали, что движение горцев было инспирировано извне, в частности Турцией. Анализируя причины поражения борьбы, Добролюбов говорит о том, что кроются в разрозненности, разобщенности горцев в «плохо развитом чувстве национального самосознания»<sup>1</sup> (с чем трудно согласиться – Р.Г.).

Большое место в творчестве занимает характеристика имама Шамиля. Так же как и Н.Г. Чернышевский Н. Добролюбов подчеркивает положительные качества – мужество, решительность, непокорность, которые принесли Иمامу большую популярность по всей России, даже «у врагов своих».

Революционные демократы отдают предпочтение управлению Шамиля, которое позволило организовать разрозненные народные массы. Это прежде всего, организация войска, судебная реформа, соблюдение норм шариата, измененного сообразно с внутренней обстановкой. Они отдают должное организаторскому таланту имама, умению увлечь за собой народ, повести плохо вооруженных людей против обученной армии. И все же революционные демократы не идеализируют образ Шамиля, они подчеркивают его жестокость, особенно в период распада Имамата<sup>2</sup>. Впрочем, и сам имам сокрушался, находясь в плену в Калуге о том, что он плохо обращался с русскими пленными<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Фуновский А. Записки о Шамиле. М., 1989. М. 89.

Н.Г. Чернышевский, сочувствуя борьбе горцев, критикует царское правительство за то, что устроил имаму «почетный плен». Вместе с тем в своих трудах, посвященных Кавказской войне «Кормило кормчему», «Знамение на кровле» он подчеркивает организаторский талант Шамиля в той сложной обстановке, в которой они жил.

Н.Г. Чернышевский пишет о том, что в какой-то мере жестокость Шамиля оправдана. Он был крут не только с предателями, но и с потенциальными изменниками вроде Абу-Джафара<sup>1</sup>.

Совершенно иной Шамиль представляет перед читателями в повести Л. Толстого «Хаджи-Мурад». Здесь портрет имама – это крутой самовлюбленный деспот. «Самолюбование и надменность» – вот отличительные черты, которыми наделяет имама при первом же описании Л. Толстой. Это передано у Л. Толстого за счет внешних деталей (неизменно «каменное лицо», подозрительность (прищуренные глаза). Но при этом писатель не отрицает, каким авторитетом пользовался Шамиль в народе, как восторженно встречает его толпа<sup>2</sup>.

По системе деспотического управления Л.Н. Толстой сближает Шамиля с царем Николаем I, противопоставляя им героическую фигуру Хаджи-Мурата «дорого продавшего свою жизнь»<sup>3</sup>.

Этой теме посвящены многие труды литературоведов и в нашу задачу не входит литературоведческий анализ всемирноизвестной повести великого писателя, увидевшего в событиях Кавказской войны то, что не удавалось до этого никому. Впрочем, последние события в Чечне убеждают нас в том, что на сегодняшний день у нас нет подобных произведений, так сумевших вникнуть глубоко в психологию горцев, раскрыть их особый кавказский, горский менталитет, сформировавшийся веками под влиянием суровой географической среды и

---

<sup>1</sup> Таджиев В.Т., Пикман А.Н. *Российские демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни в 20–30-е гг. XIX в. Махачкала, 1998. С. 52–58.*

<sup>2</sup> Толстой Л.Н. *Хаджи-Мурат. СПб., 1916.*

<sup>3</sup> Подобедова А. *Евгений Евгеньевич Лансере. М., 1961. С. 120.*

особых социально-экономических отношений. Ведь не даром руководителям страны в 90-е годы настоятельно рекомендовали прочитать именно эту повесть.

Но вернемся к личности имама Шамиля и отражению ее в русской художественной культуре.

С трактовкой образа имама и то, что он был аналогичен с Николаем многие литературоведы не согласны. Целый ряд исследователей (к примеру, Б.Б. Шкловский) считают, что нельзя ставить знак равенства между душителем свободы Николаем I и руководителем национально-освободительного движения горцев<sup>1</sup>. Это видимо понимал и сам Л. Толстой. Недаром он наделял имама рядом черт, которые существенно отличают его от царя. В противовес Николаю I, Шамиль показан как умный руководитель горцев и мудрый политик. Писатель Б.Б. Шкловский даже пишет о том, что деспотизм Шамиля несколько оправдан. Он указывает на то, что Николай I развратник, Шамиль же отличает чистота нравов. Добролюбов и Дмитриев пишут о бездарности Николая I и его генералов, ставя им в пример полководческий талант имама.

Опытным военачальником предстает Шамиль в повести Е.А. Вердеревского «Плен у Шамиля» и в романах В.И. Немировича-Данченко «Горные орлы» и «Горе забытой крепости».

Русскую публику интересовало все, что связано не только с общественной деятельностью Шамиля, но и с его личной жизнью.

В повести Е.А. Вердеревского предпринята попытка проникнуть в тайны личной жизни имама. Шамиль в повести – отец, пытающийся освободить своего сына из русского плена. И даже захват в плен грузинских княгинь объясняется только одним – желанием освободить Джамалутдина<sup>2</sup>.

Английская писательница Лесли Бланч писавшая свою книгу со слов старшего сына Шамиля – Казии-Магомед, пи-

---

<sup>1</sup> Хапмурзаев Г. Шамиль в русской литературе. В сб. ст. Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-е годы XIX в. Махачкала, 1994. С. 265.

<sup>2</sup> Хапмурзаев Г. Указ. соч..

шет о том, что Шамиля очень любили дети грузинских княгинь. «Шамиль очень любил детей, их приводили к нему поиграть почти каждый день. Дети взбирались к нему на колени, весело кричали и громко смеялись. К княгиням возвращались они счастливые, возбужденные, приносили с собой фрукты и лакомства, которыми их щедро одаривал имам»<sup>1</sup>.

Кроме того, Шамиль требовал от подчиненных внимательного отношения к княгиням, чтобы их никто не обижал, чтобы хорошо кормили<sup>2</sup>.

Так, что утверждение Вердеревского имели основание, когда он описывает непритязательность и скромность Шамиля в быту. Это подчеркивают хроникеры Кавказской войны – Гаджи-Али<sup>3</sup>, Мухаммед Тахир-ал-Карахи и Абдурахман, а также А. Руновский, приставленный к пленному Шамилю.

Литературовед Г.Г. Ханмурзаев в своем исследовании дает анализ повести Вердеревского, представленный Н.А. Некрасовым. Он (Некрасов) пишет о Шамиле следующее: «Человек бесспорно замечательный, хитрый и изворотливый, лукавый и недоверчивый», он пишет о нем как о властном непреклонном человеке, добывающемся своего во что бы то ни стало<sup>4</sup>.

Многие русские писатели пишут о жестокости Шамиля, а Добролюбов и Дмитриев одну из основных причин падения Шамиля видят именно в этом. «Уважение к себе, – пишут авторы о Шамиле, – поддерживал он страхом, нежели любовью, палач бы при нем неотлучно и казни были беспрестанно. Пока еще имел успехи и мог защитить, его чрезвычайно уважали и любили. Но как только успехи его прекратились особенно после того, как он вызвал такую бездеятельность во время Крымской войны, которой он мог отлично воспользоваться,

---

<sup>1</sup> Лесли Бланч. *Сабли рая*. Лондон, 1960. Перевод Давыдова Л.Н. С. 45–46.

<sup>2</sup> *Шам же*.

<sup>3</sup> Гаджи-Али. *Сказание очевидца о Шамиле* // ССЖГ. Вып. VII. Тифлис, 1873. (Переиздание с комментариями). Махачкала, 1996. С. 75.

<sup>4</sup> Ханмурзаев Г. *Указ. соч.*

Шамиль давно уже не был для горцев представителем свобод и национальности»<sup>1</sup>.

Но следует заметить, что при всей гениальности и прозорливости на сей раз Н. Добролюбов ошибся, отнеся все промахи и крах национально-освободительного движения за счет личностных качеств самого имама Шамиля. Причины эти имеют глубокие корни, которые уходят в социальную базу. Авторитет имама в народе всегда был очень высоким и непоколебимым на сей день.

Народ устал от тринадцатилетней войны. И тут дело даже не в том, что писал Добролюбов – «В плохо развитом чувстве национального самосознания». Этого качества в горцах было и есть с избытком. Экономическая изоляция, отсутствие самых элементарных продуктов питания, нищета доводили горцев до того, что многие целыми месяцами вынуждены были питаться только травой (как писал Гаджи-Али)<sup>2</sup>. Во время победоносного шествия фельдмаршала Бярятинского в окружении «блистательной» свиты по горам все были поражены видом обнищавших горцев. «Истощенные, исхудалые лица, рубища на взрослых, и нагие в буквальном смысле слова дети обоего пола». При этом никто из горцев не поднимал брошенные им золотые монеты, а, плюнув на них, отворачивались и уходили<sup>3</sup>.

К 50-м годам все явственней становились противоречия внутри Имамата.

Н. Дубровин писал: «В зиму 1847–48 гг. власть Шамиля висела на волоске, народ роптал»<sup>4</sup>.

Вследствие длительной войны «поля остались необработанные, а семейства голодными»<sup>5</sup>. Масса народа не добилась ни аграрных, ни экономических преобразований. Даже

<sup>1</sup> Добролюбов Н. Полн. собр. соч. М. 1937. Т. 4. С. 143.

<sup>2</sup> Гаджи-Али. Указ. соч.

<sup>3</sup> Зиссерман А. А. Фельдмаршал князь Бярятинский. М., 1890. Т. II. С. 221.

<sup>4</sup> Дубровин Н. Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. СПб., 1889–1898. Ч. IV. Кн. II. С. 255.

<sup>5</sup> Там же.

элементы уравниловки наблюдавшиеся в первые годы движения не стали всеобщими.

Стал формироваться новый управленческий аппарат Имамата, в лице наибов, мусульманского духовенства, эксплуатирующие свой народ. Обременительной для обнищавшего народа стала налоговая система. Хаджи-Мурат, будучи в плену писал: «Доходы наиба состоят в помощи рук вверенного ему края». Другой участник движения – зять Шамиля Абдурахман писал о беспределе со стороны наибов – они насильственно захватывали земли, имущество, безнаказанно убивали. Алчность, произвол наибов не знали предела, их сравнивали с «волками над стадом».

Когда казна и все имущество имама Шамиля было разграблено, перед пленением Шамиля Мухаммед Тахир ал-Карахи писал: «Слава великому! Как многочисленно то, что собрал имам и что собралось у него в течение почти десяти лет из наличной казны и драгоценный богатств. Сделал над ними аллах то, что хотел сделать, когда количеству их стал завидовать народ»<sup>1</sup>.

Обогащались и наибы. За весьма короткий промежуток времени они превращались в богатых людей.

Доведенный до нищеты горский народ вынужден был покидать владения имамата и отправляться в те области, которые находились под властью царских войск, там за работу платили жалованье и сложно было жить. Об этом хорошо написал Гаджи-Али, верой и правдой служивший имаму и затем после 1859 г., поступивший на службу в администрацию<sup>2</sup>.

Одним за другим изменяли имаму верные наибы – как образно в арабской стихотворной форме пишет об этом Мухаммед-Тахир ал Карахи.

«Наибы его оказались наибами порока  
Подлинно были они бедствием народа  
Назначал он их над народом как пастухов

<sup>1</sup> Мухаммад Тахир ал-Карахи. *Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах*. Перевод А. Барабанова. Махачкала, 1990. Ч. II. С. 72.

<sup>2</sup> Гаджи-Али. Указ. соч. С. 74.

А они оказались подобно волкам над стадами»<sup>1</sup>.

Таким образом, причин для падения имамата оказалось достаточно много. И все же организовать столь мощное сопротивление в течение 25 лет при наличии кордонных мнений с севера и с юга, создать государство с его всеми необходимыми атрибутами, создать многочисленное войско со своими знаками отличия и громить им армию мощного государства как Россия, наладить изготовление пушек и снарядов, оружия, конечно мог истинно гениальный человек каким был имам Шамиль.

При всей своей гениальности полководца и политического деятеля Шамиль был человеком не лишенным простых человеческих недостатков. Наверное следует подняться над ними и увидеть главное в нем, а не превращать недостатки в порок, как это делают некоторые современные историки вроде С. Дегоева и М. Блиева, которые превратили имама в «коварного жестокого деспота» напоминающего персонаж «злого царя» из восточных сказок.

А то, что он принял подданство России лишний раз доказывает то, что он не был тупым фанатиком, что, как известно, является первым признаком человеческой ограниченности. Живя глубоко в горах он не был осведомлен о мощи и роли России в Европе, у него же не было телевидения, радио, никакой информации. На его землю нападали, сжигали аулы, убивали соплеменников и он защищал честь земли и свою тоже.

Не менее известной личностью Кавказской войны был наиб Хаджи-Мурад, чей образ нашел освещение в русской художественной литературе задолго до Л.Н. Толстого.

Просто поразительно, что высокую оценку, как Шамилю, так и Хаджи-Мурату дают их прямые противники – царские генералы и офицеры. Наверное, надо обладать высокой внутренней культурой, чтобы встать над своими эмоциями и по достоинству оценить своего противника.

---

<sup>1</sup> Музаммед Шахир ал-Карахи. Указ. соч. С. 272.



Известный военный историк Н. Дубровин писал: «Личность Хаджи-Мурата настолько известна на Кавказе, что пройти ее молчанием невозможно»<sup>1</sup>.

Библиография истории Хаджи-Мурада в научной литературе обширна. Пожалуй, трудно найти сочинение, посвященное Кавказской войне, где бы не упоминалось его имя. О нем говорят и в военных сочинениях, отчетах царских генералов и офицеров, частной переписке, донесениях разведчиков и путешественников, этнографов и географов в военно-исторической и справочной литературе, сочинениях военных историков и горских хроникеров.

Дореволюционные журналы «Русская старина», «Русский архив», «Военные сборники» постоянно публикуют о нем свои материалы.

Наиболее интересные из публикаций напечатаны № 30 «Русской старины» (1881 г.). Это письма М.С. Воронцова, «Записка Лорис-Меликова о Хаджи-Мурате», материалы собранные А.Л. Зиссерманом с комментариями, записка генерала М.Я. Ольшевского.

В 1882 г. – вышел в свет IX том Актов Кавказской войны Археографической Комиссии, в котором напечатаны материалы о Хаджи-Мурате.

В 1883 году – в VII томе Кавказского сборника опубликована переписка ген. Клюген фон Клюгенау с Хаджи-Муратом, относящимся к 1840 году.

В 1884 году в «Русской старине» опубликованы письма М.С. Воронцова к Н.Н. Муравьеву и М. Лорис-Меликову, где упоминается Хаджи-Мурат.

В 1885 г. в X т. АКАК содержатся письма М.С. Воронцов, где упоминается Хаджи-Мурат.

В «Русском архиве» в 1890 г. изданы 7 писем М. Воронцова о Хаджи-Мурате. В книге А. Зиссермана «Фельд-маршал кн. А.И. Барятинский также – письма Н. Воронцова о Хаджи-Мурате. Материалы из него написаны в журнале «Старина и новизна», 1902 год.

---

<sup>1</sup> Дубровин Н. Военный сборник, 1886 г. № 7. Отд. II. С. 11.

Вот только некоторые издания, в которых есть материалы о Хаджи-Мурате.

1. Лорис-Меликов М.Т. Записка, составленная по рассказам и показаниям о Хаджи-Мурате. Ж. «Русская старина». 1881. Т. XXX. С. 668–677.

2. Ген. В.А. Потто – Хаджи-Мурат (Библиографический очерк) // Военный сборник. 1870. № 11. С. 157–187.

3. Предание о шамилевском наибе Хаджи-Мурате // СМОМПК. Вып. 40. С. 34–70.

4. Эсадзе С.С. Хаджи-Мурат (историко-биографический очерк) в газ. «Закавказье», 1910. №№ 272–276.

5. Полторацкий В.А. Воспоминания – Исторический вестник, 1899 г.

Наиболее интересные воспоминания о Хаджи-Мурате поручика Полторацкого<sup>1</sup>.

«По сведениям лазутчиков, – пишет Полторацкий, – у горцев была сборе партия громадная и во главе его достахваленный боец Хаджи-Мурад».

Рассказав обо всем этом Полторацкий пишет: «После скрытия Шалинских окопов мы расположились лагерем в вырубленной просеке, занимаясь время от времени более или менее горячими перестрелками с неприятелем и развлекаясь рассказами о прибытии из Дагестана в Чечню легендарного богатыря Хаджи-Мурада. Какие чудеса трубят об этом аварском хвате! Если верить наполовину тому, что воспевают о его безумной отваге и невероятной дерзости, то и тогда приходится удивляться, как аллах спасал его сумасбродную голову. Военная слава Хаджи-Мурада ни в ком не встречает себе соперничества и популярность его гремит от Каспийского до Черного моря. Шамиль его недолюбливает, но уважает и боится более, чем султана Елисуйского. А это не шутка в глазах посвященных в отношении имама к этим двум крупнейшим личностям на Кавказе».

С тех пор проходит ровно одиннадцать месяцев Полторацкий продолжает службу в своем Куринском полку, расположенном в крепости Возвыжейской в Чечне. Командир гвар-

<sup>1</sup> Полторацкий В.А. Воспоминания // Исторический Вестник, СПб., 1899.

дии полковник князь Семен Михайлович Воронцов – сын наместника Кавказа – приказал Полторацкому наступить со своей ротой утром 23 ноября в Аргунское ущелье, встретить и доставить к нему очень важную личность. Вместе с Полторацким выехал и сам Воронцов. Князь ехал молча. Когда подъехали к опушке леса полковник Воронцов таинственно спрашивает Полторацкого:

«И вы до сих пор не догадываетесь, кто это неизвестный которого я жду?»

«Нет князь, не имею никакого понятия».

«Это.... это... это, ни больше ни меньше, сам Хаджи-Мурад», – торжественно пояснил он.

Только что подскакал я к 3-му взводу, как из опушки леса показалось несколько всадников. Впереди всех ехал красивый, статный брюнет, в щегольской белого цвета сукна черкеске, увешанной дорогим, в золотой оправе оружием. Умное и энергичное его лицо с блестящими глазами, выражало полное спокойствие и самонадеянность. Подъехав ко мне, он остановил коня так близко, что мы щелкнулись с ним стременими. Приятельски протянув мне руку, он развязно сказал мне на аварском языке приветствие и вопросительно махнув рукой в сторону князя, вместе со мною направился к нему. Это был сам Хаджи-Мурад, а по обеим сторонам по два почетных лица, все украшенные на груди металлическими бляхами, вроде звезд».

Далее Полторацкий рассказывает, какой прием был оказан Хаджи-Мураду в доме полковника Воронцова, о скандале который произошел из-за наива между полковником и генералом Миллером и другие подробности.

В отдельной главе своих воспоминаний, которую назвал «Конец Хаджи-Мурада. Полторацкий пишет о его бегстве из плена и гибели. Когда погоня настигла Хаджи-Мурада, его товарищи уже погибли, – пишет в заключении Полторацкий.

«Собравшись здесь, долго не могли одолеть Хаджи-Мурада, явившего неслыханную отвагу. Расстреляв до последнего все заряды из винтовки и пистолета, он как лев вскочил на прикрывавший его завал и, истекая кровью от тяжелых ран, отчаянно рубился шашкой. Целый рой пуль летит

в освирепевшего зверя, но он в исступлении все еще крошит смерть ближайших врагов своих. Наконец, роковая пуля повалила его на землю. С криком восторга победители устремились к павшему герою, но и тут Хаджи-Мурад, закатывая глаза в предсмертной агонии, успел распороть кинжалом животы двум отважнейшим врагам. Так погиб легендарный боец Хаджи-Мурад, но какую цену достался нам труп его? Из 18 жертв, уложенных рукою героя, прежде чем овладеть им, 11 поплатились жизнью... Исчезла с лица земли колоссальная личность, но вместе с ним навеки умерла и тайная цель мнимого примирения ею с Россией»<sup>1</sup>.

В личном архиве историка Магомеда Бадаевича Гаджимурадова потомка наиба, хранятся воспоминания современников Хаджи-Мурада.

Это в виде рассказа Исмаил Магомеда которые передают обстановку сложившуюся в Хунзахе после убийства имама Гамзата, «роль Хаджи-Мурада в войне хунзахцев с Шамилем», рассказывает о подвигах Хаджи-Мурада совершенных им будучи наибом Шамиля».

Вражда между Шамилем и Хаджи-Мурадом – тема постоянных разговоров и споров в Дагестане. Не одна книга на тему Кавказской войны не обходится без нее. Исмаил Магомед рассказывает Андрееву о причинах вражды между Шамилем и Хаджи-Мурадом и обидах, причиненных последнему имамом, переходе наиба на сторону русских.

Известный русский писатель Захарьин-Якунин еще молодым офицером ездил в Калугу, встречался там с Шамилем. Впоследствии он написал интересный очерк «Поездка к Шамилю в Калугу»<sup>2</sup>. Спустя почти сорок лет после пребывания в Калуге, Захарьин-Якунин встретился в Кисловодске с сыном Шамиля генералом Магомед-Шафи и подружился с ним. Результатом этой встречи явился новый очерк «Генерал Шамиль и его рассказ об отце». В те же годы Захарьин-Якунин написал еще одну книгу «Кавказ и его герои». В ней писатель рассказывает о русских героях, отличившихся в Кавказской

<sup>1</sup> Полторацкий В.А. Воспоминания // Исторический Вестник, СПб., 1899.

<sup>2</sup> Материалы из личного архива М.Б. Гаджимурадова.

войне. В книге есть один единственный очерк, посвященный Кавказу — это «Хаджи-Мурад».

Для жизнеописания Хаджи-Мурада, Захарьин-Якунин использовал уже известные материалы.

Рассказывая на основе доступных ему сведений и официальных версий обо всем этом, Захарьин-Якунин так описывает арест Хаджи-Мурада и его бегство. «По клеветническим наговорам личных врагов Хаджи-Мурада, ставших правителями Аварии и завистливо взиравших на громадную популярность молодого Мурада, среди аварского народа, он был заподозрен в сношениях с Шамилем. И вот его гордого, главное ни в чем не виновного именитого аварца, верой и правдой служившего России и горячо отстаивавшего свою свободолюбивую родину от деспотической власти Шамиля, его гордого Хаджи-Мурада приказано было заковать в кандалы и под конвоем солдат доставить в Темир-Хан-Шуру... Это было неслыханным унижением и позором для родовитого горца.

Так как очень опасались известной уже отваги Хаджи-Мурада и его страшной физической силы, то его не только заковали в кандалы, но и еще окружили конвоем в 40 солдат, при особо напряженном для его сопровождении офицера. Но случай и отвага помогли Хаджи-Мураду спастись»<sup>1</sup>.

Офицер царской армии эстонец по национальности барон Искуль долго служил и жил на Кавказе. Он был талантливым писателем. Жизни и быту народов Кавказа, которых горячо любил, Искуль посвятить повести, рассказы, новеллы и пьесы в том числе пьеса «Имам Гамзат». В драме «Имам Гамзат» Искуля одним из главных действующих лиц выступает Хаджи-Мурад<sup>2</sup>.

Впервые самостоятельное художественное произведение посвятил Хаджи-Мураду русский писатель Мордовцев.

Он изобразил судьбу Хаджи-Мурада в своей исторической повести «Кавказский герой». По объему она меньше повести Л.Н. Толстого и состоит из X глав.

---

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> Там же.

Канва и различные детали «Кавказского героя» Мордовцева во многом превосходит замысел Л.Н. Толстого. Но повесть Мордовцев написал схематично и сухо, в художественном отношении неизмеримо ниже повести Толстого «Хаджи-Мурад». Мордовцев плохо представлял себе не только жизнь, нравы и обычаи горцев, но даже географию Кавказа, и об описываемых исторических событиях он имел весьма поверхностное представление<sup>1</sup>.

«Кавказский герой» Мордовцева вышел в свет за 30 лет до появления повести Л. Толстого «Хаджи-Мурад» и в настоящее время имеет лишь исторический интерес.

Еще до революции в переводе на русский язык публиковались отдельные песни горцев о Хаджи-Мураде.

В 1909 г. русские этнографы Александров и Лобанов, путешествуя по Дагестану, побывали в Хунзахе. Здесь они в переводе Далгата Гитиновасова записали аварскую народную песню о Хаджи-Мураде. В 1910 году они опубликовали ее в журнале «Русское этнографическое обозрение» под заглавием «Аварская легенда о Хаджи-Мураде». Кстати эта же песня о Хаджи-Мураде еще в 1886 г. записана в Хунзахе известным военным историком Потто. В период работы над повестью «Хаджи-Мурат» генерал послал эту песню Л. Толстому. Эта песня в обработке Э. Капиева была опубликована в советское время.

Э Капиев

### Хаджи-Мурад

Слушайте, братья, а я вам спою  
Одну незабвенную песню свою  
О барсе, сраженном в неравном бою,  
О битве жестокой в немирном краю.

О том, кто рожден был в железной броне,

---

<sup>1</sup> Там же.

В набегах был первым на зорком коне,  
Кто саблей вокруг всей земли полоснул,  
Рождая в ущельях немолкнувший гул.

Он крепости вражьи взрывал, ворота,  
Он в плен азейминские брал города.  
Парящим орлам недоступный Хайдак  
Ударом ладони сжимал он в кулак

В дворцы проникал, беспощадный как дев,  
Стальные ворота коленом открыв.  
Надменных красавиц-княгинь похищал  
И лучших коней у князей угонял.

– О где вы, солдаты, в какой стороне  
Таскать вас героев на зорком коне?  
Молчат генералы – и в белых шатрах  
Не виден, не слышен поверженный враг!

Но тысячу раз повторяется бой,  
Не верь тишине, победитель-герой,  
Ведь царского войска не счесть, не объять  
И царской картечи клинком не унять.

Коврами убрал ты, как шахский базар,  
Достойный, но бедный аул Дешлагар.  
И в местность чужую, в долину Талгин,  
Ходил за добычей, как ястреб, один.

Как ястреб крылатый, джан-Хаджи-Мурад,  
О, скольких настиг ты царевых солдат...  
Свои рукава закатав до локтей,  
Ты в битву бросался пантеры храбрей,  
Пантеры голодной в безлесном краю  
Пантеры, рожденной в кровавом бою!<sup>1</sup>

---

<sup>1</sup> В книге: Эфенди Капиев. Резьба по камню. М., «Советский писатель», 1940. С. 67–68.

В обширном и малоизученном цикле исторических песен времен борьбы горцев с царским самодержавием особое место занимают песни о Шамиле и его знаменитом наибе Хаджи-Мураде. К сожалению, наряду с великолепными образцами творчества, отмеченными горделивым духом национального самосознания и протеста против колониального порабощения – очень многие из этих песен проникнуты религиозными настроениями и тенденциями в соответствии с официальной идеологией имамата.

Итак, образ Хаджи-Мурада в русской литературе был описан еще задолго до толстовской повести. Но выдающееся произведение о Хаджи-Мураде создал Лев Николаевич.

Лев Николаевич служил на Кавказе в молодости, любил эту землю и собирал материал для повести много лет. Он встречался с известными историками, писателями. Особенно тесные дружеские отношения сложились у писателя с военным историком А. Зиссерманом. Вернувшись с Кавказа в 1889 году он поселился в своем имении в Тульской губернии. В 12-ти километрах находилось имение А.Н. Толстого – Ясная Поляна. Два писателя встречались ни один раз. Лев Николаевич познакомился с богатой библиотекой А. Зиссермана, делал выписки. Толстой ездил к А. Зиссерману 2 раза в июле и сентябре 1896 года и получил в подарок книгу хозяина усадьбы «25 лет на Кавказе», а затем и полное его собрание сочинений с автографом. В подборе материала Лев Николаевич был очень строг. Любая деталь периода Кавказской войны интересовала его. Он переписывался с вдовой коменданта города Нухи, полковника Карганова, все ее рассказы использовал в своих повестях «Хаджи-Мурад» и «Кавказский пленник», сюжет для которого он заимствовал у А. Зиссермана<sup>1</sup>.

С большими перерывами работал Лев Николаевич над Хаджи-Мурадом, в общей сложности в течение 8-ми лет<sup>2</sup>. Он видел наместника Кавказа князя Барятинского, офицера Полто-

---

<sup>1</sup> Таджиев Б.Н. *Хаджи-Мурад в историях и легендах*. Махачкала, 2005. С. 136.

<sup>2</sup> Тубаханова Р. «О повести Л.Н. Толстого *Хаджи-Мурад*» // *Ж. Литература в школе*. М., 2003. № 7. С. 48.



рацкого, выведенный в повести под своей фамилией, был его сослуживцем по военной службе. Он знакомился с ветеранами Кавказской войны. Немалую помощь Л.Н. Толстому оказал и полковник С. Эсадзе, автор известных произведений по истории Кавказской войны. По собственной инициативе он подбирал материалы по таким вопросам, как возникновение мюридизма, истории трех имамов, отношение царского правительства к ханам, истории Шамиля и его жен. На его письменном столе постоянно была литература о Кавказской войне. Сам он так писал: «Когда я пишу историческое, я люблю быть до малейших подробностей верным действительности».

В январе 1905 года София Андреевна, жена писателя, под диктовку Толстого записывала рассказ о жизни Хаджи-Мурада. А в начале февраля 1909 года в Ясной Поляне в присутствии писателя читали газету «Русское Слово», где приводились слова А.И. Куприна о Толстом. «Может быть держа в своем столе такие свои работы, как «Хаджи-Мурат» и не пуская их в свет, он держит мысль показать нам уже после своей смерти, какая у него была сила»<sup>1</sup>.

Впервые повесть была опубликована в 1912 году.

150 лет прошло с исторических времен, но повесть оставляет очень сильное впечатление.

---

<sup>1</sup> Там же.

## Заключение

---

Первая половина XIX века характеризуется ростом буржуазно-демократических, а также национально-освободительных движений по всему миру.

В Европе вспыхивают буржуазные революции – в 1848 г. во Франции, Австро-Венгрии, Польше в 1830 г., на Балканах.

Активную роль в подавлении растущего национального самосознания народов Европы наряду с монархическими государствами Австрией и Пруссией сыграла и царская Россия, за что получила звание «жандарма Европы».

На этом фоне разбушевавшаяся на Северо-Восточном Кавказе национально-освободительная война под руководством Шамиля нашла горячее сочувствие и симпатию со стороны всей прогрессивной общественности как европейской, так и русской интеллигентной элиты. Вопреки оголтелым шовинистическим взглядам российских высших правительственных кругов, военного генералитета, прогрессивная русская и европейская общественность, следуя гуманистическим традициям, представляли горцев в самом романтическом свете.

Русское общество по отношению к событиям Кавказской войны не было однородным. Официальная Россия в лице высших сановников считала необходимым подчинение горцев насильственными методами, силой оружия. Однако прогрессивная часть общества не поддерживала эти методы. Даже в высших кругах не было единства. Так адмирал Н.С. Мордвинов предлагал отказаться от политики покорения горцев Кавказа силой оружия и приступить к экономическому освоению Кавказа. Сомнения в политическом курсе правительства высказывали и военный министр Д. Милютин, в ведении которого находились народы Чечни и Дагестана, также выступал за либеральные ме-

тоды правления в отношении горцев<sup>1</sup>. Учитывая уровень социально-экономического развития, традиционный образ жизни, многоязычный состав населения Дагестана, либерально-крепостническое крыло правительственного аппарата требовало при проведении национальной политики большой «осторожности и постепенности»<sup>2</sup>.

Либеральное направление правительственной элиты сказалось и на организации управления. Несмотря на «особое» положение в системе российской административно-политической системы в виде «военно-народного» управления были сохранены традиционные формы управления – как сельская организация, система судопроизводства, основанная на адатах и шариате, мусульманские школы-мактабы и медресе, «наибства», как административно-территориальное деление. С почестями был пленен имам Шамиль.

Либеральные веяния коснулись и интеллигенции России. Так, писатель С. Иванов в статье «О сближении горцев с русскими на Кавказе» открыто призывает против применения оружия, предлагает строить взаимоотношения с горцами на базе экономического и культурного общения. Развитие торгово-экономических и культурных связей, писал он, даст толчок росту производительных сил горцев, улучшит их благосостояние. Эти сближения могут послужить началом образования края и значительно облегчить военные операции и даже иногда устранить их печальную необходимость<sup>3</sup>. И все же правящие круги России решили применить оружие. Эту политику осуждали передовые прогрессивные деятели русского народа. Насилие вызывает протест. Лучшие умы, гордость интеллекта России – А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А. Бестужев-Марлинский, А.С. Грибоедов и многие другие гуманно и сочувственно относились к горским народам, высоко ценили свободолюбие и отвагу горцев и мечтали о соединении народов.

---

<sup>1</sup> Гаджиев В.Т., Пикман А.М. *Российские демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни в 20–50 гг. XIX в.* Махачкала, 1998 С. 27–28.

<sup>2</sup> Милютин Д.А. *Дневник, М., 1947. Т. I. (1873–1875 гг.)* С. 10–11.

<sup>3</sup> Иванов С. *О сближении горцев с русскими на Кавказе // Военный сборник, 1859. № 7. С. 541–549.*

Не только события Кавказской войны, но и вся история Кавказа сыграла большую роль в формировании общественно-политического мировоззрения в России. Особенно велико было это влияние Кавказа на художественную культуру. В этой связи изучение произведений представителей русской интеллигенции, посвященных событиям Кавказской войны представляет большой интерес. Полотна живописцев, художественные творения являются источником, причем наиболее впечатляющими и незабываемыми.

Художники-баталисты, в основной своей массе призванные выполнить официальный заказ для музея «Храма Славы» доблестного русского оружия и славных его побед, отнеслись к поставленной перед ними задаче с чувством высокого гражданского долга, верностью высшим гуманистическим традициям. Г. Гагарин, И. Горшельт, Ф. Рубо, А. Грузинский, Тимм, Зайнковский, Е. Лансере оставили своим потомкам неповторимые образы наших предков, запечатлев их, в основном с живой натуры, что делает их труды уникальными, животворящими и необычайно ценными для сегодняшнего дня.

Все исторические события, нашедшие отражение в живописи художников-баталистов написаны ими в высшей степени в реалистической манере, максимально приближенной к реальным ужасающим сценам кровопролитных битв, гибелью людей, страданиями и бедствиями мирного населения. Отойдя от академической, классической школы живописи представляющей сцены военных сражений с театрально красивыми позами их участников, вычурными фигурами всадников, эти художники поднялись на целую ступень выше своих учителей-академистов.

Сражающиеся за свободу горцы – в их работах это не хищники и дикари, борющиеся лишь ради обогащения и наживы, какими их представляют некоторые современные ученые. Стоит только взглянуть на спокойные и мужественные лица с портретов героев – Шамиля, Хаджи-Мурада, наибов Шамиля, так прекрасно выполненные Горшельтом, чтобы понять, что эти люди прекрасно понимают, во имя чего они ежедневно рискуют своей жизнью, борясь против хорошо отлаженной военной машины одной из крупнейших европейских империй.

Сверив изображаемые на художественных полотнах исторические события с документальным материалом, мы пришли к выводу, что, в основном, они отвечают всем требованиям исторической достоверности и могут служить при изучении истории Кавказской войны наглядным документальным материалом.

Наиболее активно выступили против методов ведения Кавказской войны публицисты. Решительно в защиту прав народов Кавказа выступили революционные демократы в лице В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова и др.<sup>1</sup>

О резкой дифференциации русского общества в отношении методов покорения горцев Кавказа писал А.И. Герцен. Он писал: «Все те, которые не умеют отделить русское правительство от русского народа – ничего не понимают»<sup>2</sup>. Он был противником захватнических войн, а военные действия царизма на Кавказе он причислял к тягчайшим преступлениям, а русский народ он считал такой же жертвою правительства, как и горцев.

Разоблачал захватническую политику царизма и Н.Г. Чернышевский, в то же время глубоко веря, что русский народ внесет позитивный вклад в процесс духовного и экономического развития народов Кавказа.

Большое место занимала тема Кавказской войны в произведениях писателей второй половины XIX – начала XX века. Ненавидя самодержавие и симпатизируя горцам, выступали такие известные писатели как Тарас Шевченко, Н.А. Некрасов, который в возглавляемом им журнале «Современник» печатал очерки, которые правдиво и реально отражали Кавказскую войну.

Особое место в творчестве великого русского писателя Л.Н. Толстого заняла тема Кавказской войны. Во всех своих произведениях на эту тему он выступает против войны, против насилия. С присущей ему художественной гениальностью, он в повести «Хаджи-Мурад» проводит параллели и двумя деспо-

---

<sup>1</sup> Цит. по: Гаджиев В.Г., Пицман А.М. *Российские демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни в 20–50 гг. XIX в. Махачкала, 1998. С. 43.*

<sup>2</sup> Герцен А.И. *Полн. собр. соч. Т.2. 1920. Т. 14. С. 11.*

тиями – Шамилем и Николаем I, где свободолюбивая натура обречена на гибель.

Интерес представляет в повести Л.Н. Толстого образ, простого русского солдата Авдеева, который с симпатией относится к горцам и бессмысленно погибает. Этим образом Л.Н. Толстой подчеркивает отношение не только солдат, но и самого русского народа к событиям Кавказской войны.

Итак, подводя итог вышеприведенному материалу можно сделать вывод о том, что в отличие от представителей самодержавия, прогрессивная часть русского общества решительно отстаивала право горских народов, выступали против отождествления царизма с русским народом. Не русский народ, а царизм был виновен за события Кавказской войны.

**Электронная библиотека  
Института истории,  
археологии и этнографии  
Дагестанского ИЦ РАН**



**instituteofhistory.ru**

## Оглавление

ВВЕДЕНИЕ .....	3
ГЛАВА I. КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ .....	23
§ 1. События Кавказской войны в творчестве М.Ю. Лермонтова и Г.Г. Гагарина .....	23
§ 2. Отражение кавказской войны в творчестве художников В.Ф. Тимма и А. Грузинского .....	48
ГЛАВА II. ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ И РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ О СОБЫТИЯХ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в. – нач. XX в.) .....	57
§ 1. Западная Европа в XIX в. о событиях Кавказской войны .....	57
§ 2. События Кавказской войны в отражении работ художника Т. Горшельта .....	60
§ 3. Кавказская война в творчестве Ф. Рубо .....	83
§ 4. Е.Е. Лансере и Дагестан .....	101
ГЛАВА III. РУССКОЕ ОБЩЕСТВО И КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА .....	113
ЗАКЛЮЧЕНИЕ .....	145

Формат 60x84 1/16. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.  
Тир. 300 экз. Размножено ПБОЮЛ «Зулумханова»  
Махачкала, ул. М.Гаджиева, 34.